
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фотографии, напечатанные на первой и второй страницах обложки, сняты в разных городах, в различных условиях, но в этих снимках много общего, и посвящены они одной теме. Тема эта — воспитание нового пополнения рабочего класса нашей страны.

Взгляните на первый снимок, сделанный в ремесленном училище № 1 города Днепродзержинска. Подписью к этой фотографии могла бы послужить строка из известной песни: «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Эти слова в одинаковой степени относятся к ремесленникам Володе Отрадову (слева), Пете Маслову, которые только начинают свой трудовой путь, и к мастеру производственного обучения Анисиму Григорьевичу Миклушову, который хоть и стар годами, но молод душой. И трудно сказать, кто волнуется больше в эту знаменательную минуту: два юных кузнеца, которые должны выполнить сейчас свою первую самостоятельную работу, или их учитель, бывалый кузнец, выпускающий взращенных им птенцов в полет...

Другой снимок. Он сделан в Ленинграде, в ремесленном училище № 2, которое находится при прославленном Кировском заводе. В кабинете специальной технологии собрались ремесленники. Они окружили знатного фрезеровщика лауреата Сталинской премии Евгения Савича, рассказывающего им о своих методах работы. Савич принадлежит к сравнительно молодому поколению рабочих, которые вышли к станкам в первые годы сталинских пятилеток и учились у таких, как Миклушов, у таких, каким был отец Савича, кадровый путиловец. А теперь у Савича свои ученики; теперь Савич возглавляет бригаду творческого содружества, в которую входят ученые, инженеры, техники. Что ж, пройдет несколько лет, появятся свои ученики и у тех, кто с жадным интересом слушает сейчас Евгения Савича,— у этих юношей, перед которыми лежит светлая, прямая дорога...

Фото на первой странице **Дм. Бальтерманца.**

Фото на второй странице **Я. Халипа.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1305)

8 ИЮНЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Первые суда шлюзуются.

ВОЛГА ВСТРЕТИЛАСЬ С ДОНОМ

Ранним утром 31 мая сеял мелкий дождь, небо закрыли тучи. Но разве могла удержать хмурая, не по-майски пасмурная погода тысячи сталинградцев, разве могла остановить она строителей, воздвигавших шлюзы и плотины в жару и морозы, в дожди и метели? По-праздничному одетые люди, веселые, возбужденные, полные радостного ожидания, шли и ехали к каналу.

Где вода? Где сейчас Дон?..

Еще ночью, во время грозы, Дон прошел пятый, четвертый шлюзы и под утро был остановлен в камере третьего шлюза. И вот он отправился в последний путь — ко второму шлюзу, за которым ждала его встреча с Волгой.

Вот он уже рядом, уже совсем близко... Ребятишки, засучив штаны, бегут по воде, бросаются вплавь; строители кидают в воздух шапки, рукоплещут. Вода, прокладывавшая себе путь по дну канала, растекалась сначала узкими язычками, потом подходила всей своей массой к шлюзу и словно обрушивалась на землю могучим живительным потоком. Еще несколько мгновений, и Дон хлынул в камеру шлюза № 2, заполнил ее, «уперся» в запертые ворота.

— Здравствуй, Дон! — послышался чей-то ликующий голос, и тотчас запели трубы оркестра, все поднялись, загремели аплодисменты, грянуло: «Ура товарищу Сталину!»

На мосту, перекинутом через канал, сигнальщик трижды взмахнул красным флагом: в канал «102» хлынула Волга. Она вышла из камеры первого шлюза, раздвинула прорезь в земляной перемычке и пошла навстречу Дону. С берега было видно, как, устремившись друг к другу, шли два мощных потока: один со склона — это был Дон, второй от первого шлюза — это была Волга.

Набирая силы, ускоряя свой бег, мчались две реки. И когда они уже были близко друг от друга, растаяли тучи, стих дождь, засветило солнце. Все засверкало и заискрилось вокруг.

По новому железнодорожному мосту, где стоял сигнальщик с красным флагом, шел пассажирский поезд. Машинист затормозил и отсалютовал гудком. Пассажиры приветствовали с высоты моста Волгу и Дон. А еще выше, под облаками, летел самолет, направляясь из Сталинграда на Кавказ. Летчик, заметивший движущиеся навстречу реки, описал большой круг в воздухе.

И вот — потоки сомкнулись. Свершилось! Сталинский план соединения пяти морей европейской части СССР в единую водно-транспортную систему выполнен.

Оркестр исполняет гимн Советского Союза.

31 мая, час пятьдесят пять минут дня... Эта дата войдет в летопись великой стройки как ее завершающая страница, как свидетельство великих побед советского народа.

На следующий день, в воскресенье 1 июня, капитан А. Игнатьев поднялся на мостик буксирного теплохода № 306. Звякнул машинный телеграф.

— Полный вперед! К Дону!

Буксирный теплоход повел за собой два дебаркадера-пристани, чтобы расставить их по судоходной трассе.

Первое рабочее шлюзование... За ним последовали и второе и третье... По новой водной магистрали пошли с Волги теплоход «Академик Павлов», теплоход № 303 и другие суда. Они взяли курс на Дон, к Цимлянскому морю.

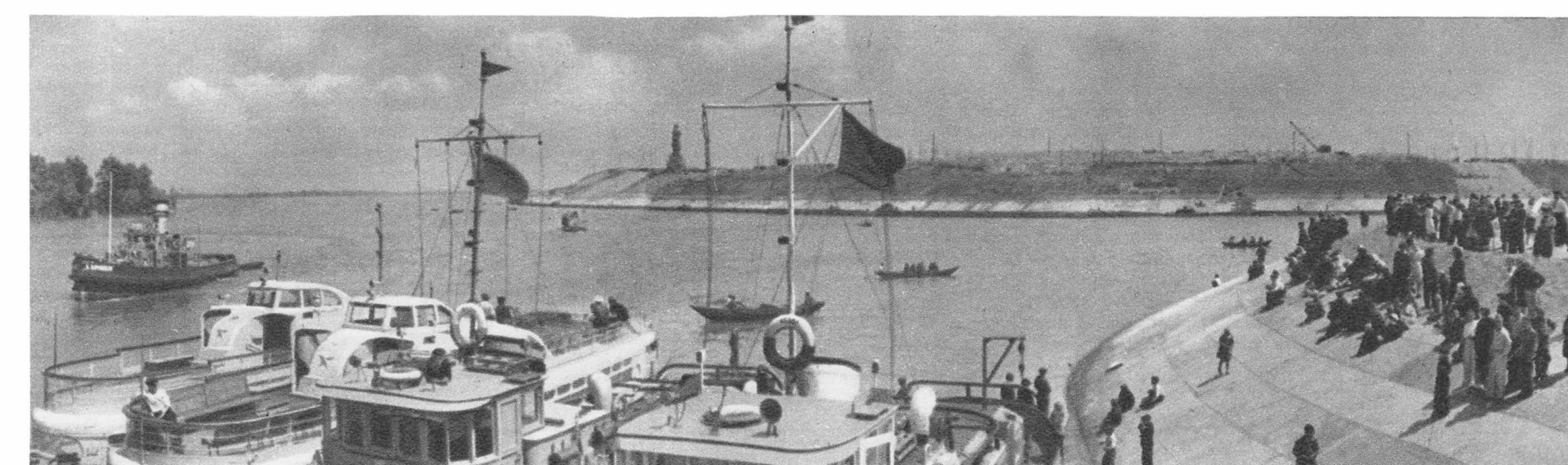
Е. Рябчиков

Смыкаются воды Волги и Дона.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Суда готовы к плаванию.

ПРОГРАММА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Великая сокровищница марксизма-ленинизма десять лет назад обогатилась еще одним замечательным трудом: вышла в свет книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В тяжелые дни ожесточенных сражений с фашистскими захватчиками советское государство, большевистская партия, весь советский народ получили четкую программу борьбы и победы. Сталинский труд, вышедший миллионными тиражами в нескольких изданиях, вооружил советских людей могучим оружием для разгрома врага, осветил всей нашей стране путь к славным победам, вдохновил на новые и новые подвиги во имя общего дела — коммунизма.

В книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» включены доклады, выступления и приказы товарища Сталина в период войны, начиная с исторической речи по радио 3 июля 1941 года и кончая приказом, в котором Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза поздравляет советских воинов с победоносным завершением войны против Японии.

Мы до конца жизни не забудем выступления своего вождя и учителя, своего гениального полководца в первые дни войны. «К вам обращаюсь я, друзья мои!» — сказал нам тогда товарищ Сталин. Каждое сталинское слово глубоко западало в душу советского человека. Каждое сталинское слово порождало новые, невиданные силы народных масс, грудью вставших на защиту своей Отчизны.

Над нашей Родиной, сказал тогда товарищ Сталин, нависла серьезная опасность, нужно мобилизовать все силы народа на разгром врага. Товарищ Сталин начертал ясную программу действия армии и тыла.

Великий вождь призвал советских людей перестроить всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу; изгнать из своих рядов трусов и паникеров; сделать достоянием миллионов и миллионов советских воинов и тружеников великолепное качество большевиков — храбрость и бесстрашие.

Великий вождь призвал мужественно отстаивать каждую пядь родной земли, биться с врагом до последней капли крови; организовать всестороннюю помощь армии, укрепить тыл, подчинив интересам Отечественной войны все помыслы, всю работу.

Великий вождь призвал организовывать в занятых врагом районах партизанские отряды, создавать для врага невыносимые условия.

Еще в первые, очень трудные для нашего народа дни войны товарищ Сталин уверенно заявил, что наши силы неисчислимы и зазнавшийся враг скоро убедится в этом; гитлеровская армия будет так же разбита, как были в свое время разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Вселяющее непоколебимую уверенность, вдохновляющее на ратные и трудовые подвиги сталинское слово дошло до солдатской землянки, станка рабочего, оно обошло все города и села нашей Родины. Сталинское слово услыхали простые люди всей земли. Распрямлялись спины людей, стонущих под игом фашизма, крепче сжимались их руки. Они хорошо понимали: вместе с ними борется советский народ, возглавляемый Сталиным; Сталин придет им на помощь.

Открывающее книгу выступление товарища Сталина по радио определило поведение не только советских людей, а всех людей, борющихся с фашизмом. Гениальные сталинские мысли, изложенные в этой книге, и сейчас являются программой действия для тех, кто ведет борьбу с империализмом.

В книге товарища Сталина показано звериное лицо врага, разоблачены действительные цели немецкого фашизма — этого наиболее хищнического и разбойничьего империализма. Таким в наши дни является американский империализм, возглавляющий захватническую войну в Корее. Товарищ Сталин определил характер Великой Отечественной войны советского народа, как самой справедливейшей из всех войн. Освободительная война преследовала высокую, благородную цель — защиту единственной в мире социалистической державы, отстаивающей интересы трудящихся всего земного шара.

Целью всенародной Отечественной войны против угнетателей, указывал товарищ Сталин, является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

Наша армия защищала свою Родину от чужеземных захватчиков, она верила в правоту своего дела. Поэтому моральное состояние советских воинов было неизмеримо выше, чем фашистской армии, ведущей захватническую войну. «Не может быть сомнения,— говорил товарищ Сталин 6 ноября 1941 года,— что идея защиты своего Отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию, тогда как идея захвата и ограбления чужой страны, во имя чего собственно и ведут войну немцы, должна породить и действительно порождает в немецкой армии профессиональных грабителей, лишенных каких-либо моральных устоев и разлагающих немецкую армию».

Сталинский труд содержит в себе разработку всех основных проблем организации всенародной войны. Претворяя в жизнь сталинскую программу разгрома врага, советский народ во имя победы не жалел ни своих сил, ни жизни своей.

Успехи нашей армии, говорил товарищ Сталин, были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы наших людей на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем необходимым и непрестанно совершенствовал ее боевую технику.

В славный 1944 год, год десяти знаменитых сталинских ударов по врагу, товарищ Сталин писал, что победоносное наступление Советской Армии стало возможным благодаря новым трудовым подвигам советских людей во всех отраслях народного хозяйства. Подобно тому как наша армия в тяжелой борьбе один на один одерживала военную победу над фашистскими войсками, советский народ — наши героические труженики — в битве с фашистской Германией одержал экономическую победу. «Советские люди,— говорил товарищ Сталин,— отказывали себе во многом необходимом, шли сознательно на серьезные материальные лишения, чтобы больше дать фронту. Беспримерные трудности нынешней войны не сломили, а еще более закалили железную волю и мужественный дух советского народа. Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа». Беспримерные трудовые подвиги свершили советские женщины и молодежь. Они вынесли на своих плечах основную тяжесть труда в городе и деревне.

В книге товарища Сталина дано глубокое научное определение постоянно действующих факторов, определяющих судьбу войны. Это определение, как и многие другие положения сталинского труда, явилось великим вкладом в советскую военную науку. В своем приказе от 23 февраля 1942 года товарищ Сталин разъяснял, что момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью и что судьба войны решалась такими постоянно действующими факторами, как прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии. Ход войны, ее итог показали, что наша страна — страна с новым, социалистическим государственным и общественным строем, с новой, социалистической идеологией, с новой, тесно слитой с народом армией — располагала всеми этими факторами и вышла из войны победительницей, нанеся врагу сокрушительный удар и разгромив его.

Прочность тыла, учит товарищ Сталин, является одним из важнейших факторов, решающих судьбу войны. Прочность тыла является основой боеспособности вооруженных сил. Еще в первые дни войны товарищ Сталин указывал, что никогда еще советский тыл не был так прочен.

Эта прочность тыла, единство армии и народа определяются социалистическим строем нашей страны. В результате победы социализма, в результате ликвидации эксплуататорских классов и общности интересов, дружественного сотрудничества всех советских людей развернулись великие движущие силы: морально-политическое единство советского общества, дружба народов, советский патриотизм. Эти движущие силы крепили тыл в годы войны, поднимали наш народ на легендарные подвиги.

На легендарные подвиги народ поднимала героическая партия большевиков, ведомая товарищем Сталиным. Партия Ленина — Сталина, как и в мирное время, в годы войны явилась руководящей и направляющей силой советского народа.

«В дни Отечественной войны,— говорил товарищ Сталин 6 ноября 1943 года,— партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков. Организаторская работа партии соединила воедино и направила к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага. За время войны партия еще более сроднилась с народом, еще теснее связалась с широкими массами трудящихся».

Миллионы советских воинов и тружеников тыла вступили в годы войны в ряды коммунистической партии. Коммунисты и в бою и в труде были примером страстных борцов за общее дело. Своим бесстрашием, мужеством, самоотверженностью коммунисты вели вперед огромные массы народа.

Большевистская партия, возглавляемая сталинским Центральным Комитетом, провела огромнейшую организаторскую и политико-воспитательную работу в армии и в тылу. Народ еще и еще раз убедился, как близка и дорога ему его партия, политика которой является жизненной основой развития советского общества.

Книга товарища Сталина и в мирные дни является боевым знаменем советских людей и всех честных людей земли в борьбе за прочный демократический мир во всем мире. Сталинский труд освещает путь всему прогрессивному человечеству к светлому, справедливому будущему. Советский народ стоит во главе передового человечества. Он уверенно строит коммунистическое общество, претворяя в жизнь ленинско-сталинскую мирную политику. Возглавляемый Советским Союзом демократический, антиимпериалистический лагерь объединяет ныне более 800 миллионов человек. Это — могучая сила истории.

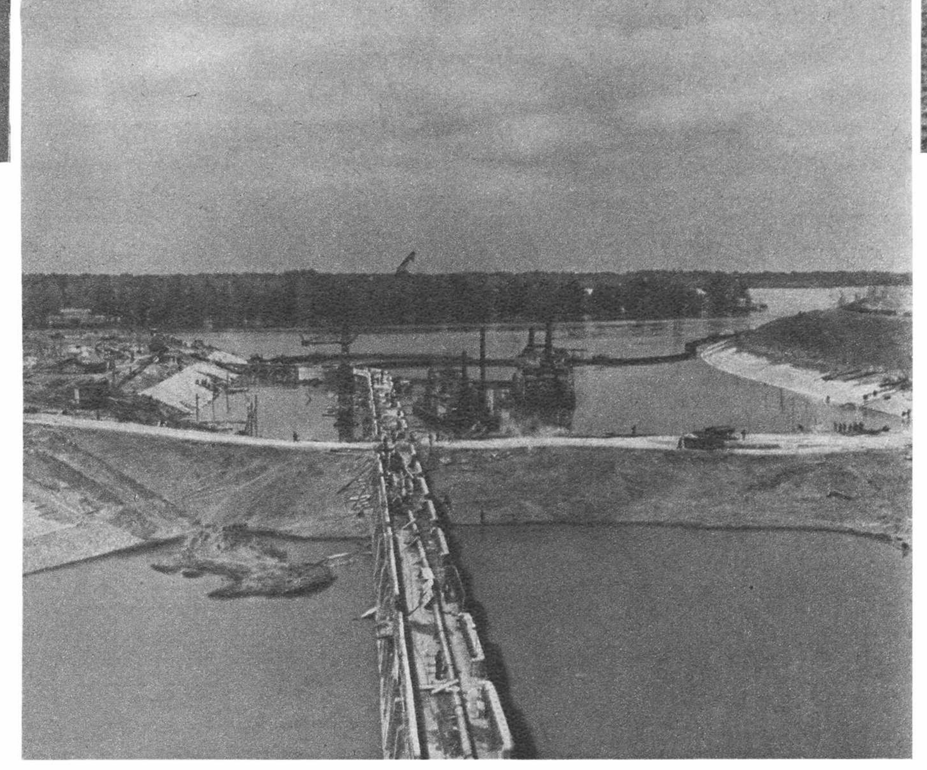
Американо-английский империализм истерическими криками о новой войне пытается запугать народы. Но народы хорошо знают, что если они возьмут дело сохранения мира в свои руки, мир будет сохранен и упрочен. Народы знают, что их возглавляет великий знаменосец мира товарищ Сталин.

Это — наше счастье, говорят советские люди, что в трудные годы войны нашу армию и весь народ вел вперед мудрый и испытанный вождь — великий Сталин. С именем товарища Сталина вошли в историю великие победы советских Вооруженных Сил.

С именем товарища Сталина связаны все исторические победы демократического лагеря. С именем товарища Сталина сражались и побеждали советские люди, с этим именем сражались и побеждали борцы за народную свободу в других странах. С именем товарища Сталина растет и крепнет Советский Союз, надежный оплот мира всех трудящихся земли. Знамя Ленина—Сталина гордо реет над миром!

Б. БУРКОВ

ТО, ЧТО СТАЛО ИСТОРИЕЙ

Поднятая мощными насосными станциями донская вода в конце мая достигла высот водораздела. Позади — десятки километров пути от берегов Дона к Волге...

Здесь, на самом гребне высот Ергеней, канал проходит в своеобразном «ущелье», созданном шагающими экскаваторами.

Могучие машины выполнили свое дело, и по их следам пришла вода. Отсюда, с высот Ергеней, она самотеком двинулась к Волге.

Через серию шлюзов так называемой Волжской лестницы вода устремляется все дальше и дальше...

Навстречу ей пошли воды из Волги... У входа в канал работают два земснаряда. «Сталинградский 103» занялся разбором мощной земляной перемычки, отделявшей первый шлюз от могучего напора весенней Волги, а второй земснаряд накачивает воду в камеру первого шлюза.

Смысл этой операции заключается в том, что камера шлюза находится ниже уровня волжских вод, и, если сразу подать волжские воды в шлюз, они хлынут бурным потоком и причинят повреждения гидротехническим сооружениям. Поэтому воду нужно было подавать небольшими порциями, чтобы постепенно сравнять уровень воды в шлюзе с уровнем в Волге. После этого можно было открывать входные ворота...

31 мая состоялась долгожданная встреча Дона с Волгой... Около второго шлюза слились донские и волжские воды. Сбылась вековая мечта русского народа!

Новый путь через степи проложен и заполнен водой. Близился час технического опробования новой водной магистрали к пяти морям. На волжском рейде собирались первые суда...

На снимках сверху вниз: Донская вода идет к восьмому шлюзу. Земляная перемычка отделяет первый шлюз от Волги. На волжском рейде собрались суда...

СУДЬБА СТАНИЦЫ

К. БУКОВСКИЙ

Фото А. Гостева

С осени 1949 года весь нижний Дон от станицы Кумшатской до Калача напоминал собой огромный потревоженный муравейник. Оставляя веками насиженное донское займище, станицы уходили наверх, на будущие берега степного моря, и еще дальше, в степь, к берегам будущих многоводных рек.

Будущие берега, будущее многоводье... А пока станицы покидали места, где деды нынешних виноградарей и трактористов закладывали первые фруктовые сады, места, куда казаки лихого атамана Платова привозили в походных тороках лозу из Шампани, места, где река питала широкие заливные луга, лесные дачи, колхозные бахчи. Покидали ради одной, казавшейся многим несбыточной мечты о новом море, которое должно будет напоить водой и превратить в такую же цветущую землю всю иссушенную зноем придонскую степь.

I

Колхозное собрание в станице Нижне-Курмоярской кончилось после двенадцати ночи. Сморенная сном Агафья Лукинична не слышала, как вернулся муж и как, шаря в потемках, искал коробок со спичками. Стук упавшего рогача разбудил старуху.

— Это ты, отец, полуношничаешь?

В ответ раздался яростный грохот. Никита Степанович сбил всердцах подвернувшееся ему под ноги пустое ведро. Агафья Лукинична поняла, что старик сейчас наделает бед:

— Погоди, отец, не круши. Спички тут, на загнетке.

Торопливо нашарив висячую лампу, она вздула огонь. Старый Мирошин вдруг притих и, как-то странно сутулясь, заплескался над тазом. Жена подала ему чистый рушник:

— Ужинать будешь?

— Собери,— неохотно ответил Никита Степанович.

— Ты что, болен, что ль?

— Здоров.

— А что же?

— Так, ничего.

— Схватился опять с кем-нибудь?

— Давай борщ, петухи вон уже проснулись.

За ужином он опять понурился. Молча хлебал закрутевшую в печи гущу борща. Куная в ложку усы, хмуро жевал. Не дождавшись, когда он начнет разговор, Агафья Лукинична опять не выдержала:

— Ты, что ж, так и просидишь молчком до утра?

— А что говорить? Порешили мы, мать, станицу. Скоро начнем ломать.

— И куда же теперь?

— В степь, за Дон.

Агафья Лукинична всплеснула руками:

— На суходолы!

— По-нашему, суходолы, а у них выходит — орошаемые земли.

— Ты о ком, отец?

— О Тереховых, о ком же!

Сглотнув горькую, набежавшую комом слюну, старуха робко спросила:

— Это что же за земли такие, отец?

В ответ старый Мирошин только махнул рукой:

— Почем я знаю, мать! Сулят такое, что только во сне увидишь. А старое, добытое горбом разрушают.

— Ну, может, вправду Дон придет и туда?

Никита Степанович стукнул чашкой об стол:

— Дон никуда не пойдет! Дон как тек, так и будет течь, покуда свет существует.

— Ну-ну, не шуми. С тобой не угадаешь: то ты квёлый сидишь, то чашки колотишь... Спи ложись, я приберусь.

Пока жена возилась с посудой, старик долго еще ворочался у себя в каморе. Покашливал. Бормотал про себя:

— Дон придет... Дон вам еще покажет кузькину мать...

Под утро он уснул.

II

Станица Нижне-Курмоярская жила в песках. Никто из нынешних Мирошиных не помнил, когда появились в этих отрезанных водой и барханными кучугурами местах первые жители. Места были малолюдные. На десятки километров в глубь степи не встречалось ни одного поселения.

У самого Дона пески были жирные. На них превосходно рос виноград, те самые привезенные из суворовских и кутузовских походов и преобразованные здешней природой знаменитые донские игристые сорта, слава о которых шла далеко за пределы Дона. На этих же жирных приречных песках хорошо приживались сады; вся местность вокруг станицы была окружена густыми зарослями терновника, а в лесных дачах, где рядом с обычными поемными ивняками росли неизвестно как попавшие сюда северные осина и береза, высыпало после дождей великое множество грибов.

Весной, во время майского боя рыбы, станичники ловили и пускали в засол донскую «майскую» селедку. Осенью собирали в лесу, сушили и мариновали терн. Близость леса и свободных лесных полян соблазняла станичников заводить там небольшие тайные бахчи, на борьбу с которыми колхоз одно время тратил много усилий. Земля же, на которой высевались колхозные хлеба, находилась далеко, по другую сторону Дона, и ездить туда приходилось паромом и лодками, когда окруженная паводком станица не имела иного выхода к внешнему миру.

Колхоз, получавший большие доходы от виноградников, считался богатым. Он и был богатым. Сплоченный старым, крепко сбитым ядром колхозного актива, поддерживаемого вернувшимися с фронта молодыми казаками, он крепко держал станицу в своих руках, по-настоящему сурово обходясь с теми, кто пытался расшатать колхозную трудовую дисциплину селедочным ловом и ягодными маринадами. Однако занятый поймой колхоз не нашел еще времени как следует подумать о степи, о своих гибнущих под ударами ежегодных апрельских и июньских суховеев степных урожаях.

Дом Никиты Мирошина стоял на самом краю станицы. Две старые дуплистые «тютины» с такой же старой, краснеющей в морозную осень рябиной над самым колодцем украшали жизнь стариков, давно уже растерявших по полям войны и большим городам почти всех своих близких. Никита Степанович, бывший когда-то лихим воякой, помнивший Порт-Артур, брусиловские марши, красные окопы под Царицыном, давно уже присмирел и воевал теперь только в своем курене, где привыкшая к частым вспышкам мужнего гнева Агафья Лукинична терпеливо сносила его тиранство.

В колхоз Никита Степанович вступил, не задумываясь. Он первым выгнал со двора свою пару быков и под тихое, неслышное сморканье жены свел их на колхозный баз. И до самых нынешних дней, когда иной жизни, кроме колхозной, никто уже в станице не мыслил, он оставался самым ярым активистом и самым

крутым на расправу с любителями променять колхозную степь на ростовский базар.

— Мы этот старый дух вышибем! — бушевал он на сходках.— В лес ходи, но бахчами в лесу не балуй!

Из близких людей у старых Мирошиных в станице оставалась только внучка, замужняя Даша. Дочь погибшего под Матвеевым курганом сына, конника, и убитой в тот же год весенней грозой молодой снохи, девочка-сирота воспитывалась у стариков до самого конца войны. Старики в ней души не чаяли. Внучка тоже привязалась к своим старым радетелям и только иногда выходила из повиновения, показывая такой же крутой мирошинский характер.

Первая размолвка у них вышла из-за тракторных курсов. Внучка, выровнявшаяся к восемнадцати годам в ладную, крупную фигурой девушку-невесту, решила стать трактористкой. Старики взбунтовались оба. Даже кроткая Агафья Лукинична вышла из себя и, стукнув по столу наперстком, сурово прикрикнула:

— И думать не смей! Не девичье это дело — ходить в чумазых!

Даша пропала с утра и к вечеру вернулась из станицы Цимлянской с путевкой от комсомола. Всю зиму она пробыла на курсах, и старики, соскучившись, только вздохнули, когда по возвращении она заявила, что жить будет с ними, но работать уедет в степь.

Второе огорчение доставила им Даша осенью того же года. «Чумазую», налившуюся не яркой, но мощной степной красотой внучку Мирошиных посватал вернувшийся с фронта танкист Степан Терехов. Такого удара старики совсем не ожидали. Сдувая с внучки пушинки, они как-то проглядели ее вызревшее девичество. Впрочем, внучка и тут утешила стариков: поселилась рядом с их усадьбой.

С тех пор молодые Тереховы и старые Мирошины не раз ссорились по поводу какой-нибудь новой выдумки успевшей обзавестись двумя ребятами, но не потерявшей прежней порывистости Даши. Муж дашин стоял на стороне этих выдумок, чем приводил в окончательное сокрушение старых Мирошиных.

— Слышишь, мать, чтобы ноги их больше не было в нашем доме! Забором отгорожусь! — орал после каждой ссоры Никита Степанович.

— Ладно уж, отец. Сам-то хорош!

И вот в довершение всего разразилась эта буря на колхозном собрании.

Было это осенью 1949 года. Попадавшая в зону затопления станица решала вопрос о переезде на новые места. Дон должен был выйти из берегов еще через два с лишним года, но, чтобы очистить дно будущего моря, донские станицы снимались заранее.

Когда встал вопрос, куда выносить станицу, старики предложили:

— Наверх, к хуторам Аксенову и Бударину.

Это означало: уйти немного выше, в пески, где оставались незатопляемые хутора, и, если Дон действительно туда подойдет, повторить там все, что сделали когда-то деды на старом займище.

Молодежь спросила:

— А колхозная земля?

— Земля пусть остается за Доном.

— По ту сторону моря?

Старики промолчали. Только один старик Парамонов невнятно пробурчал:

— Какое там море...

На него накинулись:

— А ты, Терентий Прокофьич, молчи! Тебя в прошлом году за что из колхоза попросили? Не тебе тут решать!

— Вообще-то говоря,— остановил расходившихся казаков приезжий докладчик,— старые станичники правы: Дон и здесь сделает свое дело. Перспективы у здешних песков самые богатые. Часть их, может быть, подтопит верховка, и они превратятся в болота. Но огромная часть станет лугами. На кучугурах мы посадим сосну. По всей вероятности, найдутся и гумусные песчаные почвы для развития новых садов и виноградников. При здешнем безлюдье расположить здесь станицу было бы разумно.

— Ну вот, щелкоперы, чья правда? — присоанились старики.

— Но лучше все-таки,— продолжал докладчик,— переехать на левый берег Дона, ниже плотины: туда прежде всего донская вода придет на колхозные поля. Там теперь голая степь, согласен. Но земли там такие просторные, каких, я думаю, из вас еще никто не видал!

— Это где? — спросил Никита Степанович.

— Ну, хотя бы за станицей Романовской, по старице Дона.

— Сухие земли,— сказал Никита Степанович.

— Сейчас, верно, сухие. Но рядом же будет канал!

Старик сделал вид, что не понял:

— Какой канал?

— Из Цимлянского моря.

— А-а...

Вот тут и вмешались Тереховы. Старик даже присел, услышав, что говорит его родная кровь, любимая внучка:

— Ты, деда, от белых когда уходил, тоже не верил, что Дон будет нашим?

Оторопевший Никита Степанович долго ловил воздух открытым ртом, не в силах выговорить ответного слова.

— Ах, ты!..— выдохнул он наконец.— Что вспомнила! Да я у белых и был-то всего неделю, пока шомполов не отведал.

— Ну что ж, что неделю? Все равно с веры сбился! Так и сейчас: в коммунизм не веришь.

Дед опять задохнулся:

— Да ведь Дон...

— Ну и что ж, что Дон? Остановят твой Дон плотиной, и, как миленький, будет делать, что ему скажут. Вы, товарищи, не слушайте деда. Вы лучше нас спросите, куда нам селить станицу! Мы молодые! Нам надоело жить на отшибе, ждать, когда колхоз соберется построить клуб. Колхозники на Оке электричеством пашут, а мы над старым Доном трясемся, огороды украдкой сажаем. Не хотим! Везите станицу в степь!

Поздно ночью, когда и старые и молодые казаки охрипли, собрание окончательно постановило: «Ходатайствовать о переселении станицы на будущие орошаемые земли Романовского района».

III

Решение состоялось, и осенью же 1949 года часть станичников, погрузив на баржи разобранные казацкие курени, летние кухни, плетневые базы, личный скот, кошелки с птицей и забрав всех домашних: взрослых и ребятишек,— отправилась вниз по Дону, к месту нового жительства.

Никита Степанович, более месяца после того собрания не разговаривавший с внучкой, как всегда, не выдержал и, узнав, что Тереховы уже ломают курень, вызвался помочь. Даша холодно согласилась.

Несколько дней, пока разбирали сруб и свозили его быками к Дону, примирение не подвигалось. Потом, в самый решающий час, накануне отхода барж, обе стороны вдруг обмякли, и старик, смахнув непрошеную слезу, прикрикнул на внучку:

— За ребятами там смотри, еще уходишь в Дону!

— Спасибо, деда! Не ухожу!

— Ну, смотри.

Утром баржи должны были отчалить. А ночью Никита Степанович вдруг решился:

— Мать, собери мне припасы. Поеду с Дашкой.

— Куда ты, старый? — всплеснула руками ложившаяся спать Агафья Лукинична.— В такую даль!

— Все равно свой курень за следом потащим. Схожу посмотрю, что там за рай.

...Баржи шли мимо пригретых скупым осенним солнцем, сызмала знакомых Никите Степановичу донских станиц. Большинство из них еще не трогалось с места, но уже докатывались до старика разные удивительные слухи. Будто бы станицу Альдобульскую на левом берегу, прямо не разбирая куреней, сволокли тракторами на гору и поставили лицом к будущему морю. Будто хутор Овчинников уже переименовал себя в хутор Приморский, а в соседней станице Баклановской жители чуть не намяли бока председателю станичного совета за то, что тот не догадался об этом первым.

Станица Цимлянская еще стояла на месте. Дед хотел по привычке перекреститься на церковь, но, покосившись на внучку, раздумал. Он вспомнил рассказ отца о том, что церковь в станице Цимлянской построена из кирпича какой-то древней крепости, а один из винных подвалов заложен еще проезжавшим через станицу Петром Первым, и вздохнул: «Давненько стоит станица!»

Сразу же за станицей начинались виноградники Цимлянского виносовхоза. Внимание старика привлекли машины, сновавшие над берегом. Приглядевшись, он понял, что это перевозят наверх виноградную лозу. В груди у старика потеплело. Он крякнул и вдруг громко сказал:

— Ничего! Мы еще попьем нашего, донского!

Качавшая сына Даша с недоумением посмотрела на него.

Под вечер баржи прошли станицу Кумшатскую. Ее уже не было. На месте станицы толпились длинные рабочие бараки. Старик оглянулся на левый берег, где напротив Кумшатской стояла станица Соленовская, и оторопел. Весь берег, покрытый раньше болотистыми лугами и утиными озерцами, был вздыблен, разворочен какими-то огромными рукастыми машинами. Серые, похожие на крепости суда стояли, уткнувшись носами в песок, и заливали берег потоками стекавшей в Дон грязной воды.

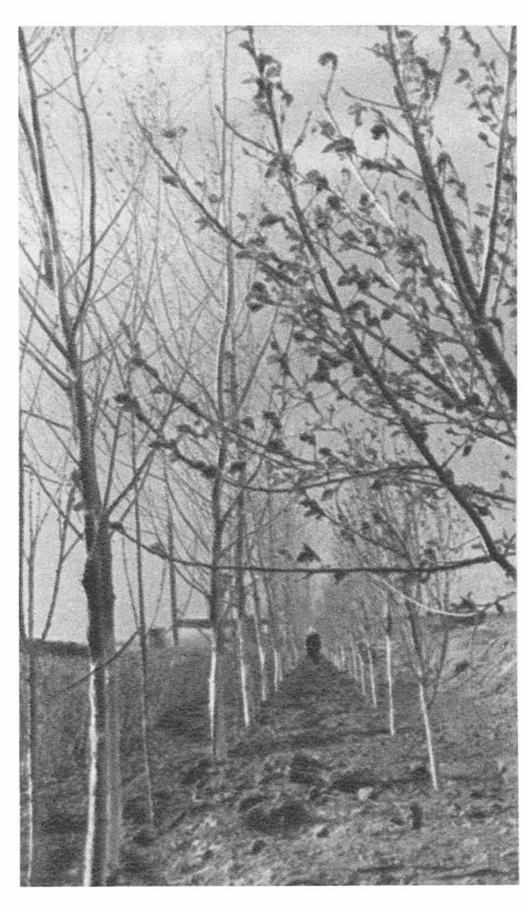
На месте станицы дед увидел город, затопивший всю степь огнями. Он грозил раздавить реку горами намытого песка, оглушить ее паровозными гудками, спеленать в тучи пыли и черного дыма. Пораженный Никита Степанович долго стоял у края баржи, провожая глазами эту вставшую над Доном степную громаду.

Разгружались баржи возле хутора Кривского. Пока муж Даши вместе с пришедшими на помощь станичниками сносил на берег имущество, сгонял скотину и устраивал семью до утра под навешенным на жерди рядном, Никита Степанович, не дождавшись рассвета, зашагал к месту новой жизни станицы. Выгонявший овец пастух указал ему на бугор, где торчало на юру несколько куреней. Постукивая палкой, старик направился к ним.

Широкое, спаленное солнцем займище вело к пересохшей старице Дона. Под ногами громко шуршала пожухлая трава. Сухое, безросное утро не смягчило ее жесткой и пыльной щетины.

Позади, за хутором Кривским, темнели над займищем чуть-чуть подкрашенные зарей лесные дачи. Но на бугре, заселенном старым казачьим хутором, было голо и бесприютно.

Народ в хуторе, куда поднялся Никита Сте-

На берегах Цимлянского моря. Новые аллеи.

панович, уже проснулся. На базах мычали коровы. Всходившее над степью солнце золотило крыши запыленных куреней.

Хутор был всего на тридцать или сорок дворов. Сразу же за ним начиналась степь, покрытая желтой стерней и низко срезанными комбайном подсолнечными будыльями. Километрах в двух виднелся другой такой же голый и бесприютный хутор, а за ним опять степная равнина, уже не имевшая края.

Никита Степанович вышел в степь. На вспаханной тракторами загонке засунул руку в борозду. Земля родимая — чернозем, но сухая и выветренная, как зола. Старик покачал головой:

— Плохи, внучка, твои дела!

Возвращаясь, он выбрал место, где ставить курень. Место было над яром, высокое, с просторным видом на займище.

— В станице жили на краю и тут к самому краю поселимся. А Дашка пусть селится рядом. Не должна она бросать нас, стариков.

IV

Пришло лето 1950 года. Переехавшая почти целиком станица уже жила и обстраивалась на новом месте, слившись с хутором Рабиче Задонским. Станичники были недовольны своим новым хуторским званием и успокоились только тогда, когда новый колхоз, включивший в себя и соседний хутор Камышевский, присвоил себе старое курмоярское имя — колхоза имени Молотова.

Первый год оказался трудным для курмоярцев. Курени, летние кухни, базы для скотины — это все скоро стало на место, раскинувшись над яром широкими, невиданно просторными и ровными улицами. Денег было получено много — государство оплачивало каждый шаг переселенца,— и станица в одно лето без горя въехала в свои заново перетряхнутые, кое-где заново срубленные дома. Но хуже было с водой и с хлебом.

Вода в колодцах, которые были вырыты для станицы, оказалась жесткой и чуть подсоленной. А хлеб в первый же год погорел в степи, спаленный горячими ветрами.

Степь сурово встречала казаков.

Два прежних хутора, уже привыкших и к недородам и к раскрытым в зимнюю бескормицу колхозным базам, сносили эти удары природы более терпеливо. Но Никита Степанович весь извелся, глядя, как исхудавшая Даша вместе с мужем неделями пропадает в степи, оставив ребятишек на попечение бабки. Сам Никита Степанович уже ничем не мог пособить выбивавшемуся из сил колхозу. За зиму, живя в станице без внучки и без ребят, он как-то сразу сдал, как говорила Агафья Лукинична, «похилился». Должно быть, годы взяли свое — старику было уже за семьдесят.

Сдаваться, впрочем, старик не хотел. С некоторых пор у него появилась одна, не дававшая ему покоя мысль.

Еще прошлой весной, когда колхоз строил новые базы, Никита Степанович увидел, что один из прежних хуторских базов загорожен грушевыми слегами. Оказалось, что хутор имел когда-то большие сады, но степь (а может быть, и сами хуторские жители, подчинившиеся степи) погубила их в одну из суровых, бесснежных зим. С тех пор никто уже не пытался возродить сады, и хутор так и остался без зелени.

Домой Никита Степанович вернулся в раздумье. Рассеянно выпил какую-то горькую бурду, которой жена поила его от хвори, и тут же ушел к старому курмоярскому садоводу Терентию Кузьмичу. О чем они там беседовали, Агафья Лукинична узнала только спустя две недели, когда увязавшийся за колхозным скотом Терентий Кузьмич привез из курмоярских садов вязанку молодняка.

Никита Степанович облюбовал две яблоньки и велел жене принести лопату.

— Как думаешь, мать, если вот тут, под окном? — спросил он, подергивая усом.

— Чудишь, старый! В таком пекле яблони сажать!

— А мы их польем, колодец вон — рядом.

С весны Никита Степанович, найдя под яром старый, заброшенный колодец, очистил его от ила, и колодец вдруг забил чистым, холодным, как лед, ключом. Половина хутора ходила теперь сюда за водой.

С легкой руки Терентия Кузьмича яблоньки принялись. Осенью Никита Степанович уговорил бригадира, ездившего на старое место, привезти еще сотни две саженцев, и хуторские дворы начали окропляться первой, робкой, трогательной зеленью.

Следующий год, на счастье, выдался редкий. Степь уродила богатые хлеба. Колхоз быстро, как всегда бывает при хорошем урожае, встал на ноги, и люди сразу же повеселели. Покруглевшая Даша пропадала теперь на курсах будущих поливальщиков.

В степи, по границе колхозных полей, уже шел глубокий канал, и заполонившие хутор рабочие вели его дальше, по-над краем степных станиц.

Колхоз начал нарезать поля под орошение. Никита Степанович не ездил в степь и не видел, что там делается, но прежний его курмоярский бригадир, оставшийся бригадиром и здесь, рассказывал ему обо всем. Старик услышал, что с весны колхоз начнет сеять рис, привезенный чуть ли не из Китая, и будто бы уже получил семена хлопчатника. Так же, под полив, будто бы будут сеять люцерну и кукурузу. Но самое главное, чему Никита Степанович вовсе не мог поверить: бригадир сказал, что с этой же весны колхоз начнет поливать пшеницу.

Старик пялил глаза на бригадира и шел с ним в правление колхоза. Там говорили о еще более удивительных вещах: о том, что трактористов с колесных и гусеничных тракторов скоро начнут переучивать на электротрактористов. Заглянувший из МТС муж Даши подтвердил этот слух; сказал, что в станице Дубенцовской уже были инженеры, которые должны строить линии для электропахоты, и что в будущем году их хутор будет иметь свою такую же электрическую МТС.

На колхозных собраниях, куда, оправившись от болезни, старый Мирошин вновь начал ходить, толковали о том же. На глазах у огорошенного Никиты Степановича курмоярские старики, опережая молодежь, записывались в звеньевые на полив колхозной картошки.

Совсем доконала деда последняя выходка Даши. Она заявила, что едет учиться на электромеханика.

Сбитый с толку, потерявшийся среди нахлынувших на колхоз громадных событий, старик только махнул рукой:

— Закрывай курень, веди к нам ребят...

V

Весна в этом году запоздала. Уже шел апрель, а снег все лежал в лощинах, и на степных дорогах утопали по ступицы машины.

О воде на хуторе что-то перестали говорить. Экскаваторщики, нарезавшие поливные борозды, уехали совсем, и остался только один экскаватор, уныло торчавший без дела у самого канала.

Не было воды и в канале.

В середине апреля колхоз выехал сеять, и тут раздумывать уже стало некогда. Жара сразу схватила просохшую землю и начала превращать ее в пыль горячими ветрами. Дорог был каждый час. Каждый час, упущенный в поле, грозил обернуться бедой.

Хутор как будто вымер. Ни души. Одни ветхие старухи с детьми хоронились в прохладу куреней от палящего солнца.

Никита Степанович копался на огороде, когда в бригадирской линейке к дому подскакала Даша.

— Дед, собирайся скорей. Поехали в степь!

— Зачем?

— Одевай казацкую форму.

— Ты что, сдурела?

— Быстрей, председатель послал. И знамя велел захватить.

— Какое знамя?

— Колхозное. Наше станичное. Ты одевайся, а я сейчас в правление.

Ничего не понявший дед засеменил в курень. Придумывает Дашка!

Однако спустя полчаса он уже трясся в линейке, держась за внучку и придерживая рукой длинное древко знамени. Со степи, от бригадных станов, нагоняя их, пылили на арбах, верхами и как попало группы колхозников. Все стекались к каналу.

Дед наконец догадался:

— Вода?

— Ага! Ты помолчи покамест.

Стегнув коней, Даша лихо подкатила к толпе. Толпа расступилась. Дрожавший от волнения Никита Степанович развернул знамя.

В торжественной тишине, вдруг воцарившейся над степью, было слышно только, как звякал ковшом экскаватор, срывавший перемычку между главным и колхозным распределительным каналом. Неизвестно откуда взявшиеся курмоярские старики помогали машине лопатами.

Никита Степанович отдал знамя председателю и тоже начал копать. Тонкая перемычка становилась все тоньше и вдруг, с последним взмахом ковша, исчезла. Подступавшая к ней вода ринулась вниз, в бетонную трубу, а из нее рекой хлынула в поле, в сторону хутора.

— Черпанул,— сказал кто-то рядом с Никитой Степановичем,— и готово: загудела вода!

Старик был как во сне.

— Да откуда ж она взялась? — лепетал он, хватаясь руками за бригадира.

— Из Дона, отец,— засмеялся кто-то.— Попробуй, донская!

Никита Степанович сорвал вдруг с себя фуражку и кинулся к воде. Зачерпнул. Начал пить большими глотками.

Потом, выжав фуражку, он долго, в каком то смутном раздумье разглаживал ее смятый, давно полинявший от времени и теперь совсем потерявший свой прежний вид казачий околыш.

Вокруг ликовал народ. Вода, пришедшая в степь, катилась все дальше и дальше к степным станицам. И так же, как старый донской казак, иссушенная зноем земля пила ее долго и жадно.

На берегах Цимлянского моря. Цветут сады.

«Свои семь станков я расставил так...» Н а с н и м к е: конференция читателей научно-технической библиотеки Челябинска. Выступает Васин.

Фото А. Ходова

АЛЕКСЕЙ ВАСИН

Г. БАКЛАНОВ

К полудню, часам к двенадцати, когда взмоют вверх порозовевшие туманы и откроется вся в блеске солнца просторная синева, в воздухе явственно веет весной. Согретые ее дыханием, леса стоят в лиловатой дымке, и даже в городе среди множества других запахов властно пахнет горьковатой, набухшей соками корой деревьев.

В один из таких дней мы договорились с Васиным встретиться. Когда я подъезжал к заводу, смена уже кончилась; над корпусами, застряв между двух заводских труб, тяжело повисло огромное, красное солнце; иногда его заслонял дым сновавшего по путям паровоза.

Как раз в это время в заводской киоск привезли книги. Я увидел обложку «Цусимы». Книги еще только сгружали. Мне надо было идти за пропуском, и я решил, что вполне успею купить на обратном пути. Но когда меньше чем через полчаса я опять подошел к киоску, прилавок был пуст.

— Разобрали,— сказала продавщица, складывая деньги аккуратными пачками.

— Но ведь при мне же привезли целую машину!

Продавщица пожала плечами:

— То есть, по-моему, ясно: рабочие идут со смены. Если бы тут еще столько же привезли, все равно б разобрали.

И видя, что я все продолжаю стоять у прилавка, она сказала уже с явным сочувствием:

— Один экземпляр, правда, есть, но дать его никак не могу: парнишка — я даже не знаю, в каком он цехе работает,— побежал за деньгами, очень просил никому не отдавать.

— Ничего, завтра я куплю в городе.

Женщина посмотрела на меня, как смотрят на приезжего человека, задающего какие-то странные вопросы:

— Челябинск — рабочий город, и книжные новинки у нас неделями не лежат, часа не задерживаются.

А паренек уже явился. Лет восемнадцати, в замасленной телогрейке и таких же лоснящихся от масла штанах. Он вбежал запыхавшийся, красный, испуганно спросил:

— Не отдали?

Продавщица достала из-под прилавка «Цусиму», и как раз в это время подошел Васин.

По-разному берут люди в руки книгу. Васин открыл ее, уверенно нашел нужное место, прочел первые несколько фраз и обрадованно улыбнулся. Видно было, что он не только читал «Цусиму», а помнит и сейчас открыл страницы, какие ему особенно дороги.

— Ты прочти, смотри,— сказал Васин пареньку и, внимательно еще раз посмотрев на портрет Новикова-Прибоя, человека, который смог написать такую книгу, повторил: — Прочти.

— Так я ж и так хочу! — обиженно сказал паренек и потянулся за книгой.

Но Васин посмотрел на его руки, еще не отмытые от машинного масла, и отдал книгу не ему, а продавщице, хозяйственно заметив:

— Заверните, пожалуйста, в бумагу.

В этот день в цехе нам не удалось поговорить с Васиным. Условились встретиться завтра.

И вот я сижу у него дома. День за окном веселый, весенний, в комнатах жарко от солнца; оно ломится сквозь стеклянную дверь балкона, сияет на крашеном полу, ножки стола отражаются в нем, точно в тихой воде. И это впечатление радостного весеннего дня усиливают голоса детей. У Васина их трое, им всем вместе одиннадцать с половиной лет. Средняя, Танюшка, смотрит на меня, незнакомого человека, большими внимательными глазами, потом поправляет на диване подушки, берет нитки для вышивания и уходит: к папе пришли по делу.

В это время, для устойчивости широко расставляя толстые ноги, через комнату идет двухлетний, очень серьезный человек и, сопя, словно делая трудное дело, взбирается к отцу на колени.

— Ну, вот,— приветствует его Васин.— Оля, забери, пожалуйста, Витю, он нам поговорить не даст.

Витю ссаживают с колен, так же молча он следует обратно через всю комнату и, оказавшись у двери, немедленно оглашает квартиру густым басом. Слезы у него крупные, неутешные.

— Витя, иди сюда, дай нос,— явно подражая матери, зовет его четырехлетняя Танюшка.

Кончается тем, что Витя все же прочно обосновывается у отца на коленях, берет в одну руку резинку, в другую циркуль, из которого предусмотрительно вывернута игла...

Когда я пришел, Васин работал. На столе разложены готовальня, бумага, книги.

— Задание я стараюсь брать дня за три,— говорит он,— чтобы было время сообразить все заранее, сделать нужные расчеты, спланировать, в каком порядке запускать станки.

Расспрашиваю его о работе, стараясь понять, как он в короткий срок сумел на тридцать с лишним лет обогнать время. Васин достает чертежи, расчеты — по ним легко проследить биение мысли, путь ее от первых предположений до тех иногда конструктивных изменений, которые он вносит в устройство режущего инструмента и даже станков. Васин работает на семи неодноименных станках, к тому же настроенных не на поток. Ему ежедневно приходится обрабатывать редкие, иногда совсем не повторяющиеся детали. И каждая из них требует своей особой наладки станка, специальных математических расчетов. Для трехтонной махины, чтобы только закрепить ее на станке, отливали по чертежам Васина специальный стол, а рядом — шестеренка весом в каких-то сто граммов. Она тоже изготовлена на одном из семи станков Васина.

— Чувство красоты всегда сопутствует таланту,— сказал мне скульптор Фоминых. Он лепил скульптурный портрет Васина и хорошо уже знал его.

— Я убежден,— сказал он,— для Васина брак — это не только расхождение в десятую миллиметра в одном случае и не только лишний расход металла — в другом, но это — еще и нарушение красоты вещи... Долго я думал, как его лепить. И вот сделал эскиз. Откровенно говоря, доволен был эскизом. Показал Васину. Он молчит. Что-то, вижу, ему не нравится. Спросил. «Мне,— говорит,— прежде всего не нравится, что я тут». Вижу, сказано не из ложной скромности. Серьезно сказано. То, что он делает, он считает делом, доступным каждому, и шумная известность его попросту стесняет.

Все же разговорились об эскизе. Сказал он мне так:

«Тут я у вас с засученными рукавами и на станок оперся. А ведь на станке может быть стружка — поранит руку. Значит, так бы я не сделал, да это у нас и техникой безопасности запрещено. И потом, тут я у вас вышел богатырского вида. А какой же я богатырь? Я зуборезчик. Мне прежде всего надо математику знать: алгебру, геометрию,— а богатырем быть вовсе даже не обязательно...»

Не знаю, как вообще люди рассказывают о своих неудачах. Но об этой неудаче скульптор Фоминых рассказывал с большим удовольствием.

Фигура Васина действительно не богатырская. Он маленький, плотный, очень подвижной. Глаза светлые, чуть-чуть улыбающиеся; они смотрят на мир, на людей с веселым убеждением, что в каждом человеке обязательно увидят что-то новое и хорошее. Говорит Васин просто, не расцвечивает речь сравнениями, не ищет «словечек». Но слова его запоминаются.

— Если бы, знаете, не такая работа, скучновато было бы.

Не сразу понял я его мысль, и он объяснил:

— А вы смотрите сами: станок изо дня в день может делать одно и то же, что ему человек задаст. Ему не надоедает. Ну, а человек? Быть при нем за сторожа? Пришел в восемь, ушел в пять. И завтра и послезавтра так... Ведь если подумать: самую тяжелую работу за нас станок делает, это он руки наши и голову нам освободил. Значит, ищи. Вот я и говорю: если б работа не по душе, то какая ж была бы жизнь? Совсем не райская.

В это время Витя, долго размышлявший, что надо делать с резинкой, наконец догадался: взял ее в рот.

— Ну, парень, так ты тут все перепробуешь,— говорил Васин, складывая готовальню.— Иди гуляй.

— Насчет рая я вам начал. Как-то отдыхаю в Сочи. Жаркий такой день, пахнет цветами и морем. Как раз искупались мы с соседом по палате, сидим на скамье, смотрим на море — облака в нем отражаются и все такое... Сосед это вздохнет, пожмурится на солнце, поправит полотенце на шее и опять вздохнет, как будто холодного квасу отпил.

Троим детям Васина всем вместе одиннадцать с половиной лет.

«Живем,— говорит,— Алексей, с тобой тут, как в раю. Там ведь тоже — старые люди говорили — такие сады и цветы... Лучше-то вряд ли, но называются райскими. Ну, и кто достоин, в тех садах прогуливается». «Долго ли?» — спрашиваю. «Чего долго?» «А прогуливаться». «Так всю жизнь. В рай попал — куда ж денешься? Гуляй!»

А ведь плохо придумано про рай этот. Скучно. По-моему, рай — это когда каждому работа по душе. Так я ему тогда и сказал. Удивился. «Да, ведь и я,— говорит,— так думаю. А люди прежде-то утешались этим. Тыщи лет утешались».

Ну, это как раз понять можно: работа была людям в наказание, вот и бежали от нее. Но насчет отдыха скажу вам по себе: месяц пробыть на курорте — замечательно, а под конец начинаешь душой уставать.

Тогда я рассказал Васину о книге австралийского публициста Мэндера «От шести вечера до полуночи». Книга эта написана в сорок пятом году, то есть в наши дни, а кажется, что рассказывает она о далеком, давно ушедшем времени. Там сказано, между прочим: «Большинству людей при современных условиях существования работа кажется бессмысленной, бесцельной. Они сами сознают, что работают **только** ради жалованья или ради того или иного денежного вознаграждения... Многие ли согласились бы продолжать ее, если бы, скажем, выиграли 100 000 фунтов стерлингов?» И автор делает вывод, что полная, богатая, осмысленная жизнь для человека его страны начинается только после работы, «от шести вечера до полуночи».

...Полная, богатая, осмысленная жизнь. Депутат областного совета, член обкома партии зуборезчик Васин за одну только послевоенную пятилетку выполнил тридцать три с половиной годовых нормы. Сказать все это довольно просто, но далеко не так просто понять. Тут обычные мерки как-то не подходят.

Рассказывали мне, что в сорок шестом году, когда многие его земляки стали уезжать домой, Васина тоже потянуло в Донбасс, откуда он в войну вместе с заводом был эвакуирован на Урал. Его уговаривали остаться, он был здесь нужен, и, между прочим, директор завода предложил ему построить дом. Васин остался, а насчет дома сказал:

— Дом вы мне не стройте: нет у меня аппетита к такой большой собственности. Ведь дом — это сразу огород заведешь, потом еще корову захочешь,— ну их совсем! Вместо того чтобы почитать, подумать, в чертежах покопаться, начнешь хозяйством заниматься. Нет, хозяин из меня плохой...

Васин не читал книги Мэндера.

Он записал название, чтобы найти ее и прочитать, потом сказал, точно удивившись, вслух:

— Я ведь до войны читал одни приключенческие книжки. Сейчас даже и названий не помню. Но времени убил на них что-то страшно много. А в войну... Тут дело такое: на фронте мне быть не пришлось.

Он посмотрел на свою ладонь, нахмурился и еще раз твердо повторил:

— Не пришлось... Ну, в войну люди работали, как совесть подсказывала. Перешел я тогда на два станка, потом на четыре, позже стал на семи работать. Конечно же, учиться пришлось много, а тут-таки и времени было в обрез, но если бы тогда не одолел математику, не смог бы я сейчас так работать. Да это известно: где рабочий технически грамотен, там и производительность выше. А тут и другое. В войну и чужие люди увидели, каков характер у нашего народа. А я о прошлом своего народа... да просто ничего не знал. Об этом ведь в приключенческих книжках не пишут. Ну, ругай себя, не ругай — задним числом делу не поможешь. А только с тех пор стал я жаден к книгам. Особенно к историческим.

Приближалось уже время второй смены. Васин стал собираться. Мы вместе вышли из дома. Мокрый теплый ветер гнул голые еще деревья. На припеке у забора в ряд сидели шесть одинаковых рыжих щенят. Они жмурились на солнце, черные носы у всех влажно блестели. Вокруг, заложив руки за спину и нагнув головы, полукольцом стояли ребятишки. Это было, конечно, очень интересно: наблюдать за щенятами,— но стоявший рядом со старшим братом Витя в надвинутой на глаза кепке молча и мужественно взял отца за руку и пошел рядом. Ребятишки сказали хором:

— Здравствуйте, дядя Алексей!

Чем ближе к заводу, гуще толпа рабочих. Девчата идут, взявшись под руки, пересмеиваясь. День по-весеннему яркий, щедро светит солнце, как в зеркало, смотрится в стекла цехов.

Вот Васин миновал проходную, скрылся в заводе. В памяти прочно остались его слова:

— Рай — это когда работа каждому по душе.

На проселке

Юхан ШМУУЛ

В дороге водителю Грише
Порой и весна не красна.
Вцепившись в сиденье, я слышу:
— Пришла, чорт возьми, весна!
Машина качается люто,
Ползет, выбиваясь из сил,
По глине, которую круто
Апрель в колеях замесил.
На месяц досадуя юрьев[1],
Забудешь, как радуют днем
Медовые запахи ульев,
Парная земля под конем,
И первая стружка с тесины,
И пар, и озимая рожь,
И радужный блеск керосина,
И трактора первая дрожь.
Не мало в пути опасений.
Машину кренит тяжело.
А дождик веселый весенний
Стучит в ветровое стекло.
Он весел, а нам не до смеха:
Петляет, теряется путь.
Должно быть, пропущена веха,
Где надо нам было свернуть.
Теперь бы в деревню,
под крышу...
Колеса ни взад, ни вперед.
Подходит с повинною Гриша:
— Подмокли. Мотор не берет!

* * *

Шабаш! Ни пылинки в кисете.
А дождик — он чорту не брат,
Поставил режёвые сети,
Должно быть,
всю ночь простоят.
Судьба,
над бедой нашей сжалясь,
Ласкает нам рокотом слух.
Трехтонка летит, приближаясь:
Уууx!
На зло бездорожью и тучам
Сияет снопами огней.
Лишь бочки, должно быть,
с горючим,
Приплясывают на ней.
Мы тешимся доброю мыслью:
Вот выйдет сухой из воды...
Но что это!
Бочки нависли...
Вот, вот перетянут... Беды
Водитель поправить не в силе.
Эх, видно, сидеть заодно!
Он нас, мы его осветили.
Досадно, хоть плачь, и смешно.
Подходит.
— Вот не было дела!
Кляни, чертыхайся, божись:
Проклятая намертво села,
Хоть сам под колеса ложись.
Ну, жизнь!
Водитель, он молод на зависть
И крепок, хоть завтра же
в строй!
Знакомыми вдруг показались
Стежонки армейский покрой,
Суконные с леями брюки,
Румянец небритой щеки,
Большие рабочие руки
Да сбитые в кровь казанки.
— Так что же, поможете,
братцы!
И Гриша:
— Нетрудно помочь,
А только пустое — стараться...
И дождь не стихает и ночь...
На зорьке впряжемся...
— Как! Утром!
Э, нет! Я вас очень прошу.
Ждет рядом невеста. До хутора
Рукою подать, да спешу.—
Насел, как на добрых знакомых.
Глазами на парня косим,
Смеемся:
— А ты, брат, не промах!
Да что у тебя!
— Керосин.
Весенней рабочей порою
Не время смотреть под навес.
Приказ по колонне: с зарею
Я должен поспеть в МТС.
Подняться дождю на съеденье
Не шутка в холодную ночь!
Но мы покидаем сиденье:
Товарищу надо помочь.
Водитель торопит:
— За дело!
Ты сбоку берись, ты с угла.
Эй, взяли!
Машина взревела,
Рванулась,
качнулась,
пошла.
За ней на пологую гриву
Полуторку тянем свою.
...Журчанье воды шаловливой,
Бегущей назад в колею.
Трехтонки мигающий красный
Огонь.
Уж она далеко.
...Пропахла бензином и маслом
Кабина. А дышишь легко.
И нет никаких опасений.
Душа, словно в праздник,
светла.
А дождь барабанит весенний
В косяк ветрового стекла.
Из туч, как из мелкого сита,
Ложится на крылья вода.
И «дворник» стучит деловито,
Шагая туда и сюда.
Шагает с резиновой щеткой,
В стекле прояснив полукруг,
Как ходики, ясно и четко,
Туда и сюда.
А вокруг,
То в мыле осевшего снега,
То в рыжих подпалинах трав
Земля вороною и пегой
Лежит в бородавках-буграх.
Хорошую рожь обещая,
Встают на полях зеленя,
И радость за землю большая
И Гришу бодрит и меня.
Рессоры нас мягко колышут.
Кабина совсем не тесна.
И мы улыбаемся с Гришей:
— Весна!

Вольный перевод с эстонского
Юрия Гордиенко

[1] Апрель.

мой учительнице.
Н. Козловского

Фото М. Уварова

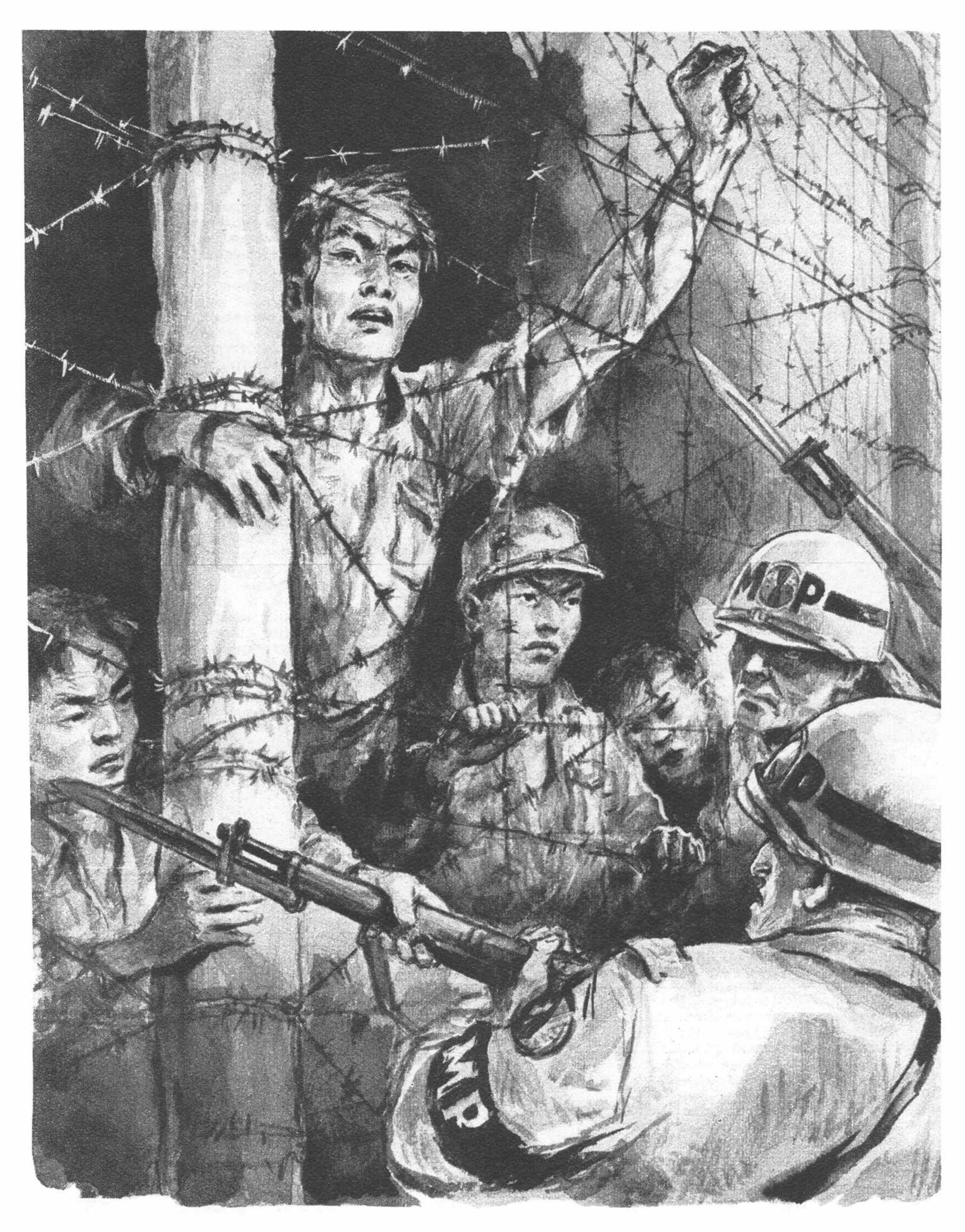
…трет художницы Н. А. Кравченко.

Из снимков, поступивших на конкурс «Огонька».

Слово гнева и веры

СЕ МАН ИР,
корейский поэт

Рисунок В. Высоцкого

В ноябре прошлого года я вместе с писателем Хан Сер Я участвовал в работе Венской сессии Всемирного Совета Мира. Во время сессии мне часто приходилось выступать на заводах и фабриках Вены, на митингах демократических организаций австрийских женщин. Женщины собирали средства на медикаменты и хирургические инструменты для нужд борющейся Кореи. Они сами находятся под гнетом американцев. Поэтому глубоким и живым было их сочувствие корейским сестрам.

Обычно после митинга меня расспрашивали о том, как живут дети Кореи. Многие из спрашивавших держали на руках своих детей. Отвечая им, я хотел бы ответить и американским матерям, качающим колыбели, и индусским матерям, я хотел бы рассказать всем матерям мира о детях Кореи. Они всегда стоят перед моими глазами, наши корейские дети.

...Мальчонка! Яблоки спелые увядают
щек твоих налитых.
Девчушка! Звезды утренние угасают
глаз блестящих твоих.
Вы не в силах пошевелить губами —
их судорога боли свела.
Вы молчите о том, как жадное пламя
игрушки ваши спалило до тла.
Молчите вы о маленьком друге,
которого в тревоге ждете.
Он умер сегодня — он взял в свои руки
игрушку, сброшенную с самолета.
Молчите и не зовете, плача,
подружку в платьице сером.
Нашла она с неба упавший мячик
и — умерла от холеры.
Не говорите, прижавшись к маме,—
«Поедем туда, где неба нет!..»
Молчите, родные!..
Бушует пламя —
Сполох войны, кровавый свет...

После сессии мы побывали в Польше, в Освенциме. По страшному лагерю смерти вел нас старик-поляк, четыре года мучавшийся в этом гитлеровском застенке. Мы видели печи, где гитлеровцы сжигали людей, газовые камеры... Мы видели горы детских туфелек... Мы видели чудовищную ткань, сотканную из человеческих волос... Это казалось кошмарным сном. Мы видели: фашисты хуже зверей. Мы думали, что не может быть ничего ужаснее. Но этот кошмарный сон стал еще более страшной явью на нашей земле, на острове Кочжедо!

Последыши и продолжатели гитлеровцев — американские вампиры пьют кровь попавших к ним в плен корейских солдат и китайских добровольцев. Угрожая массовым истреблением, голодом, пытками, они требуют от пленных изменить своей родине, своему народу, своим матерям, женам, детям...

Никогда, никогда воины народной армии и китайские добровольцы, даже попав в плен, не сдадутся врагу! Каждый из них знает: лучше умереть в борьбе, чем покориться. Под наведенными дулами пушек, танков и пулеметов, окруженные колючей проволокой,— они борются! Когда американцы склоняют их к «свободной репатриации», то есть предлагают свободу при условии измены родине, пленники встают с камнями, палками, кусками железа, с голыми руками встают против пулеметов и автоматов!

Не надо плакать! Утрите слезы!
Пусть ненависть крепнет в ваших
сердцах!
Гнева народа волною грозной
пусть захлебнется враг!
Не надо плакать! Мы в день победы
заплачем радостными слезами.
В ночи не уснем, вспоминая об этом,
а утро встретим сухими глазами...
Но — рожденными пламенем сердца
словами —
ты, мама,
миру поведай про то,
как там, на юге, в седом тумане,
мучается Кочжедо.
Желтеют, как кости, стволы бамбука,
безжизненна моря синь...
Страдает в нечеловеческих муках
там твой сын.
Он не сдался! Он ранен в атаке.
Они полумертвым схватили его.
Не он, а они трепещут в страхе,
справляя палаческое торжество.
Они ему крепко руки связали,
но это их, их руки дрожат!
Он смотрит выколотыми глазами —
и они опускают взгляд.
Они ему ногти вырвали в злобе,
но кровь запятнала руки их.
О, как им хотелось, чтоб дрогнул он,
чтобы
Склонил голову хотя б на миг!
Но нет, со связанными руками,
хватает зубами он ствол автомата!..
Он падает мертвым на твердый камень,
и в плену — умерев солдатом!
Он, падая, шепчет только два слова,
два светлых слова: «Родина... мама...»
Об этом рассказывай снова и снова,
мать, рожденными в сердце словами.
О том, как матерью в муках рожденный,
ласкавший, наверно, своих ребят,
янки, банкирами вооруженный,
Кочжедо превращает в ад.
Нет меры черным его деяньям —
с ними не может сравниться ничто.
Мрачней Освенцима, страшней, чем
Майданек,
лагерь, им созданный в Кочжедо.
Дети мои! Сестры! Мама!
Все люди мира знают, как вы:
наша победа не за горами,
убийцам не сносить головы.
Могила Гитлера ждет их скоро,
ждет их Тодзио скоро петля.
Будет суд мира!
Его приговора
им не смягчить, о пощаде моля.
От них отрекутся матери и дети.
И в час, когда будут они казнены,
их прах развеет весенний ветер —
ветер мирной весны...

Я видел в Освенциме не только следы страшных мучений. Я видел виселицу, на которой были повешены палачи Освенцима. Мы, корейцы, уверены, что и на острове Кочжедо — придет время — будет воздвигнута виселица для Додда, Колсона, Боутнера, Риджуэя.

Тогда корейские дети будут глядеть в безоблачное небо своей родины и будут счастливы.

...И вы, мои дети, когда вас на воздух
выведет на прогулку мать,
будете звонко по ясным звездам
годы счастливой жизни считать.

Трактор «Беларусь»

Когда на первомайской демонстрации в столице Белоруссии перед трибуной показалась колонна коллектива Минского тракторного завода, огромная площадь имени В. И. Ленина огласилась рукоплесканиями. Аплодисменты были вызваны появлением тракторов с серебристой маркой «Беларусь». Это были образцы новой машины, которая после успешно выдержанных государственных испытаний принята к массовому производству.

Позднее мы наблюдали тракторы «Беларусь» в работе. Машина легко тянула глубоко врезающийся в землю трехкорпусный плуг. Тракторист, достигнув границы поля, включил специальное приспособление, на ходу поднял плуг над землей и, круто развернувшись, снова опустил его, продолжая пахоту. И дорога осталась не поврежденной, и поле вспахивалось без огрехов. Дело в том, что к трактору особым способом крепится так называемый навесной плуг, который, не отрываясь от штурвала, управляет сам водитель. Таким же образом к машине вместо плуга можно прикрепить культиватор или свеклоподъемник. Трактор «Беларусь» очень подвижен и маневренен.

Работой молодого коллектива конструкторов, создавших «Беларусь», руководил главный конструктор завода лауреат Сталинской премии Иван Иосифович Дронг. Он рассказал о некоторых особенностях новой машины:

— «Беларусь» — универсальный колесный трактор с дизельным мотором мощностью в 37 лошадиных сил. Его можно использовать при самых различных сельскохозяйственных работах. МТС будут получать тракторы «Беларусь» двух типов — с узкой и широкой колеей передних колес. И задние и передние колеса раздвигаются, это позволяет трактору проходить в различных междурядьях пропашных культур. Машина оборудована резиновыми баллонами низкого давления.

Заводской коллектив готовится к серийному производству трактора «Беларусь».

В. ПОНОМАРЕВ

Тракторы «Беларусь» на поле.

Фото А. Дитлова

Машина ведет счет

На фабрике механизированного учета Главполиграфиздата. На первом плане Р. Д. Сазикова у табулятора.

Первая московская фабрика механизированного счета Союзмашучета ЦСУ СССР. У советских перфораторов.

Фото Б. Вдовенко

Здесь все как на обычной фабрике: слышен монотонный гул моторов, в больших, светлых цехах ровными рядами выстроились машины, то тут, то там промелькнет механик в синем комбинезоне.

Мы находимся на фабрике машинизированного учета. Машины тут ведут счет, выполняют самые сложные математические вычисления, заменяя напряженный умственный труд сотен квалифицированных бухгалтеров, счетоводов и инженеров.

Советские заводы освоили производство разнообразных счетных машин, в том числе вычислительных, суммирующих и самых сложных — табуляторов. На крупных промышленных предприятиях страны, в Государственном банке СССР, на железнодорожном транспорте, в органах Статистического управления организован механизированный учет.

Особенно широкое применение нашли эти машины после войны. На многих фабриках, заводах, в учреждениях созданы машиносчетные станции. Появились кустовые станции для обслуживания различных по своим задачам организаций. На одной из крупнейших в Советском Союзе, Первой московской фабрике механизированного счета Союзмашучета ЦСУ СССР, работает около тысячи человек. Здесь на счетных машинах производят несколько миллиардов подсчетов и вычислений в год.

К услугам работников фабрик и станций прекрасная отечественная техника. К концу 1951 года советская промышленность уже выпускала и подготовила к освоению двадцать видов счетных машин.

Со многими из них мы познакомились на большой фабрике машинизированного учета, принадлежащей Главполиграфиздату. Она обслуживает не только столичные типографии и книготорговые организации, но и Московский трест хлебопекарной промышленности.

...Цех вычислительных машин. Пальцы девушек легко скользят по клавишам. В счетчиках мелькают цифры. Машины множат, делят, извлекают корни, исчисляют проценты.

Вот углубилась в работу Евгения Коршунова, стахановка, перевыполняющая норму вдвое. Она обрабатывает документы, поступающие сюда из Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. Когда-то в бухгалтерии типографии трудилось более 150 человек. Теперь тут осталось только 40 счетных работников. На помощь пришли советские машины.

Табулятор, выполняющий сложные расчеты, внешне напоминает пианино. Под рычажками указатели: «Сумма двух итогов», «Общие итоги», «Нарастающие итоги», «Сальдо».

Оператор Римма Дмитриевна Сазикова вкладывает в машину пачку перфокарт и включает табулятор.

Загудел мотор. Карты одна за другой падают в машину. Внутри машины идет напряженная работа — она словно думает, ведя подсчет по всем показателям. Вдруг раздался легкий щелчок, и в то же мгновение на бумаге появился ряд цифр. Все необходимые подсчеты выполнены с поразительной быстротой.

Снова загудел мотор. Теперь табулятор переносит на ведомость показания каждой перфокарты в отдельности. Это происходит молниеносно: едва только карта коснется механизма, как несколько чисел сразу отпечатываются на бумаге.

Машины облегчают учет в нашей стране.

Я. ЛАПИН

Ессентуки в Крыму

Много лет назад геолог Владимир Афанасьевич Обручев, ныне выдающийся ученый, академик, впервые описал крымскую углекислую воду типа нарзан. Но только при советской власти началось планомерное изучение целебных источников Крыма. Особенно большой размах эти работы приняли в послевоенные годы. Крымской водой занялись ученые различных специальностей — геологи, геоморфологи, гидрогеологи, медики, археологи. Их исследованиями, проведенными на обширной территории, охватывающей районы Феодосии, Планерной (Коктебеля), Старого Крыма, Судака, окрестностей Симферополя, Бахчисарая, Ялты, доказана возможность получать здесь разнообразные лечебные воды. Сравнительно недавно на окраине Симферополя была обнаружена солянощелочная углекислая вода типа «Ессентуки № 4». Такой же источник был вскрыт и в районе Аяна, также вблизи Симферополя.

Неподалеку от селения Богатое (в 16 километрах от города Белогорска) обнаружен минеральный источник, обладающий теми же лечебными свойствами, что и «Ессентуки № 20».

В местных санаториях уже успешно применяют для лечения желудочных болезней минеральную воду из хлоридно - сульфатно - натриевого источника Пашатепе, открытого у подножья горы Лысой, в 2 километрах от Феодосии. Эту воду уже начали разливать в бутылки. В районе Феодосии обнаружен и другой источник — Акмелез, богатый сероводородной водой, не уступающей знаменитой мацестинской.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Покидая школу...

Так было осенью прошлого года. Как и сегодня, они стояли на линейке друг против друга: малыши и юноши. В ту пору малыши впервые переступили порог школы, и, по установившейся в горьковской железнодорожной школе № 11 традиции, первоклассников дружески встретили десятиклассники.

Учебный год закончен. Для одних начались летние каникулы, а для других — выпускников — жаркая пора экзаменов на аттестат зрелости. И вот они снова собрались на линейке. Второклассники тепло прощаются с юношами, заканчивающими школу. Они ведь больше уже не встретятся в школьных коридорах. Малыши вручают старшим товарищам букеты цветов и хором кричат:

— Сдавайте экзамены на «отлично»!

— А вы учитесь отлично! — отвечают юноши.

Д. ТРОИЦКИЙ,
преподаватель горьковской железнодорожной школы № 11

Лес пошел

Недавно с верховьев Камы пароход «Генерал Ватутин» отправился в первый рейс с плотом объемом в 18 500 кубометров. Этот лес предназначен для строительства Сталинградской гидроэлектростанции.

На снимке: Плот на Каме.

Фото И. Шемякина

ПИСАТЕЛЬ-ПАТРИОТ

1 июня народ Чехословакии отметил десятилетие со дня смерти выдающегося чешского писателя Владислава Ванчуры, погибшего от руки гитлеровских палачей.

В своем «Репортаже с петлей на шее» Юлиус Фучик рассказал о последней встрече с Ванчурой:

«Поздно вечером возвращаюсь с допроса. Внизу у стены стоит Владислав Ванчура, у ног его маленький узелок с вещами. Я хорошо знаю, что это значит. Знает и он. Мы пожимаем друг другу руки.

Поднявшись наверх, я вижу из коридора, как он стоит, слегка наклонив голову, и отрешенно глядит куда-то вдаль... Через полчаса его вызывают».

Владислав Ванчура, врач по образованию, всю свою жизнь отдал литературе. Большую роль в его творчестве сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция. Крупный художник, в своих романах он обнажает вопиющие противоречия капитализма, уродующие человека, и приходит к мысли, что будущее принадлежит пролетариату. Для обличения буржуазной действительности писатель нередко прибегает к сатире и гротеску, которые в ряде его романов становятся острым оружием.

Первый роман Владислава Ванчуры — «Течение Амазонки» — вышел в 1923 году. Из следующих романов писателя наиболее известен «Пекарь Ян Маргоуль», переведенный на русский язык в 1928 году. В 30-х годах Ванчура обращается к исторической теме («Алхимик» — 1932, «Лук королевы Доротки» — 1932, «Семья Горвата» — 1938 и другие произведения). Владислав Ванчура создал в годы фашистской оккупации Чехословакии в содружестве с группой чешских историков большой труд «Картины из истории чешского народа» (1939—1940), в котором ярко выражено национальное самосознание чешского народа, его воля к борьбе с фашизмом.

Он участвовал в борьбе против гитлеровских оккупантов и был арестован в апреле 1942 года. Об обстоятельствах его ареста

Владислав Ванчура.

также рассказывает Юлиус Фучик. 1 июня 1942 года, в дни террора после покушения на чешского протектора Гейдриха, Владислав Ванчура был расстрелян.

Чехословацкое правительство присвоило Владиславу Ванчуре посмертно звание народного художника Чехословацкой республики.

В. ЧЕШИХИНА

Город в пустыне

В сухих ветрах, пыльных бурях пришла в Тахиа-Таш вторая строительная весна. Не звенели в этот год по пескам радостные майские дожди, и редка на буграх молодая поросль неприхотливых растений пустыни. В эти дни старые тахиаташцы говорят: «Сопротивляются Кара-Кумы...»

Но наступление на пески продолжается.

Облик стройки приобрел новые черты. На пристани вокруг гигантского портального крана хлопотливо снуют его меньшие собратья — гусеничные краны,— перенося с судов на берег части экскаваторов, ящики, тюки. Расширились границы строительного района: буровые вышки двинулись к дальним точкам будущих сооружений. Ушли в глубь песков, на трассу, изыскатели.

Центр всех работ — город Тахиа-Таш, выросший на пустынных буграх за горой Кетменчи, где год назад инженер Тимофей Николаевич Незнаев разбивал участок под первый жилой квартал. Сейчас здесь широко раскинулись кварталы двухэтажных и одноэтажных домов.

На улицах города еще перед майскими днями закончилась посадка ста с лишним тысяч молодых деревьев. Много еще предстоит хлопот озеленителям — Елене Федоровне Серовой и ее помощникам — в борьбе с солью и знойными, иссушающими ветрами. Но у Елены Федоровны большой опыт: она озеленяла город на Каспии — Гурьев. Выйдет Серова победительницей и здесь: уже «стрельнули» первыми, робкими трубочками листьев топольки на лесных полосах, будущем зеленом заслоне города от песчаных бурь.

У юного города есть свои промышленные районы. В крупное предприятие превращается лесозавод, поднялись цехи механических мастерских, построена электростанция, сооружены насосные установки для водопровода. Стройка раздвинулась на многие километры, и за день ее, как в прошлую весну, теперь не обойдешь.

На прямых, пока безыменных улицах Тахиа-Таша красуются светлые дома, прорыты арыки, и по прозрачной воде самые юные тахиаташцы пускают кораблики...

Быть может, человеку, впервые попавшему в Тахиа-Таш, город покажется и не очень красивым. Но для тех, кто помнит, как выглядели эти места недавно, здесь дорого все. Тахиаташцы гордятся и киоском «Союзпечати» возле здания столовой, и белой нарядной — «лучше чем в Нукусе» — баней, и веселым домиком детского сада, и семью тысячами книг библиотеки, и первыми фонтанами. О том, что город стоит в пустыне, напоминает только знойное дыхание песков.

На площадке великой стройки идет подготовка к недалекому уже дню, когда экскаваторы зачерпнут первые ковши земли на трассе канала. На специальной площадке у железнодорожной станции Тахиа-Таш встали два энергопоезда. Шагнули от этой площадки к будущему гидроузлу столбы высоковольтной передачи. Энергетики готовят к пуску в эксплуатацию свои агрегаты.

Длинной лентой выстроились на путях товарные составы. На вагонах надпись: «Станция назначения — Тахиа-Таш». Станция эта по количеству принимаемых грузов давно перегнала пристань на Аму-Дарье. На километры вдоль полотна железной дороги тянутся склады. Здесь смолистые сосновые бревна, разборные дома, цемент, части механизмов, штабеля шамотного кирпича, ящики с минеральной водой, ванны и батареи парового отопления — не перечислить всех грузов, что ни день прибывающих в Тахиа-Таш.

Большой, яркой жизнью живет новый город в пустыне. Приезжают сюда с семьями, обосновываются твердо, навсегда. И искренне радуются, что число жителей растет день ото дня.

Мы сидим в квартире одного из новых домов Тахиа-Таша, в квартире инженера Тимофея Николаевича Незнаева. Он здесь «ветеран» и потому считает своим долгом сообщить о всех приметах бурного роста города. Неожиданно разговор прерывает прибежавшая с улицы дочка Люба. Она рассказывает об экскурсии, в которой участвовало 25 мальчиков и девочек из ее класса. Тимофей Николаевич слушает дочку и вспоминает:

— А ведь на первом уроке в классе Любушки было всего два ученика. Растет город...

Н. СОЛОВЬЕВА

Сегодня выходной день. В сборе вся семья Незнаевых: Тимофей Николаевич, Любовь Григорьевна, дети.

Фото Р. Кузьминой

По Финскому заливу

Первая весенняя экскурсия по Финскому заливу. Теплоход «Совет» отправляется от пристани «Ленинград — Морская» с большой группой экскурсантов — студентами Политехнического института имени М. И. Калинина.

Фото А. Секретарева

Путь к зрелости

Советские люди проявляют постоянный интерес к росту и развитию культуры стран народной демократии. Укреплению дружеских связей между народами немало способствует славная традиция проведения у нас фестивалей кинематографии молодых народно-демократических республик.

Открывшийся 2 июня фестиваль кинопроизведений Польской республики — новый важный шаг по пути культурного сближения польского и советского народов.

Ночь. Гроза. Пригород Варшавы. Грубый окрик доносится из тьмы. Кто-то с фонарем в руке резким движением открывает дверцу кареты. Жандармы подозрительно всматриваются в лицо пассажира. Они явно разочарованы: это не тот, кого они ищут,— не декабрист Кюхельбекер, опасный преступник, бежавший из Петербурга, а какой-то Фредерик Шопен, наивный молодой человек с букетом цветов.

Этим эпизодом начинается новый польский художественный фильм «Юность Шопена» [1], показанный на кинофестивале.

Как глубоко заблуждались блюстители порядка! Ведь именно об этом юноше с глубоким взглядом, тонкими чертами лица, чуть угловатыми, порывистыми движениями, именно о нем позднее один из его современников говорил, что если бы Николай I «...знал, какой опасный враг угрожает ему в шопеновских произведениях ...он запретил бы эту музыку. Произведения Шопена — это пушки, спрятанные в цветах».

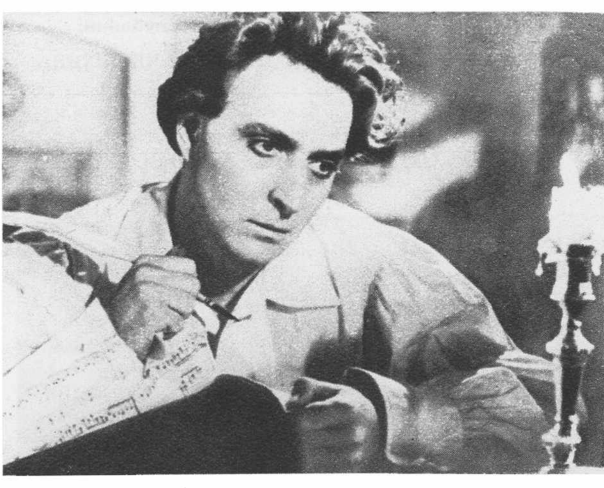

Варшава перед восстанием 1830 года.

Авторы фильма умело произвели отбор наиболее важных событий, определивших жизненную и творческую судьбу юного Шопена: его занятия с крупнейшим педагогом того времени Эльснером в Главной школе музыки, приезд Паганини в Варшаву, первые концерты Шопена в Вене, польское восстание 1830 года. Шаг за шагом восстанавливает фильм правдивый образ великого композитора, фальсифицированный буржуазными историками и музыковедами.

Взволнованный, окрыленный вестью о восстании в Варшаве, Шопен устремляется на родину. Ни болезнь, ни непогода не остановят его. В эти минуты рождается героическая тема в творчестве Шопена.

Больным, одиноким, тоскующим художником и завсегдатаем светских салонов, далеким от народа, блестящим, но поверхностным виртуозом — таким обычно любила изображать Шопена польская шляхта. Таким он был показан и голливудскими бизнесменами, выпустившими несколько лет назад фильм, искажавший и принижавший образ великого сына польского народа.

Артист Ч. Воллейко в роли Фредерика Шопена.

Перед нами на экране другой Шопен — художник-патриот, мужественный борец за освобождение своей родины, национальный гений, истоки творчества которого прочно связаны с жизнью народа.

«Юность Шопена» по своему содержанию перекликается с фильмом «Варшавская премьера», который рассказывает о борьбе прогрессивных сил во главе со Станиславом Монюшко (артист Я. Кехер) за постановку первой польской оперы. Только искусство, близкое народу, имеет будущее — эта простая и вместе с тем великая мысль роднит оба фильма. Следует отметить высокую технику звукозаписи. Миллионы зрителей этих фильмов восхищаются красотой и богатством мелодий и ритмов польской народной музыки, пленительными произведениями гениальных польских композиторов.

Не стремлением уйти в историю, но горячей заинтересованностью в судьбах своей родины объясняется обращение польских кинодеятелей к биографиям Монюшко и Шопена.

Весьма важное место среди кинокартин, представленных на фестивале, занимают фильмы «Ночной взрыв», «Запрещенные песенки», «Непокоренный город». Они правдиво воссоздают картины недавнего прошлого, эпизоды подпольной борьбы польского народа против немецкого фашизма, прославляют отважных патриотов, сражающихся в тылу врага, показывают великую освободительную роль Советской Армии. Помешав отступающим гитлеровцам уничтожить завод, инженер Кароль, главный герой фильма «Ночной взрыв», говорит: «Отныне завод будет работать только для мирных целей!»

«Для мирных целей!» — вот краткий и точный девиз каждой польской картины, демонстрирующейся на фестивале,— будь это хроникально-документальное произведение «Мир победит во всем мире» — о работе Второго Всемирного конгресса сторонников мира—или художественный фильм «Первый старт» — увлекательная киноповесть о молодом поколении Польской республики, которому широко открылись в наши дни все дороги к счастью.

Наиболее широко представлена на экране жизнь современной Польши. Такие фильмы, как «Мое сокровище», «Чортово ущелье», «Две бригады», в различных жанрах, с разной степенью мастерства решают одну общую задачу. Они раскрывают новые, значительные сдвиги в жизни польского народа, отражают глубокие перемены, происходящие в сознании людей, учат бдительности в борьбе с происками американского империализма, показывают нерушимость дружбы между Советским Союзом и странами народной демократии. В каждом из этих фильмов кинематографисты Польши проявляют себя активными участниками общей борьбы польского народа за мир.

Простые люди — вот герои польского кино. Авторам фильма «Две бригады» на примере судьбы старого шлифовальщика Вальчака и актера Боровича удалось показать активную роль передового искусства в деле воспитания народа и вместе с тем последовательно и ярко провести мысль о том, что искусство без знания жизни мертво.

Даже в таком жанре, как кинокомедия («Мое сокровище»), польские кинодеятели смогли увидеть в малом — в веселой истории влюбленных Кристины и Витека, которым мешает соединиться жилищный кризис Варшавы,— большую тему современности и реалистически отразить ее: свободный, независимый польский народ строит свое счастье.

Фестиваль убедительно показывает, что молодое киноискусство Польши находится на верном пути.

Л. БЕЛОКУРОВ

[1] Сценарий и постановка А. Форда, оператор — Я. Тузар.

ПРЕВЫШЕНЫ ДЕСЯТЬ РЕКОРДОВ СТРАНЫ

Три дня продолжалась напряженная спортивная борьба сильнейших мотоциклистов. Достигнутые результаты превышают десять всесоюзных рекордов.

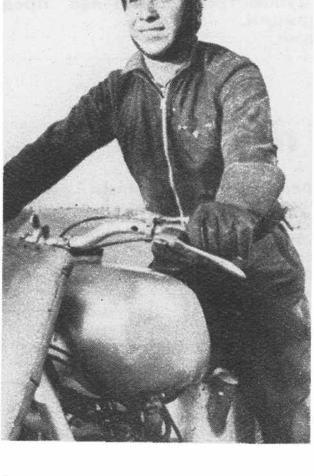
...Четвертый километр Московского шоссе под Минском. Здесь мотоциклисты берут старт, чтобы преодолеть пятисоткилометровую дистанцию с девятью поворотами. Здесь же они финишируют. С начала и до конца лидировал заслуженный мастер спорта, москвич В. Кулаков. Когда он закончил дистанцию и диктор объявил время — 3 часа 45 минут 16,2 секунды, многочисленные зрители приветствовали спортсмена аплодисментами.

С большим интересом собравшиеся наблюдали за гонкой на побитие рекорда на один километр. Героем дня оказался Ю. Степанов из Ростова-на-Дону. Он побил три всесоюзных рекорда на машинах разного класса.

Рекордсмен страны заслуженный мастер спорта А. Новиков (Москва).

Фото В. Лупейко

Рекордсмен страны мастер спорта Ю. Степанов (Ростов-на-Дону).

Дважды объявил диктор о высоких результатах заслуженного мастера спорта А. Новикова (Москва), который на машине малой емкости установил рекорды в гонке на один километр с хода и с места.

Рекорды были также установлены А. Беляниновым, С. Овчинкиным.

Состоялась гонка и на автомобиле. Москвич А. Амбросенков на автомобиле «Звезда» прошел километровое расстояние с хода за 20,51 секунды при средней скорости в 175,524 километра в час. Это превышает мировое достижение итальянского гонщика Лурани.

В заключительный день соревнований в пригороде Минска команды мотоциклетных заводов состязались в кроссе. Победителем оказался коллектив Ковровского мотоциклетного завода.

П. ВАЛЕНТИНОВ

Ночной санаторий металлургов

Ночной санаторий в Днепропетровске.

Фото М. Робертса

На берегу Днепра раскинулся парк имени С. М. Кирова, место отдыха трудящихся Ленинского района, крупнейшего промышленного района города Днепропетровска. В одном из его живописных уголков расположен ночной санаторий рабочих и служащих завода имени Петровского.

Просторные палаты для сна, лечебные кабинеты, процедурные, душевые. Большая комната отдыха. Библиотека. После трудового дня металлург отлично отдыхает здесь, за ним наблюдают квалифицированные врачи. Продолжительность пребывания в санатории — 1—2 месяца.

Н. КЕМЕНОВ

Николай Платонович Огарев

Семьдесят пять лет назад, 12 июня 1877 года, в небольшом английском городке Гринвиче умер выдающийся русский революционный демократ, близкий друг и соратник Герцена, талантливый поэт, мыслитель, публицист Николай Платонович Огарев.

Когда-то, отмечая появление первого сборника стихотворений поэта, Чернышевский проницательно сказал, что грядущими поколениями русского народа «с любовью будет произноситься и часто будет произноситься имя Огарева». Чернышевский разоблачал реакционную легенду об Огареве как поэте «безвременья», наступившего после поражения декабристского движения, как «чистом лирике», чуждом общественной жизни и политической борьбы. Он писал о поэзии Огарева как об «одной из самых блестящих и чистых страниц» в развитии русской литературы и предсказывал, что она «останется достоянием истории». Огарев всей своей деятельностью борца, писателя, философа-материалиста оправдал высокую оценку великого демократа.

Научное исследование жизни, мировоззрения и творческого наследия Огарева стало возможным только после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только в работах советских ученых на основе настойчивых архивных изысканий в полной мере раскрылось историческое место Огарева в развитии русского освободительного движения, литературы и общественной мысли.

Вместе с Герценом в условиях самодержавной реакции Огарев поднял знамя революции. Разбуженный восстанием декабристов, он, начиная с знаменитой клятвы на Воробьевых горах, мужественно и стойко служил своему народу. Арест, тюрьма, ссылка, полицейский надзор, второй арест — ничто не могло сломить его воли к борьбе. Огарев-поэт, тепло встреченный Белинским, своими правдивыми картинами народного быта предвосхитил великого певца крестьянской демократии Некрасова. Белинский сочувственно отзывался о ранних реалистических стихотворениях Огарева (например, «Старый дом», «Деревенский сторож», «Кабак»), усматривая в них залог будущего идейного развития поэта. «Сколько реализма в его поэзии и сколько поэзии в его реализме!» — говорил о своем друге Герцен.

Как мыслитель, Огарев принимал самое горячее участие в общественно-политических и философских исканиях передовой русской интеллигенции сороковых годов, решительно размежевавшись с буржуазно-дворянскими либеральными кругами. Он пристально изучает русскую народную жизнь, особенно остро воспринимая черты зреющего в массах революционного протеста.

Подлинный расцвет революционной деятельности Огарева начался после его отъезда в 1856 году в эмиграцию. Вместе с Герценом он создает вольную русскую прессу за границей. На страницах «Колокола» и в других изданиях Вольной русской типографии он печатает ряд острых, разоблачительных статей, боевых воззваний к народу. Не случайно либералы называли статьи Огарева в числе тех материалов, которые оттолкнули их от революционной программы «Колокола».

Н. П. Огарев (слева) и А. И. Герцен. Лондон. 1861 год.

Непосредственное знакомство с буржуазной действительностью Западной Европы после поражения революции 1848 года укрепляло социалистические воззрения Огарева. «Буржуазное развитие,— по мысли Огарева,—...привело человеческое общество к нечеловеческому образу».

В стихотворении «Когда в цепи карет...» (1858) поэт ярко показал агрессивную сущность буржуазной реакции, стремившейся поработить независимые народы и установить во всех странах деспотический режим насилия и террора:

И вижу я иные племена —
Тут — за морем... Их жажда —
кровь, война,
И, хвастая знаменами свободы,
Хоть завтра же они скуют
народы.
Во имя равенства все станет под
одно,
Во имя братства всем они
наложат цепи,
Взамен лесов и нив — все
выжженные степи,
И просвещение штыками
решено.
И будет управлять с
разбойничьей отвагой
Нахальный генерал
бессмысленною шпагой.

Вскрывая лицемерие буржуазно-демократического строя, «мнимую свободу европейского нищего», поэт-патриот страстно искал путей к счастливому социалистическому будущему родного народа.

Он писал в «Письмах к соотечественнику» (1860): «Вы не верите в силы русского народа, потому что вы их не видите; я в них верю, потому что вижу их».

Материалы так называемой «Пражской коллекции» Герцена—Огарева, недавно поступившие в архивные хранилища нашей страны и подготовляемые в настоящее время к изданию, свидетельствуют об активнейшем участии Огарева в общественно-политической борьбе 60—70 годов.

Поэт настойчиво стремился к сближению с революционным народом в России. Он деятельно участвовал в начале 60-х годов в организации тайного революционного общества в России, искал возможности совместной работы с «молодыми эмигрантами» из революционных разночинцев. Темы борьбы революционного народа заняли в поэзии Огарева-эмигранта ведущее место.

Его стихотворения получили широкое распространение в России, в частности в русском революционном подполье, нередко печатались в виде листовок и оказали значительное влияние на русскую демократическую поэзию.

Наследие Огарева неразрывно связано в сознании нашего народа с лучшими традициями русской культуры прошлого. Оправдалось пророчество Чернышевского: все чаще и чаще имя поэта-революционера звучит на его освобожденной родине, с любовью и гордостью произносимое советским человеком.

Вл. ПУТИНЦЕВ

Наследие мыслителя и публициста

К 75-летию со дня смерти Н. П. Огарева Государственное издательство политической литературы выпустило в свет первый том его «Избранных социально-политических и философских произведений».

Судьба большого и многостороннего литературного наследия Огарева сложилась весьма своеобразно. Ближайший друг Герцена, Огарев вошел в сознание широких кругов читателей прежде всего как талантливый революционный поэт. Значительно менее известна кипучая, напряженная деятельность Огарева — одного из создателей вольной русской прессы за границей, передового философа-материалиста, страстного публициста и литературного критика.

Многочисленные статьи Огарева, рассеянные по страницам «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии, а также разрозненные публикации его богатейшей переписки были малодоступны и до сих пор недостаточно привлекались для научных исследований по истории русской философской и общественной мысли. Значительная часть литературного и эпистолярного наследия Огарева остается до сих пор не опубликованной.

Если не считать небольшого сборника публицистических статей Огарева, изданного самим писателем в Лондоне в 1861 году («За пять лет», ч. 2-я), новое издание представляет собой первую попытку собрать важнейшие социально-политические и философские работы выдающегося мыслителя-революционера. В первый том вошли избранные статьи Огарева, опубликованные им при жизни в России и в эмиграции. Они ярко характеризуют историческое значение и место Огарева в развитии русского освободительного движения. Перед читателем встает живой образ мужественного революционного борца, непримиримого врага самодержавно-крепостнического строя, писателя-демократа, горячо отстаивавшего во всей своей деятельности интересы широких народных масс.

Среди публикуемых произведений статья Огарева «Надгробное слово» (1863), цитату из которой В. И. Ленин привел в своей знаменитой работе «Памяти Герцена»; цикл статей, посвященных русской предреформенной действительности, под общим названием «Русские вопросы» (1856—1858); известный «Разбор нового крепостного права» (1861), в котором Огарев с большой силой разоблачил грабительский характер пресловутого «освобождения» крестьян; автобиографический очерк «Кавказские воды» (1861); серия литературно-критических статей —«Памяти художника» (1859) и предисловия к «Думам» Рылеева (1859) и сборнику «Русская потаенная литература XIX века» (1861); статьи из истории декабристского движения: «Разбор книги Корфа» (1858), «В память людям 14 декабря 1825» (1869) и ряд других работ, преимущественно из «Колокола», «Полярной звезды», «Общего веча».

Во второй том издания будут включены статьи и заметки, оставшиеся в рукописи, революционные прокламации, воззвания, листовки и избранные письма Огарева.

Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. Том первый. Академия наук СССР. Институт философии. Госполитиздат, 1952. 864 стр.

„ДОГОВОР“, ОБАГРЕННЫЙ КРОВЬЮ

Итак, 26 мая матерый предатель немецкого народа Конрад Аденауэр поставил свою подпись рядом с подписями Ачесона, Идена, Шумана под одиннадцатью статьями «Общего договора». Немецкий народ назвал этот день новой чудовищной национальной измены, совершенной в Бонне, «черным днем Германии».

Чтобы поставить свои подписи под документом военного закабаления Западной Германии, боннским временщикам пришлось пройти сквозь бурю народного возмущения. Они обманули даже свой бундестаг (парламент), подкупили газеты, вели закулисные торги с социал-демократическими лидерами, разгоняли демонстрации протеста и душили забастовки, пролили кровь немецких патриотов в Эссене.

Все было предпринято аденауэровской полицией, чтобы «Общий договор» был встречен под колокольный звон, с флагами на домах. Но отчего же так пугливы были все эти дипломатические «светила», слетевшиеся в Бонн 26 мая? Зачем понадобилось стянуть в Бонн, насчитывающий немногим более 100 тысяч жителей, 25 500 полицейских, оснащенных броневиками и водометами?

Ответ прост. Могильщики Германии смертельно боятся немецкого народа. Они так спешили провернуть свою черную сделку, что пренебрегли дипломатическим этикетом. Им изменило даже обычное пристрастие к длительному словоблудию. По свидетельству газетных репортеров, вся процедура была закончена в 28 минут. Любители сенсаций в Западной Германии кричали, что это — «рекордное достижение».

Это и был своего рода рекорд — рекорд предательства. Меньше чем за полчаса Западная Германия с ее 48-миллионным населением была продана в кабалу американским империалистам, подготовляющим новую мировую войну.

«Общий договор» стал пробным камнем немецкого патриотизма. Он размежевал немцев на две части: кучка предателей национальных интересов аденауэровского типа с одной стороны, и многомиллионная масса верных отечеству людей — с другой. Равнодушных, сторонящихся становится все меньше. Ведь кровавый меч «Общего договора» одинаково занесен над головой и рурского сталевара, и мекленбургского крестьянина, и берлинского служащего.

Вот почему борьба против этого зловещего сговора магнатов Уоллстрита и Рура началась задолго до его оформления. И вот почему, не успев появиться на свет, «Общий договор» уже был обагрен кровью молодых патриотов в Эссене.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Этот день пришелся на воскресенье 11 мая. Молодежь из разных уголков Западной Германии собралась в Эссене, чтобы провести здесь свой «караван мира», чтобы протестовать против подготовки «Общего договора». Ее встретили пулями.

Один из участников этих событий, Ганс Рейнерт, молодой рабочий из Гамбурга, рассказывал:

— Дождь лил ручьями, когда я прибыл в Эссен. Первое, что я увидел, была полиция. Почему так много? На перекрестках улиц машины с большими нарядами полиции. Еще машина, на ней радиоустановка. Чуть подальше конный отряд. Вооружены все до зубов. Не город, а военный лагерь. Мы сразу поняли: все это приготовлено против нас.

Вскоре молодежь, собравшаяся на улицах, была атакована конной полицией. Один из юношей был сильно избит. Полицейские потащили его к тюремной машине. Возмущенные этим насилием, некоторые из нас начали кричать: «Долой полицию!» Клич подхватили сотни людей. Загремела песня, мы сплотились в колонну...

Через гущу людей ринулись полицейские автомашины, конники, были спущены с цепи разъяренные полицейские собаки. Избивали без разбора, топтали упавших на мостовую. Я видел, как полицейский наступил сапогом на сбитую с ног окровавленную девушку. И все-таки мы не дрогнули. Из боковой улицы хлынула новая колонна демонстрантов. Над рядами реяли флаги и лозунги: «Долой Аденауэра!», «Долой «Общий договор»!»

Взбешенный офицер приказал стрелять. Я слышал его команду. Некоторые из нас говорили друг другу: хотят запугать холостыми патронами. Но тут же стали падать раненые. Гнев охватил нас. Руки потянулись к камням. Это было все, чем мы могли защищаться. Кто-то крикнул:

— Собаки! Они убили одного из наших товарищей...

Когда стрельба поутихла, мы заметили, что полицейские поспешно взваливают на автомашину безжизненное тело какого-то юноши. Они пытались замести следы преступления. Не вышло! Весть об убитом, о других жертвах облетела весь город. Полиция с трудом прокладывала себе дорогу в толпах людей, высыпавших на улицы. Даже те, кто держался раньше в стороне от борьбы, кричали теперь леровским молодчикам: «Убийцы, погромщики!»

Эпизод кровавой расправы в Эссене. Раненого демонстранта волокут в полицейскую машину.

Митинг протеста против «Общего договора» на одном из предприятий города Хемница (Германская Демократическая Республика).

ФИЛИПП МЮЛЛЕР

Убитого звали Филипп Мюллер. Помещенный здесь портрет, сделанный незадолго до его гибели, не требует комментариев. Трудно что-нибудь добавить к этому полному подкупающей искренности облику.

Филипп Мюллер родился 5 апреля 1931 года в Мюнхене. Отец, железнодорожный рабочий, погиб при аварии. Пятеро детей остались на руках матери. Подростком Филипп уже работал в железнодорожной мастерской. Там он вступил в ряды Союза свободной немецкой молодежи, стал его активистом. В прошлом году Филипп участвовал в Берлинском молодежном фестивале. За это, а также за то, что он коммунист, его выгнали с работы. Он испытал все тяготы долгой безработицы и нужды. Но когда рабочие металлообрабатывающего завода фирмы «Будек», куда он наконец поступил, объявили стачку, Филипп Мюллер немедленно принял в ней активное участие.

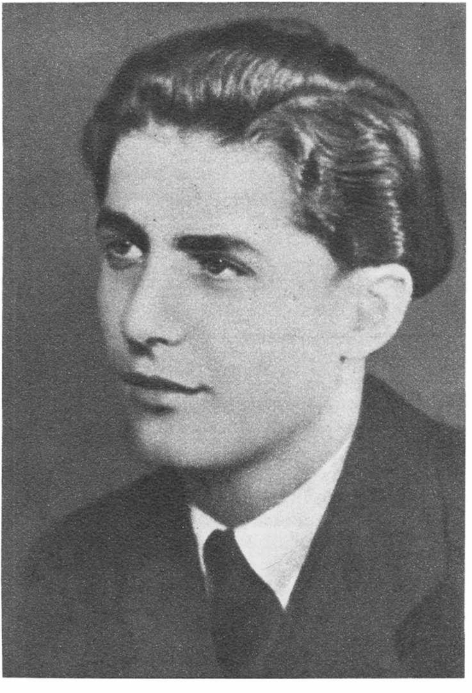
— Дело народа — мое дело,— часто говорил молодой патриот. Верность этому высокому призванию сделала его, как и сотни тысяч его сверстников, страстным противником милитаристского «Общего договора». Она вывела его, молодого мужа, отца 5-месячного ребенка, на улицы Эссена, где пуля подлых аденауэровских убийц сразила его.

В письме к матери убитого Катарине Мюллер и его вдове руководитель Коммунистической партии Германии Макс Рейман писал:

«Выстрел, поразивший вашего сына, супруга и отца, нашего молодого товарища, был направлен в мир, единство и свободу. Этим предательским действием враги народного счастья пытались заглушить голос мира, призыв к заключению мирного договора с Германией...»

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Те, кто готовили кровавую расправу в Эссене, рассчитывали посеять в народе страх. Они пожали бурю народного возмущения. Миллионы немецких патриотов откликнулись на полный скорби и силы призыв молодой вдовы Филиппа Мюллера:

Филипп Мюллер.

«В память бесценного своего мужа я зову молодежь объединиться против войны, сделать все для мира и единства Германии. Не страшитесь никаких жертв, если хотите, чтобы гибель моего Филиппа не была напрасной».

Гамбург ответил 150-тысячной демонстрацией протеста и мощной забастовкой. Сто тысяч демонстрантов вышли на улицы Франкфурта-на-Майне. 60-тысячная забастовка разразилась в Маннгейме, столько же бастовало в Кельне, почти столько же — в Брауншвейге.

Масштабы этой борьбы превосходят все, что знала Германия в послевоенные годы. Только последние 10 дней мая дали около миллиона демонстрантов. В первых рядах вместе с гневно протестующим Эссеном стали такие крупнейшие центры, как Мюнхен и Нюрнберг, Дюссельдорф и Киль.

28 и 29 мая в Западном Берлине и во многих городах Западной Германии совсем не вышли газеты. Ни одна. Забастовали печатники.

Размах стачки печатников, ее организованность вызвали переполох в стане боннских реваншистов.

— Плохой симптом, когда люди отказываются печатать наши газеты. Это уже больше, чем гнев пустых желудков. Это — брожение умов, — меланхолически изрек один из крупных аденауэровских чиновников. Он мог выразиться точнее: это воля к борьбе, осознанная, прямая воля народа, решившего разорвать ненавистный договор национального позора и войны.

Западногерманских прислужников доллара лихорадит при виде многотысячных демонстраций и митингов. Они в ужасе от того, что все чаще, все успешнее совместно выступают рабочие — коммунисты и социал-демократы.

В Германской Демократической Республике негодование народа против боннских убийц ярко запечатлено в тысячах новых трудовых обязательств, в укреплении бдительности против врагов демократического строя, презренных агентов американских и боннских разведок.

— Конечно, мы не можем воскресить Филиппа, — заявила молодая активистка производства завода «Текстима» в Виттенберге Ирмгард Пауч, — но наша бригада приняла его имя. Это значит вот что: продукции мы решили давать на 10% больше.

Не гибельных последствий военного «Общего договора», а мирного договора, осуществления советских предложений — вот чего страстно ждет и за что борется народ Германии.

Эта борьба продолжается. Мужественная, патриотическая борьба миллионов честных немцев против «Общего договора», за единство и мир.

М. КАРПОВИЧ

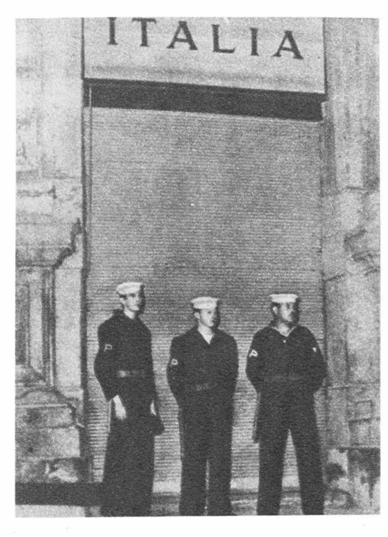
Берлин. 30 мая 1952 года.

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ИТАЛИИ

Витторио БАРДИНИ,
сенатор

В Италии не прекращается борьба трудящихся за свои насущные права. Рабочие добиваются увеличения заработной платы, требуют предоставления работы безработным, проведения мероприятий по охране труда. Это — большое и широкое движение, и развивается оно под знаком сплоченности и солидарности всех трудящихся Италии, которые сплачиваются вокруг Всеобщей итальянской конфедерации труда.

Что это так, видно по поведению «вождей» раскольнических профсоюзов. Под давлением рядовых рабочих они вынуждены день за днем отступать. Еще более примечательно, что и Национальная конфедерация торговцев заявила о своем полном присоединении к позиции ВИКТ в вопросах зарплаты и улучшения экономической жизни страны.

Американская военно-морская полиция на улице итальянского города.

Полиция Шельбы по приказу американцев жестоко расправляется с демонстрантами.

Но трудящиеся борются не только за свои законные повседневные интересы. Рабочие концерна «Монтекатини» выдвинули требование немедленно разрешить вопросы, связанные с расширением объема разработок полезных ископаемых, оснащением шахт современным оборудованием, внедрением индустриальных методов труда. Вот другой пример: крупная забастовка на туринских предприятиях ФИАТ открыто носила характер борьбы против монополий, которые ведут итальянскую экономику к катастрофе.

Возрастающая концентрация богатств в руках небольшой кучки капиталистов делает богатых еще более богатыми, а бедных еще более бедными.

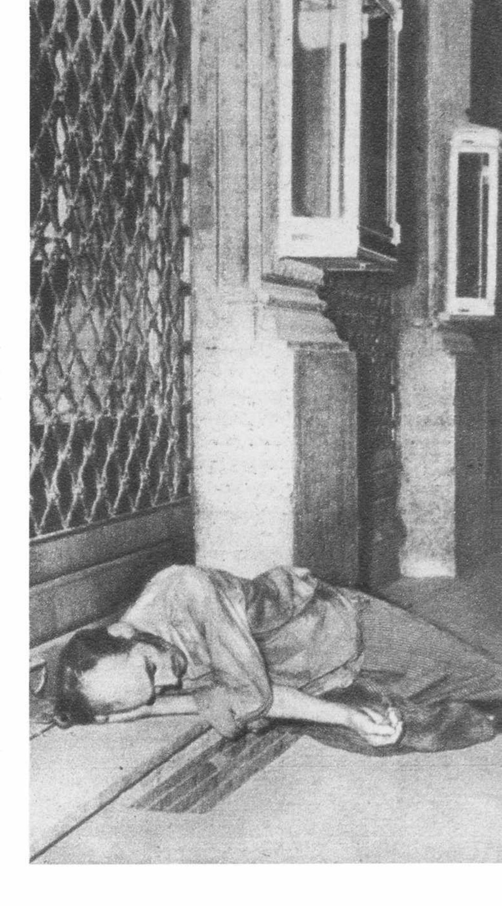
За один только год 60 крупнейших предприятий итальянской промышленности во главе с химическим концерном «Монтекатини» получили чистую прибыль в размере 33%, что составляет 173 миллиарда лир. И рядом с этим непрерывно возрастает число несчастных случаев на предприятиях: с 1948 по 1950 год количество несчастных случаев на предприятиях увеличилось на 22%, а несчастных случаев со смертельным исходом — на 18%.

В Италии катастрофически растет безработица. По тем же официальным неполным данным, в стране 4 миллиона безработных; это примерно 10% всего работоспособного населения на юге Италии и 8% — на севере.

Положение итальянской экономики еще больше обостряется вследствие политики подготовки войны, которую ведут правящие круги Италии, находящиеся в подчинении у Ватикана и американского империализма. Расходы на вооружение непрерывно растут, и это происходит в то время, когда целые районы Италии (Венето, юг страны, острова) в забросе и упадке, а население этих районов живет в условиях постоянной нищеты. Правящая христианско-демократическая партия игнорирует тяжелое положение масс, отворачивается от насущных вопросов производства и труда, от острейших проблем развития промышленности и сельского хозяйства.

В стране все сильнее ощущается засилье военщины. Политические свободы уничтожаются, нарушаются законы республиканской конституции, в частности по вопросам, связанным с трудовыми конфликтами. Все чаще эти нарушения гражданских и трудовых прав принимают характер кровавых расправ с трудящимися. В прошлом году мы видели это на юге Италии — в районах Модены, Сиена и других — во время борьбы итальянских трудящихся за землю. Не так давно один крестьянин был убит в Вилле Литерно только за то, что требовал соблюдения так называемого «закона Сталлио о ликвидации нищеты» и настаивал на том, чтобы была проведена аграрная реформа. Три человека были ранены в местечке Колле Валделиа в провинции Сиена. За что? За то, что население этого местечка выразило сочувствие и солидарность с крестьянами, которым грозило выселение с занятых ими земель и из их жилищ.

Во многих провинциях, где существует испольщина, и в особенности в провинции Сиена, крестьяне массами примыкают к Коммунистической партии Италии и Конфедерации сельскохозяйственных рабочих. Сейчас они подвергаются жестоким преследованиям. Сотни карабинеров и полицейских из так называемых отрядов «челере» прибывают в деревни; они стреляют в крестьян, арестовывают ежедневно десятки и сотни людей. И естественно, что возникают столкновения между крестьянами и полицией. Труженики земли не уступают силе. Руководимые и поддерживаемые рабочим классом, они продолжают борьбу.

Житель Рима, не имеющий жилья, ночует у подъезда дома на улице Виа Тритоне.

Время показало провал политики правительственного блока, сколоченного христианскими демократами на предыдущих выборах. Эта партия изменила своей собственной программе. Нет сомнения, что широкие слои, отдавшие в 1948 году свои голоса за партию демо-христиан, теперь отошли от них, глубоко разочарованные их политикой. Об этом ясно говорят итоги недавних муниципальных выборов.

Резкий отпор народных масс мешает установлению в Италии фашистского режима типа франкистской Испании. Но это не значит, что опасность ликвидирована, тем более, что на юге Италии демо-христианская партия вступила в союз с фашистами и монархистами всех мастей.

В своей борьбе прогрессивные партии Италии встречают огромные трудности: реакция пускает в ход обман, подкуп, разнузданную и лживую антисоветскую клевету, угрозы и насилия, на которые только способны агенты американского империализма и клерикального мракобесия. Но по всей стране наблюдается неудержимый рост демократических сил: в Риме, Бари, Неаполе, Палермо и других городах и районах Италии. Простые люди различных общественных кругов, обладающие чувством доброй воли, не верят больше в сказки об угрозе агрессии со стороны Советского Союза.

Именно поэтому трудящиеся Италии приветствуют, поддерживают политику мира Советского Союза — политику, которая строится на принципах дружбы между всеми народами и которую проводит в жизнь гениальный вождь советского народа, первый борец за мир великий Сталин.

НАСТУПЛЕНИЕ НА КУЛЬТУРУ

Эдоардо ЧЕККИ

Письмо из Италии

В современной Италии работник интеллектуального труда не имеет даже самого скромного прожиточного минимума. Над итальянским научным работником, педагогом, художником, врачом постоянно висит призрак безработицы. Средства, ассигнуемые в Италии на научно-исследовательскую работу, настолько мизерны, что их едва хватает даже для скромного оборудования лабораторий. Молодые научные работники получают такую низкую заработную плату, что сплошь и рядом бросают научно-исследовательскую работу и ищут себе случайного заработка. Многие ищут выхода в эмиграции.

О положении учителя начальной и средней школы красноречиво говорит следующий факт: 50% населения Италии неграмотно, а в стране насчитываются десятки тысяч безработных учителей. Недавно был объявлен конкурс на замещение четырех тысяч вакантных должностей преподавателей в школах; на конкурс было подано более семидесяти тысяч заявлений.

Безработица охватила инженеров, техников, архитекторов, юристов, торговых и промышленных служащих.

Не менее тяжело приходится артистам, писателям, художникам, музыкантам. От государства они не получают никакой материальной поддержки. Тот, кто не хочет умереть с голоду, вынужден иметь «вторую специальность». Это стало правилом для людей искусства Италии. Одни работают в какой-нибудь конторе, другие подрабатывают физическим трудом, третьи ищут заработка в третьеразрядных мюзикхоллах.

Клерикальное правительство пытается поставить итальянскую культуру в колониальную зависимость от американского империализма, затуманить сознание народа милитаристской истерией. Силы, возглавляемые Ватиканом, стремятся задушить всякий проблеск новых идей и открытий в области науки.

Вот пример. И итальянское правительство и профашистская печать ведут озлобленную кампанию против нового, демократического направления в итальянском кино. Как известно, крупные прогрессивные кинорежиссеры Италии Витторио де Сика, Пьетро Джерми, Джузеппе де Сантис, Карло Лиццани и многие другие создали выдающиеся кинокартины, которые прославили на весь мир итальянскую кинематографию. Яркий реализм их произведений, разоблачительная сила их картин были ответом на политику угнетателей народа. Именно поэтому правительство всеми мерами старается замолчать произведения этих выдающихся художников, более того, прямо препятствует появлению этих фильмов на экране. Механика этого дела проста. На частных кинопромышленников, которые держат в своих руках производство и прокат кинокартин, оказывается нажим; пускается в ход цензура.

Примерно та же картина наблюдается в театре. Итальянский театр переживает сейчас исключительно глубокий кризис; это относится и к оперному и к драматическому театрам. Только в двух крупнейших городах — Риме и Милане — театры оперы и драмы функционируют регулярно; театры же, подвизающиеся в провинции, влачат поистине жалкое существование.

Одновременно строжайшей цензуре подвергаются прогрессивные книги и пьесы. Цензура не щадит даже классиков.

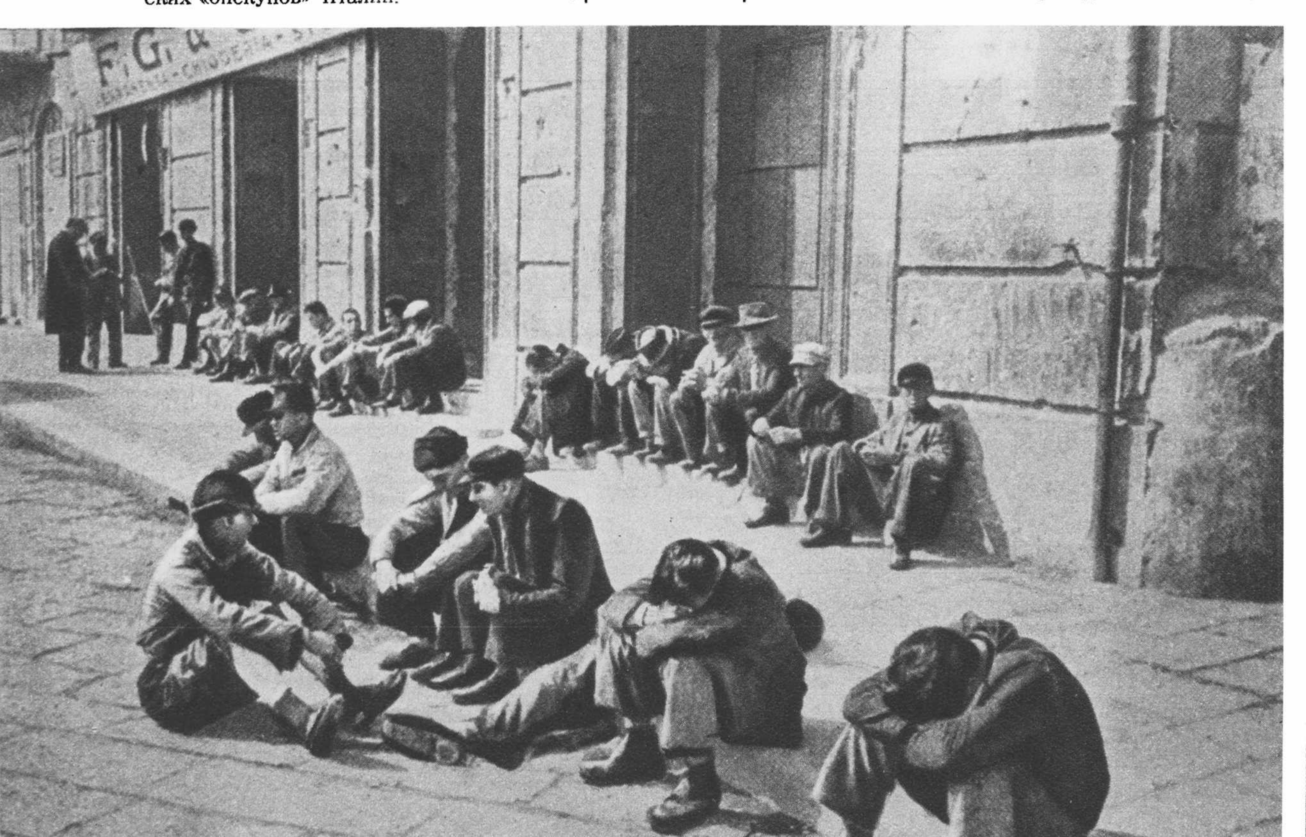
Вернемся к итальянской школе. Нажим религиозных мракобесов и агентов американского империализма сказывается здесь с большой силой. Преподавание истории в школах Италии стараются пропитать всяческим восхвалением деяний фашизма, при этом учащиеся пользуются теми же учебниками, которые были при фашистской диктатуре. Клерикальному правительству явно не хочется, чтобы молодежь узнала подлинную сущность фашизма, ибо это показало бы подрастающему поколению, какую тяжкую ответственность несут крупная итальянская буржуазия, Ватикан, иностранные империалисты за то ужасное положение, в котором пребывает теперь итальянский народ.

Конечно, деятели науки и культуры Италии не остаются пассивными перед лицом такого разнузданного наступления реакционных сил. Они борются и закаляются в борьбе. Они ведут борьбу за национальную, свободную, демократическую и светскую культуру, за демократию и мир.

Минувшей зимой художники Италии организовали выставку на тему «Искусство против варварства». Там были показаны картины, пригвождающие к позорному столбу гитлеровцев — преступников второй мировой войны и американских военных преступников, которые варварскими методами проводят агрессию в Корее. Выставка была немедленно закрыта правительством. Но эти правдивые произведения стали достоянием общественности, и их яркое содержание внесло свой вклад в дело борьбы за мир.

Прогрессивные работники умственного труда в Италии прекрасно понимают, что, выступая в защиту мира, они защищают свое кровное дело, дело торжества в Италии демократии и передовой культуры, тесно связанной с народом.

Перевод с итальянского

Безработица в Италии. На снимке: рабочие предприятий Милана, закрытых по требованию американских «опекунов» Италии.

Дружба

Кастусь КИРЕЕНКО

Упал с вершины над рекой
На землю желудь золотой,

А был там парень, плотогон,
В Каховку плыть сбирался он.

Прощаясь с чащей вековой,
Он этот желудь взял с собой:

Пусть в том краю, где степь вокруг,
Любимый Сож приснится вдруг.

Он думал:
«Брошу желудь свой
Я над днепровскою водой.

Чтоб дело дать речным волнам,
Плотину люди строят там.

И дуб мой будет над рекой
Расти и нив хранить покой».

Не ведал парень-плотогон,
Что не один так думал он,

Что торопились в те края
Его товарищи-друзья,

Что, как и он, спешат туда
Под ясным солнцем поезда,

Несут дары Отчизны всей,
Чтоб лес шумел среди степей.

А дни проходят, даль ясна,
В краю лесном шумит весна.

На убыль паводок идет,
Вновь плотогон плоты ведет.

И под Каховкой у реки
Он видит вдруг везде дубки.

Стоят они, блестя росой,
Пойми, какой меж ними твой.

Зато легко узнать по ним
Друзей, что все живут одним,

Друзей, с кем он в леса ходил,
Плоты вязал, по рекам плыл,

Кого не раз он выручал,
Кто сам, как брат, его встречал.

Они друзья и земляки,
И это их растут дубки.

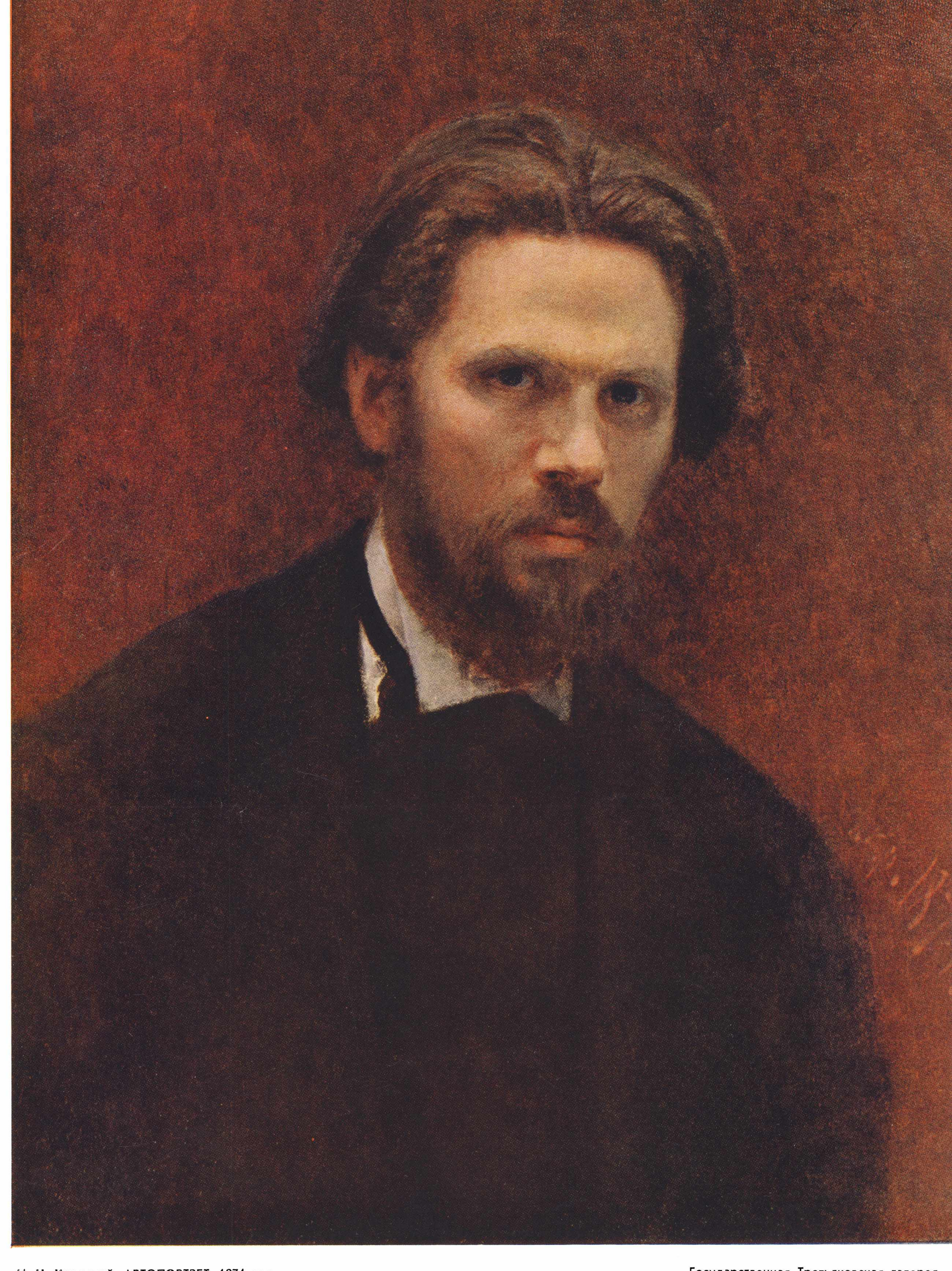
Для них огни засветит ГЭС,
Для них раскинет тени лес.

Здесь каждый знает:
В свой черед
Наступит срок и час придет,

Когда подружатся навек
Пески пустынь и волны рек,

И озарит весны заря
Степные новые моря.

Перевел с белорусского
Н. Рыленков

И. Н. Крамской. АВТОПОРТРЕТ. 1874 год. Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской. НЕИЗВЕСТНАЯ. 1883 год. Государственная Третьяковская галерея.

ХУДОЖНИК-ГРАЖДАНИН

К 115-летию со дня рождения И. Н. Крамского

Талантливый живописец и педагог, теоретик искусства и выдающийся художественный критик, И. Н. Крамской вошел в историю национального искусства как один из основоположников и идейных руководителей передвижничества. Своим творчеством он, говоря словами П. М. Третьякова, «положил неизгладимую печать на свое художественное время и на большую часть живших в его время русских художников».

Сын писца городской управы, Крамской родился в 1837 году в слободе захолустного городка Острогожска. Учеба в городской школе сменилась мастерской иконописца, где он был мальчиком на побегушках. Судьбу жадно стремившегося к искусству подростка решил приезд в Острогожск странствующего фотографа. Крамской начал работать у него ретушером, затем вместе с ним отправился по городам и наконец в 1857 году попал в Петербург. По совету друзей после тщательной подготовки он поступает в Академию художеств. Уже здесь, на студенческой скамье, у него складываются те взгляды на искусство, которые впоследствии становятся идейной основой передвижничества. «Академией Крамского» называли современники возникший вокруг него кружок передовой молодежи.

Крамской требует от искусства активного участия в общественной жизни, проповедует обращение к современной и актуальной теме, создание произведений, посвященных народу и понятных широкому зрителю. Во главе с Крамским наиболее прогрессивно настроенные учащиеся отказываются писать конкурсную картину на предложенный Академией мифологический сюжет и демонстративно бросают учебу. Участники этого «бунта 14-ти» объединяются под руководством Крамского в «Художественную артель». А в 1870 году Крамской выступает как организатор «Товарищества передвижных художественных выставок», в которое входят Перов, Саврасов, Шишкин, Ге, братья Маковские, Прянишников и другие художники. С этого времени и почти до самой смерти жизнь и творчество Крамского сливаются с деятельностью «Товарищества».

Крамской создал не много картин; наибольшей его удачей были многочисленные портреты. Тонкий психолог, умеющий проникнуть в сокровенные тайники человеческого характера, он создает замечательные живописные образы современных писателей, художников, культурных деятелей. Его портреты исторического живописца Литовченко, Шишкина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина относятся к высшим достижениям русской портретной живописи.

В 1873 году у Крамского завязывается знакомство с Л. Толстым. В результате этой близости появляются два прекрасных портрета писателя. Известно также, что прообразом художника Михайлова, выведенного Л. Толстым в «Анне Карениной», послужил Крамской.

Воспроизводимый нами автопортрет Крамского относится к 1874 году.

В последние годы жизни, уже пораженный тяжелым недугом, художник пишет одно из лучших своих произведений — «Неизвестную» (1883 год). С исключительной тонкостью и мастерством нарисован образ молодой красивой женщины. В мягком зимнем тумане вдали рисуются очертания Аничкова дворца.

К. К. Костанди. В ГОРОД НА ЗАРАБОТКИ (90-е годы XIX века). Государственный музей украинского искусства. Киев.

Н. П. Богданов-Бельский. ДЕТИ НА УРОКЕ. Куйбышевский городской художественный музей.

На наших вкладках

Русская деревня, крестьянские дети и особенно сельская школа, ее ученики и учителя, повседневный школьный быт, любовно и тонко подмеченные,— излюбленная тема картин Н. Богданова-Бельского. Судьба художника сложилась так, что сельской школе сам он обязан был своим образованием, развитием художественных способностей, всей последующей дорогой живописца.

Сын смоленского крестьянина, Н. Богданов-Бельский десятилетним мальчиком привлек внимание замечательного педагога С. А. Рачинского. Рачинский взял его в свою образцовую народную школу села Татева, позже определил в иконописную мастерскую. Оттуда в 1884 году будущий художник перешел в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Но и став известным и общепризнанным мастером, Богданов-Бельский сохраняет тесную связь с горячо любимым учителем и с родным селом. Свою рабочую мастерскую он строит рядом со школой. Картины художника, особенно периода 90-х годов прошлого века — времени наивысшего его творческого расцвета,— посвящены детям-школьникам. Эти его работы подкупают искренностью и непосредственностью передачи мира детских чувств и переживаний, жизненностью изображаемых сцен и событий. «Дети на уроке» — одна из характерных работ мастера-передвижника.

* * *

Вагон третьего класса. В уголке у окна горько задумалась молоденькая крестьянская девушка. Тут же на лавке тряпичный из лоскутков мешок — все ее нехитрое богатство, которое она собрала, уезжая из родных мест в поисках работы. Живо, с большой теплотой рисует художник К. Костанди образ девушки, убедительно передает ее подавленность, переживаемую разлуку с родным домом, одиночество, как бы подчеркиваемые неприютной обстановкой грязного и тесного вагона.

К. Костанди — один из украинских художников, на творчестве которых особенно сильно сказалось влияние передвижничества. В истории украинского искусства рубежа XIX—XX веков ему принадлежит особое место. Воспитанник Петербургской академии художеств, он сразу по ее окончании возвращается на родину и становится преподавателем Одесского художественного училища. Тонкий пейзажист, К. Костанди много работает и над жанровой картиной, над изображением сцен из народной жизни, к числу которых и относится публикуемая картина «На заработки».

ИСПАНИЯ, КАК ОНА ЕСТЬ

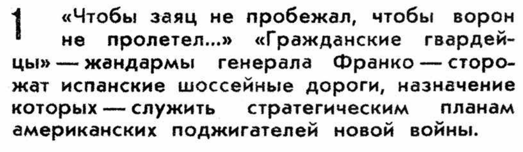

«Примерным членом» агрессивного Атлантического блока называют франкистскую Испанию наемные писаки Уолл-стрита. Фашистский режим Франко усердно «зарабатывает» благоволение своих заокеанских хозяев. В стране царит разнузданный полицейский террор, экономика Испании отдана во власть американских бизнесменов, народ голодает, молодежи грозит судьба пушечного мяса в руках американской военщины.

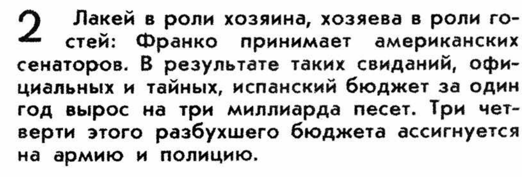
Но есть настоящая Испания, Испания честных трудовых людей. Эта Испания борется. Печален удел миллионов простых испанцев под игом фашизма. Но ничто не может сломить мужества испанского народа в его борьбе за хлеб и свободу, за независимость и мир.

1 «Чтобы заяц не пробежал, чтобы ворон не пролетел...» «Гражданские гвардейцы» — жандармы генерала Франко — сторожат испанские шоссейные дороги, назначение которых — служить стратегическим планам американских поджигателей новой войны.

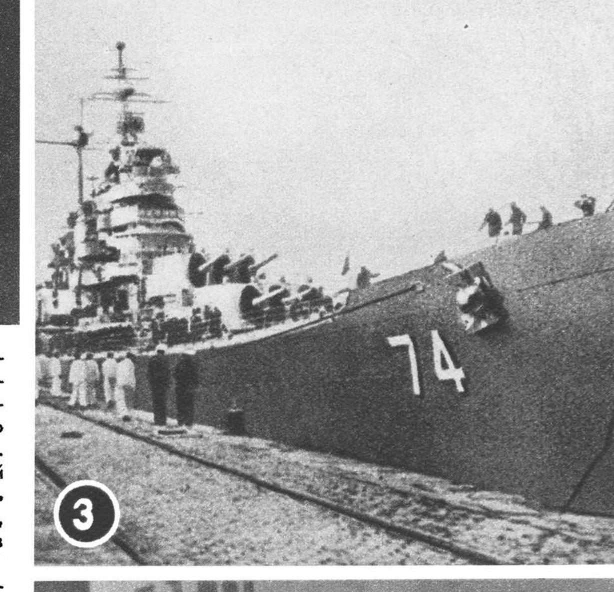
2 Лакей в роли хозяина, хозяева в роли гостей: Франко принимает американских сенаторов. В результате таких свиданий, официальных и тайных, испанский бюджет за один год вырос на три миллиарда песет. Три четверти этого разбухшего бюджета ассигнуется на армию и полицию.

3 «Визит вежливости» американского военного судна в Испанию. «Вежливые» гости пришвартовались прямо к пирсу испанского порта. Прибыла новая партия «военных советников», инструкторов для обучения франкистской армии.

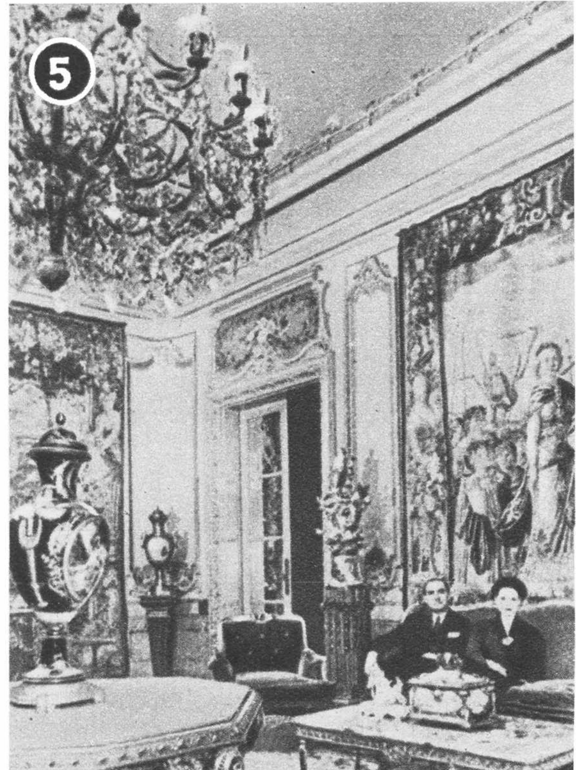
4 Архиепископ толедский Пля-и-Даниэль — глава испанской католической церкви, один из богатейших людей в стране и один из крупнейших спекулянтов; он основал общество дешевых квартир, собрал у бездомных деньги, положил в карман, а домов не построил.

5 «Кому в Испании жить хорошо». Представитель одной из 46 семей, получающих в год больше миллиона песет доходу, владелец 39 текстильных фабрик Хулио Муньос с супругой в своем «благоприобретенном» барселонском дворце, где роскошь соперничает с безвкусицей.

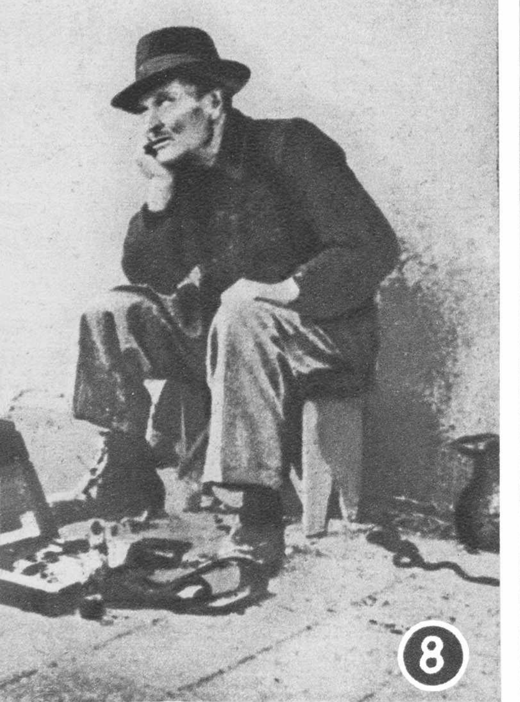
6 А так живут миллионы испанцев. Вокруг каждого города лежит широкое кольцо лачуг, землянок, пещер, которое сами франкисты называют «терновым венцом» Испании. Здесь вы видите «терновый венец» Барселоны.

7 Испанские дети, отцов и матерей которых Франко гноит в тюрьмах и обирают Пля-и-Даниэль и Хулио Муньос. В стране 10% младенцев умирают, едва родившись, а три четверти детей, посещающих начальные школы, больны туберкулезом. Беспризорная, голодная детвора просит подаяния на улицах городов Испании.

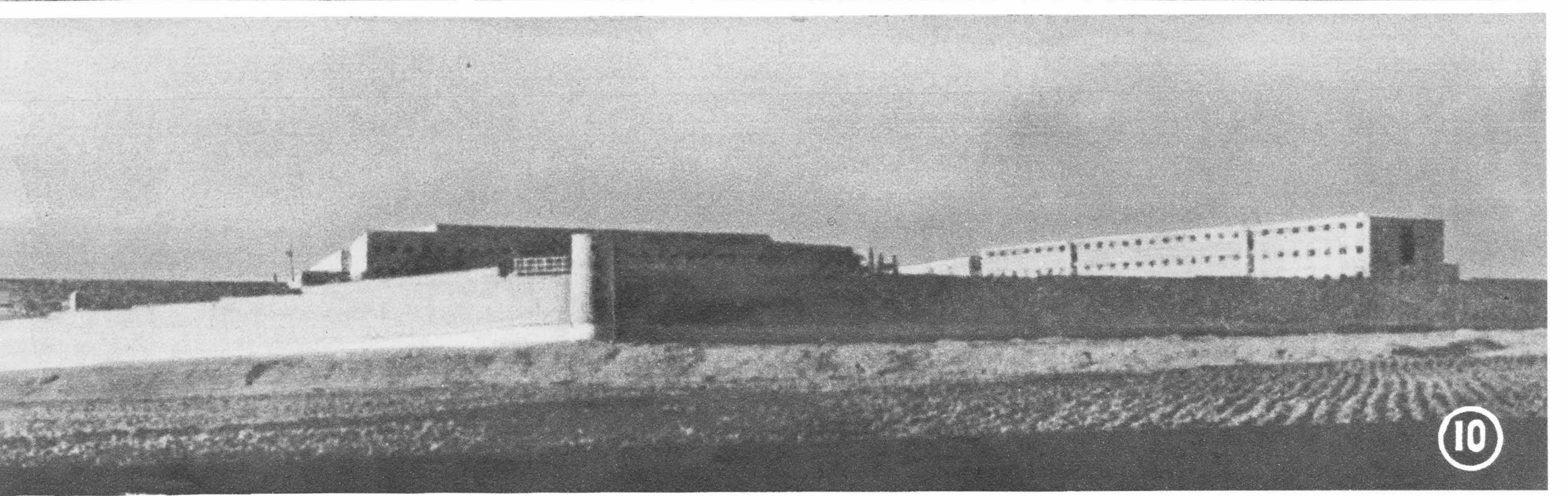

8 «Все мое ношу с собою и продаю»,— может сказать этот безработный, некогда человек умственного труда. Но никому не нужны остатки его имущества, уместившиеся в маленькой коробке.

9
Мы взяли осла у соседа
И пашем среди камней,
Не знаю, кому труднее:
Ослу, жене или мне...

Этой песне сотни лет. «Техника», которую применяют испанские крестьяне, того же возраста.

10 Во время гражданской войны по Карабанчелю, рабочему предместью Мадрида, проходила линия фронта. Фашисты не оставили здесь ни одного целого дома. Теперь на месте развалин построена новая, «современная» тюрьма. Тюрьмы, казармы, американские аэродромы и военно-морские базы — этим исчерпывается все «строительство» в стране, где полмиллиона семей не имеет крова над головой.

11 «Но ведь официально Испания — республика?» — спрашивает иностранный турист. «Да, сеньор,— отвечает старый крестьянин.— Только республика сидит за решеткой». Вот двор мадридской тюрьмы «Эскуэла». За ее решетками те, кто боролся за республику и хлеб, кто требовал мира и писал на стенах: «Американцы, убирайтесь домой!»

12 Эти женщины осуждены за «сообщничество» с партизанами. У самых стен дворцов и тюрем, в «терновых венцах» городов, в портах и шахтерских поселках, на заводах и в полях борется и растет армия сопротивления, армия патриотов и сторонников мира — живая надежда испанского народа. Ее не расстрелять и не сгноить в тюрьме.

БЛОХА

Рассказ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки Л. Бродаты

Жил-был король когда-то,
При нем блоха жила...
Милей родного брата
Она ему была...

Обычно он возвращался домой из Кэмпа на машине. Двухчасовая поездка очень освежала его: дорога весело петляла среди холмов и перелесков, пока не впадала в широкую асфальтовую реку шоссе, ведущего к Балтиморе. Нет, право, это успокаивало нервы, а при его работе, видит бог, это совсем не мешает.

Сегодня он собрался раньше обычного: был конец недели, и Доррис с ребятами, наверно, уже ждала его. Но тут случилась неприятность: закапризничала машина. Капитан Вулли, начальник гаража, мямлил что-то насчет карбюратора, потом сказал:

— Хорошо, мы наладим ее за воскресенье, сэр.

Хотелось ругаться, но почтительный тон капитана льстил ему, и он успокоился. Отношение военных к ученым, работавшим в Кэмпе, менялось на глазах: эти господа в мундирах, несмотря на свою толстокожесть, постепенно усваивают, что наука чего-нибудь да стоит. Его самого они сначала называли просто «док» [1], потом он стал «профессор», потом «профессор Эллингтон» и, наконец, «сэр» — обращение, применяемое в разговорах с высшим военным начальством. Пора, пора уже им понять, что вся их новейшая война, как они ее называют, — ничто без науки!

Он отдал машину на попечение капитана Вулли и поехал поездом. Поезд Пенсильванской железной дороги бежал, гремя и раскачиваясь, по расхлябанной колее: железнодорожные компании никогда не ремонтируют пути, пока не случится крушение с десятком убитых и раненых. Он взял билет в пульмановский вагон: все-таки удобнее и можно успеть прочитать кое-что. В портфеле у него лежало длинное письмо мистера Мото о Б-327. У них это неплохо получается, у военных, с сокращенными обозначениями: Лт — лейтенант, Бн — батальон, Б — служба бактериологической войны. Сжато и точно. Как непохоже это на бесконечно длинные латинские и греческие термины там, в лабаратории!..

Он достал письмо мистера Мото, удобно протянул ноги и принялся читать. Да, но эти два флотских офицера, сидящие по ту сторону прохода, кажется, уже здорово хлебнули, и теперь негр в белой куртке подает им двойную порцию «скатча». Значит, нечего ожидать, чтобы они стали тише спорить о какой-то Виоле. Один, кажется, утверждает, что Виола способна любить самозабвенно, а другой говорит, что она не более как шлюха и вытянет деньги у кого угодно.

Он заставил себя сосредоточиться. Напряженно вчитываясь, он, в конце концов, уловил нить сложных рассуждений автора письма. Мистер Мото писал об опыте Б-327. Вся трудность заключается в том, что бактерия никак не выживает в теле блохи, зато чувствует себя превосходно в организме теплокровного животного. Они уже много недель работали над этим опытом вместе, он и мистер Мото...

С мистером Мото приключилась смешная вещь. Его зовут совсем не Мото, у него одна из тех японских фамилий, которую не запомнишь, столько в ней слогов. Когда он приехал в Кэмп, о нем ходили вначале какие-то темные слухи. Но на поверку он оказался очень милым человеком, с мягкими манерами и интеллигентной речью. По-английски он говорит безупречно и хорошо знает дело. Разумеется, в нем нет ни капли сходства с мистером Мото, этим примелькавшимся персонажем азиатского злодея из нескольких голливудских картин. Какой-то солдат или лаборант назвал его однажды в разговоре мистером Мото, и кличка прижилась. Мистера Мото это, кажется, не трогает. Он вообще очень сдержан и редко выражает свое мнение. Вот когда разговор зайдет о русских — а это бывает в последнее время довольно часто, — у мистера Мото сразу находятся очень решительные суждения, и он говорит с такой запальчивостью, что даже начинает коверкать английский язык.

Все опыты были задуманы мистером Мото. Но всякому, кто хоть что-либо понимает в лабораторной работе, ясно, что один он не смог бы справиться. Полковник Юнг говорит: «Без профессора Эллингтона Б-327 навсегда осталось бы несбыточной мечтой». Полковник Юнг — романтик в душе, и это сказывается на его манере выражаться.

— Я тебе говорю, — втолковывал своему спутнику один из моряков, стуча стаканом по подносу и возвращая задумавшегося профессора к действительности. — Если тебе нужна эта девка Виола, действуй, и желаю успеха! Но будь я проклят, если буду нянчиться с тобой, когда у тебя останется шиш в кармане. Вот увидишь, ты наживешь себе цирроз печени с твоими постоянными увлечениями...

— Цинтия! — раздался звонкий женский голос. — Цинтия, скверная собачонка!

Профессор поднял глаза. В проходе стояла дама, она упиралась ногами в коврик, стараясь удержать на зеленом кожаном поводке рвущуюся вперед крохотную собачку.

Но у Цинтии были свои планы. Она забилась под кресло профессора, удобно уселась и заворчала.

— Собак нельзя вводить в вагон, мэм, — сказал официант.

— Цинтия! Цинтия! — позвал первый моряк, у которого, кажется, сразу выскочила из головы Виола: он во все глаза смотрел на даму.

— Вам следовало сдать собаку в багажный вагон, мэм, — повторил официант.

— Мне следовало? Всякий грязный негр будет еще указывать, что я должна делать с моей собакой.

— Очень сожалею, мэм, но мне придется позвать кондуктора.

Цинтия вылезла из-под кресла и стала прямо перед профессором, глядя на него с явным неодобрением. Это была маленькая сука с забавной черной каемкой вокруг левого глаза. Ее вертлявое тельце не переставало трепетать и двигаться. Дама, осторожно подкравшись, схватила Цинтию в охапку и крепко прижала к груди.

Первый офицер поднялся. Он качался, как в штормовую погоду, трепал Цинтию за уши, все время улыбаясь и подмигивая ее хозяйке. Явился кондуктор, перебранка возобновилась с новой силой. Первый моряк решительно стал на сторону дамы, второй, едва ворочая языком, доказывал, что все женщины — мерзавки и что их надо всех сдать в багажный вагон...

Профессор Эллингтон убрал бумаги в портфель, тщательно защелкнул замок. Поезд уже замедлял ход. Через окна вагона видны были окраины Балтиморы, торжественно проплывали кирпичные здания.

* * *

Профессор Джеймс Норвуд Эллингтон был хороший семьянин. Сын священника из Массачузетса, он воспитывался в духе Нагорной проповеди и прочих высоких моральных принципов. У него были, конечно, некоторые сомнения насчет непогрешимости этих предписаний, но не настолько сильные, чтобы заставить его свернуть с заранее установленного пути. Считалось бесспорным, что если он не станет священником, то посвятит себя академической деятельности. Столь же несомненным было, что он женится на девушке, которую полюбит, если она будет из приличной и достойной семьи. Жизнь лежит прямой дорогой перед такими молодыми людьми, — разумеется, если только не случится ничего неожиданного.

Ничего неожиданного не случилось. Отказавшись от карьеры служителя церкви, он избрал медицину и специализировался на бактериологии. Он показал себя способным человеком, и его пригласили преподавать в университет Джона Гопкинса в Балтиморе. Эллингтон был высокий, хорошо сложенный мужчина, с довольно приятной наружностью. У него были твердые взгляды, он хорошо справлялся с делом и к тому же был достаточно воспитан, чтобы не вступать в споры. Это помогало ему понемногу продвигаться по службе и получить звание ассистента.

С Доррис он познакомился еще в студенческие годы и сразу влюбился. Молодые люди аккуратно переписывались, каникулы проводили вместе. Было ясно, что они поженятся, как только он получит диплом. Теперь у них двое детей, Норвуд-младший и Элизабет, дом в пригороде Балтиморы, с садом и цветником, за которыми он любит сам ухаживать. Люди говорили об Эллингтонах, что это одна из самых счастливых американских семей.

Профессор Эллингтон был того же мнения, хотя временами его начинал раздражать неизменный, раз навсегда установленный распорядок жизни. Может быть, это и побудило его принять предложение, которое сделал ему однажды декан факультета. В осторожных словах ему было сказано, что военное ведомство нуждается в его услугах. Работа — особо важного значения, и университет не будет чинить препятствий.

Но работа в Кэмпе против ожидания не внесла в его существование ничего нового. Правда, на этой работе приходится ежедневно иметь дело с опасными микробами, но бактериологу к этому не привыкать, это ведь не хирург или зубной врач. Кроме того было строжайше запрещено посвящать посторонних в то, что делается в Кэмпе. Но Эллингтон и раньше не любил разговоров на темы своей научной специальности, тем более, что для непосвященных это была китайская грамота и ему приходилось пускаться в длинные и сложные объяснения. Теперь он получал много больше, чем в университете Джона Гопкинса. Военное министерство выправило ему страховой полис на 100 тысяч долларов и аккуратно платило установленные взносы. В Кэмпе он общался с целой кучей офицеров; это были люди не умнее и не глупее других. Воскресенье он проводил дома, и тогда все выглядело так, как будто он никуда и не ездил...

...Они сидели, как обычно, всей семьей за столом, профессор — на одном конце стола, Доррис — на другом, дети — по сторонам. Обед протекал в атмосфере обычной для их

[1] Сокращенное — «доктор».

семьи строгой благопристойности. Профессор нетороопливо пережевывал пищу, Доррис следила, чтобы всем хватило картофеля, салата и прочего. Разговор за столом не поощрялся.

— Что с тобой? — спросила вдруг Доррис, высоко подымая брови.

Профессор перестал тереть икру правой ноги о ножку стула и вопросительно посмотрел на Доррис.

— Что-нибудь мешает тебе? — продолжала допытываться жена.

Он растерянно молчал.

— Надо будет позвать столяра, пусть исправит ножки у стульев,— решила Доррис.

— Стул в порядке,— пробормотал он.

— Почему же ты ерзаешь?

Он нахмурился. Норвуд-младший весело скалил зубы, крошка Элизабет переводила глаза с «мэмми» на «дэдди», смутно чувствуя, что за столом происходит что-то необычное.

— Откровенно говоря, — сказал профессор, — у меня зачесалась нога.

— А ты бы почесал ее, пап! — воскликнул Норвуд-младший.— Я всегда так делаю. И мы не будем смотреть...

— Джеймс!

Когда Доррис что-либо сильно не нравилось, она звала его Джеймс, хотя в обычное время он был Норвуд.

— Доррис, дорогая,— сказал он, снова принимаясь тереть икру о стул.— Я думаю, человек вправе почесать ногу в собственном доме. Не стоит из этого делать государственную проблему.

— Я просила бы тебя...— Взглянув на детей, Доррис запнулась, рот ее сжался в узкую, острую черту.

Как на беду, ножки у стула были круглые. К тому же материя брюк смягчала трение тела о дерево. И поэтому вся операция не приносила никакого облегчения. Наконец Эллингтон решился: наклонившись, он засучил штанину и принялся скрести икру ногтями. Доррис это, конечно, не нравилось; с тем большим ожесточением он продолжал свое дело.

И вдруг рука его замерла. Кончиками указательного и среднего пальцев он нащупал легкую припухлость на коже. Маленький волдырь, не больше того, но кожа вокруг была как будто воспалена, значит, здесь и было место укуса.

Он перестал ощупывать ногу и сел, выпрямившись. У Доррис на лице была написана обида. Ему вдруг стало жаль ее. Это была Доррис, та самая, которую он когда-то прерывающимся от смущения голосом пригласил впервые на студенческую танцевальную вечеринку.

— Ну что, теперь все в порядке? — спросила она.

— Да,— сказал он и улыбнулся ей.

— Тогда скажи детям, что чесаться за обеденным столом неприлично.

— Мать права, — проговорил профессор хриплым голосом. — Мне не надо было этого делать, и вы тоже не поступайте так, дети.

Он тщательно разрезал мясо на тарелке. Но есть он не мог. С ножом и вилкой в руках он сидел, бессмысленно уставившись на разрезанное мясо.

— Да что с тобой? — спросила нервно Доррис.

— Мне не хочется есть.

— Я говорила тебе, не надо слишком наедаться за завтраком, когда дома ждет обед. Все так дорого теперь, а ты...

Он не слышал ее слов, они доносились откуда-то издалека. Ноги у него стали как будто из ваты.

Он положил нож и вилку. Потом вдруг оттолкнул стул, пробормотал «Извини, пожалуйста», тяжело поднялся и вышел из комнаты.

— Куда ты? — спросила Доррис.

Все еще сердясь, но уже с проснувшимся беспокойством, она шла за ним по пятам. Он не отвечал.

По лестнице он поднимался медленно, с трудом, тяжело опираясь на перила, со ступеньки на ступеньку, как бы принуждая себя. На верхней площадке он остановился, чтобы отдышаться. Потом вошел в ванную комнату и запер за собой дверь, дважды повернув ключ.

Ванная комната была окрашена в темнозеленый цвет. Перед ванной лежал коврик, висела занавеска, поблескивал белым фарфором и алюминием умывальник. Зеленый цвет успокаивал. «Нелепость!» — подумал он. У человека может быть зуд на коже от миллиона причин, и, наконец, не впервые в жизни у него чешется нога. Дети скребут ногтями кожу, когда за ними нет надлежащего ухода. Даже на смертном одре человек будет чесаться, если сестра не сделала ему вовремя обтирания. В конце концов, что такое вся жизнь, как не длинная смена припадков зуда и их преодоления?

Усмехнувшись этой мысли, немного приободрившийся, он поставил ногу на табуретку и завернул штанину. Опухоль была на прежнем месте, краснота тоже, и посередине виднелось маленькое белое пятно. Он сжал опухоль пальцами, потом отпустил. На несколько секунд она сделалась белого цвета, потом кровь прихлынула вновь. В голове промелькнула мысль: он, профессор Эллингтон,— теплокровное животное. Профессор знал во всех подробностях, какой путь проделывает его кровь от этой опухоли — через вены, сердце, артерии, до мельчайших капилляров на кончиках пальцев. Это как вода течет по каналам и водопроводным трубам под улицами и площадями большого города. И можно ли так, сразу сказать, что несет в себе эта вода?..

Он пощупал пульс. Пульс был лихорадочный, щеки и голова горели. «От волнения или?..» — подумал он. От волнения пульс ускоряется, становится жарко и трудно дышать. Сколько раз в жизни его бросало в жар, а ноги и руки становились холодными, как лед... Когда это бывало с ним? Ах да, почти перед каждым экзаменом в школе. И еще тогда, когда после свадьбы они остались с Доррис одни в отеле в Адирондэксе...

«Бедная Доррис! — подумал он вдруг.— Она прекрасная женщина, с ней все-таки очень хорошо...»

Он подошел к зеркалу, висевшему над умывальником, включил свет, потом открыл рот и высунул язык. Язык у него был мясистый, с красным кончиком, зубы, кроме нескольких запломбированных, в безупречном порядке.

На языке явственно проступал сероватый налет.

Это могло быть от желудка. Но что он съел? Ничего, насколько он мог вспомнить, что могло бы вызвать боль... Маленькой обезьянке там, в Кэмпе, не давали ничего, что могло бы испортить ее обезьяний желудок, у них строгий режим питания подопытных животных... Он вспомнил, как сам, в резиновых перчатках, вытянул у обезьянки пинцетом язык, а мистер Мото держал разжатыми ее челюсти. На языке у обезьянки был отчетливо виден сероватый, да, сероватый налет!

Когда мистер Мото отпустил ее, она отпрыгнула в самый дальний угол клетки, вся дрожа от негодования. Мистер Мото полез в карман и бросил обезьяне несколько леденцов.

— Выше голову, малышка, о тебе скоро будет говорить весь мир! — сказал мистер Мото. Потом прибавил с неожиданной теплотой в голосе: — Сейчас у тебя маленький жар и лихорадка, завтра начнутся боли в животе, груди, в затылке, голова будет разрываться на части. Потом один за другим станут выходить из строя все органы, только нервная система будет еще передавать каждый приступ боли. А послезавтра...

Профессор Эллингтон почти физически увидел сейчас, как мистер Мото улыбнулся и пошел прочь от клетки. И он отчетливо слышал голос своего коллеги: «Теперь надо очень остерегаться нашего маленького пациента, профессор Эллингтон. Теперь обезьянка начинена инфекцией. Упаси боже, если она царапнет, или укусит вас, или плюнет в лицо. И потом, эти животные не погибают без драки. За того, кто прикоснется к ней теперь, я не дам и деревянного цента...»

Мистер Мото рассмеялся. Он бывал рад употребить ходячее американское словцо в своей речи. Потом он покачал головой и сказал:

— Если бы поставить опыт на человеке, вся эта история затянулась бы, видимо, на день или два больше...

«Ну что ж,— подумал профессор Эллингтон,— кажется, мистеру Мото выпал случай поставить такой опыт».

⁂

Он не поцеловал на прощание ни Доррис, ни детей. И было мучительно трудно глядеть в сторону, когда Доррис, как всегда, поднялась на цыпочки и протянула ему губы. Он смотрел мимо нее, но не мог не увидеть ее расширенных от скорбного удивления глаз.

— Ты все еще сердишься на меня? — спросила она, когда он был уже у выходной двери.

— Нет. О, нет! — с усилием произнес он.— Просто я спешу, боюсь опоздать на поезд.

И он выбежал на улицу.

Он сказал ей, что забыл в Кэмпе на столе нечто важное, очень важное, он должен немедленно ехать туда, без него никто не сможет управиться. Если все будет удачно, он еще успеет вернуться домой к полуночи. Если же нет, придется остаться ночевать в Кэмпе. Ей нечего, совсем нечего беспокоиться!

Он взял такси на Пенсильванский вокзал. Икра продолжала чесаться, он раздирал ее с

остервенением. Пускай шофер, который глядит на него с удивлением через смотровое зеркальце, думает, что ему угодно. Ему теперь наплевать, что думают люди. Может быть, он поспеет еще к поезду 5.30 на Кэмп, хотя и это все равно. Он знал, что едет только для того, чтобы двигаться, быть там, в Кэмпе. Он перероет все лаборатории. В Кэмпе есть сотни противоэпидемических средств: от бубонной чумы, холеры, тифа, желтой лихорадки — от всех возможных болезней, которые вызываются микробами. Он поговорит с мистером Мото. Да, он поговорит с этим вежливым и сдержанным японцем. Но, боже правый, он знает, что ему скажет мистер Мото! Осторожно, подбирая слова, мистер Мото повторит то, что уже говорил ему, когда они вместе начали работать над Б-327. «Красота этого опыта,— сказал тогда японец,— подлинная красота его — в том, что против этой инфекции нет никакого противоядия; во всяком случае, человечество еще долго, очень долго будет искать защиты от этой инфекции...»

Вылезая из машины, он почувствовал страшную слабость. Это затаенное в себе, невысказанное прощание с Доррис и детьми отняло у него последние силы. Или, может быть, уже меняется химический состав его крови? Он купил билет в Кэмп. До поезда оставалось одиннадцать минут. Он вошел в станционный бар и заказал порцию брэнди.

От брэнди боль в животе утихомирилась. Он усмехнулся. Если бы обезьянке дать водки, она, может быть, не мучилась бы так. Его всегда удивляла жестокость, с которой мистер Мото проделывал свои опыты. Чем провинилась эта жалкая, маленькая обезьянка, что ей пришлось так страшно мучиться и погибнуть в мучениях? Он вспомнил, что ему захотелось вмешаться, впрыснуть какое-нибудь болеутоляющее средство в это бьющееся в судорогах, скорченное тельце. Мистер Мото посмотрел на него с удивлением: «Я не знал, что вы так сентиментальны. Так нельзя. Разве не важно зафиксировать все данные о Б-327, вплоть до заключительного действия на самые тончайшие нервные волокна?»

Профессор Эллингтон не был сентиментален, он был человеком науки. Правда, с детских лет у него теплилась в душе какая-то жалость к живым существам, и это привело его к тому, что происходит с ним сейчас. Он помнит, как разожгла его юношеское воображение случайно прочтенная книжка о Пастере и других охотниках за микробами. Не будь этой книжки, он, возможно, и не избрал бы бактериологии, а был бы теперь хирургом или терапевтом. Как странно: пример жизни одного человека предопределяет целиком твою жизнь и даже... убивает тебя!

Боли снова усилились.

— Человек, еще брэнди! — крикнул он, стараясь перекричать громкоговоритель, висевший на стене бара.

Нет! Теперь он понимает, в чем дело. Он не следовал примеру Пастера в своей жизни. Пастер охотился за микробами и убивал их. А он... он выводил и воспитывал их, чтобы они могли убивать. И теперь они убивают его, Джеймса Норвуда Эллингтона.

Они убивают его, как убили ту маленькую обезьянку. Он и обезьянка — оба не повинны ни в чем. Можно ли ставить в вину человеку, что он всю жизнь ходил с завязанными глазами? Ведь декан факультета, предлагая ему работу в Кэмпе, не сказал ни слова, что́ именно ему предстоит там делать. Он не сказал ему: «Мистер Эллингтон, вам представляется хорошая возможность убивать маленьких обезьянок и...— новая ужасная мысль обрушилась на сознание профессора, как оторвавшаяся скала на горную дорогу,— и убивать потом маленьких корейцев и китайцев... и еще бог знает каких там людей»...

Нет, декан не сказал ему всего этого. Он говорил только о выгодах этой должности, о высокой оплате, о прекрасных условиях для исследовательской работы. Потом, почувствовав, что его подчиненный колеблется, он добавил: «Разумеется, я не принуждаю вас; но вы знаете, каково положение в университете — если вы останетесь здесь, вам придется просидеть в ассистентах до седых волос...» А что прикажете делать человеку, если у него семья, дом, распорядок жизни, который надо как-то поддерживать?

Часы на стене бара показывали тридцать две минуты шестого. Охваченный внезапным испугом, он крикнул:

— Бармэн! Эти часы верны?

— Минута в минуту, сэр. Как и все часы на станции. Железнодорожное время.

Он пропустил поезд на Кэмп! Теперь не будет другого до полуночи. Безразличие овладело им. «Все равно: они ничем ему не помогут там, в Кэмпе. Они просто посадят его в изолятор и будут наблюдать, как он умирает — точно так, как он сам наблюдал смерть маленькой обезьянки, он и мистер Мото. Как досадно, что он не может увидеть сейчас мистера Мото, тот еще, наверно, сидит в лаборатории... А ведь я мог бы дать ему полную возможность провести научное наблюдение за действием Б-327 на человека. Я готов даже...— профессор ощутил приступ слепой ярости,— я готов передать функции подопытного животного самому мистеру Мото... Это несложно: расцарапать ему щеку, плюнуть в лицо». Вариант с укусом профессор отбросил: он никак не мог представить себя кусающим мистера Мото...

Профессор долго сидел неподвижно. Вдруг он начал смеяться, сначала тихо, затем громче и наконец захохотал хриплым басом на весь бар — официант глядел на него с диким изумлением. Вот он, парадокс середины двадцатого века! Он, профессор Джеймс Норвуд Эллингтон, стал теперь «секретным оружием», бактериологической бомбой, которая сама может себя взорвать. Он, профессор Эллингтон, обреченный на мучительную смерть, может, если захочет, отомстить. Отомстить тем, кто виновен в его смерти.

Громкоговоритель сообщил о приходе поезда 5.45 на Вашингтон. В Вашингтоне — полковник Юнг, романтик в душе. В Вашингтоне прячется в своем кабинете в Пентагоне полковник Юнг, убийца; а в другом кабинете сидит генерал Ван-Девантер, главнокомандующий над всеми блохами, вшами, пауками, клопами и над всеми бактериологами.

Профессор Эллингтон возбужденно потер руки. Мысль о страшном могуществе, которым он теперь наделен, захватила его целиком. Даже боль почти совсем исчезла, только икра чесалась попрежнему.

Он расплатился и поспешно вышел.

☆ ☆ ☆

Пройти в здание Пентагона для него не составило трудностей. Его документы, особенно завернутый в целофан пропуск, подписанный адъютантом генерала, действовали, как волшебный амулет. Но он потратил полчаса на то, чтобы по бесчисленным коридорам огромного пятиугольного здания военного министерства добраться до двери, на которой висела дощечка: «Полковник С. Ф. Юнг, управление химической войны».

Похожий на поросенка, розовощекий, с фарфоровыми голубыми глазами лейтенант выразил самое искреннее сожаление: полковник уехал час тому назад. Нет, он не может сказать, куда именно — завтра воскресенье, сами понимаете.

Боль в груди снова усилилась, отдалась в спине. Может быть, мистер Мото ошибся? Может быть, бактерия действует на человека с той же быстротой, что и на обезьяну?

— У меня очень срочное дело, лейтенант,— сказал он, стискивая зубы, стараясь владеть собой.— Не будете ли вы любезны проводить меня к генералу?

Кабинет генерала Ван-Девантера был на замке. Лейтенант знал, что замки в Пентагоне прочные, но он видел, что профессор приехал по крайне важному делу. Поэтому он повернул дверную ручку и даже потряс дверь.

Из-за угла появился вахтер.

— Где генерал? — спросил лейтенант.— Профессору Эллингтону надо его видеть. Крайне важно!

— Очень сожалею,— проворчал вахтер.— Генерал утром улетел в Токио. Разве вы не знаете?

Лейтенант выпрямился.

— Я не спрашивал бы вас, если бы знал,— сказал он высоким тенором.

И, повернувшись к посетителю, добавил с видом большой озабоченности:

— Может быть, есть еще кто-нибудь, кто мог бы помочь вам?

На мгновение профессор Эллингтон задумался, но только на одно мгновение.

— Да, есть такой человек,— выговорил он тихо.— Президент.

— Может быть, вызвать вам машину, сэр? — поспешно предложил лейтенант.

— Нет. В этом нет необходимости. Благодарю вас.

☆ ☆ ☆

Он решил, пока есть силы, идти пешком. На чистом воздухе ему будет легче, и времени у него еще много. Маленький человечек — тот, который отдает приказы главнокомандующему всеми блохами, вшами, клопами и бактериологами,— едва ли вздумает ночью отлучиться из Белого дома. А завтра воскресенье. По воскресеньям провинциальные зеваки обычно собираются у Белого дома. Маленький человечек любит показывать себя... Мне придется замешаться в толпу и ждать удобного случая.

Была чудесная ночь, теплая, звездная. Он долго шел по берегу Потомака, потом повернул в город. Шел он медленно, словно отсчитывая каждый шаг. Зуд в икре как будто утихал, но он чувствовал общую слабость и через каждые две—три минуты всю брюшную полость сводило судорогой, а затылок пронзала острая боль.

Два вопроса мучили его неотвязно, и он старался по привычке анализировать их систематически. Во-первых, надо выдержать, вытерпеть, пока он не взорвет бомбу,—себя самого. Во-вторых, надо же все-таки понять, как все это случилось? Что касается первого вопроса, тут ничего не придумаешь: надо сохранить

как можно дольше силы, надо управлять собой до конца, даже в агонии. Он не обезьяна. Он не немое животное, он человек! Что касается второго вопроса, он уже, кажется, нашел на него ответ. Блохи, носители Б-327, содержались в особом помещении, его называли «блошиный цирк». Они жили в стеклянных ящиках, там они ползали, прыгали, там же питались. Поскольку насекомым нужен был доступ воздуха, он и мистер Мото распорядились прорезать небольшие отверстия в крышках стеклянных ящиков. Отверстия были прикрыты проволочными сеточками, достаточно плотными, чтобы блоха не могла пролезть наружу. Ну, а если в сетке оказалась случайно дыра? Достаточно было одной проволочке отклониться в сторону. Следил ли кто-нибудь за этим? Если даже следили, могли ли заметить сразу такую микроскопическую неисправность? А если бы даже заметили? Где ни работает человек, инстинкт самосохранения всегда заставляет его избегать опасности, фатальный, человеческий страх за себя...

Утром профессор заходил в «блошиный цирк». Он несколько минут постоял там, наблюдая за копошащимся черным клубком смерти.

Вот когда это могло случиться! Он с трудом поднял пылающую, сжатую, как тисками, голову. Облака на небе рассеялись, звезд было великое множество, их было больше, чем блох в той проклятой комнате.

Он тяжело оперся на перила моста, и пот выступил у него на лбу. Жестокие судороги — агония? — комкали его внутренности.

* * *

Он взял номер в отеле «Стэйтлер», чего никогда не позволил бы себе раньше. Теперь экономить деньги было не к чему. О Доррис и детях позаботится страховая компания. Да, в этой стране тебе могут заплатить и за то, что ты убиваешь, и за то, что тебя убивают. Доллар покупает и оплачивает все.

Доллары текли рекой и разливались ручейками в отеле «Стэйтлер». Холл, бары, дансинги — всюду теснилась толпа. Солидные, упитанные мужчины, одетые с иголочки, с лицами цвета сырого мяса. Женщины в дорогих туалетах, умопомрачительных прическах, увешанные драгоценностями от шеи до подола платья. Как ненавидел он их в эти минуты! Его ненависть была как яд, который он носил теперь в своем теле. Может быть, все их богатство и блеск — от тех самых блох, от которых другим приходится умирать. Они из всего делают золото: из блох, из атома, из танков, самолетов, пушек. И они умеют делать золото, надо отдать им должное...

Ему представилось вдруг, как он, профессор Эллингтон, пробирается через эту блестящую толпу, выискивает самого жирного и багроволицего, говорит ему «Простите, сэр», тот оборачивается, и он плюет ему прямо в лицо. Нет, надо подавить в себе это неистовое желание. Сколько раз можно успеть плюнуть? Раз или два — потом сбегутся дежурящие в отеле сыщики. Он не имеет права тратить свою бомбу на первого встречного...

Он поднялся в свою комнату, разделся и лег. Сна не было и не могло быть. Нога снова начала зудеть, опять пришли боли, а в голове роились планы, планы на завтрашний день, последний воскресный день его жизни. Он часто проходил мимо Белого дома, однажды даже был там на каком-то приеме. Полиция и секретные агенты едва ли заподозрят в чем-либо прилично одетого человека, с академической внешностью — у таких не бывает адской машины в кармане. Все дело в том, чтобы стать поближе и чтобы плевок попал в цель. Мне нечего терять: смерть уже сидит во мне, и это даст мне силы прорваться через любой кордон...

Около часу ночи он почувствовал такой сильный жар, что не мог больше лежать в кровати. Надо поглядеть в зеркало на язык. Налет стал гуще. Пульс был сто десять, сердце стучало, как молоток, взгляд горел диким огнем.

Остаток ночи он провел в кресле у окна. В комнате было душно, но ему не удалось открыть наглухо забитую раму. Через стекло было видно, как занимается заря. Наконец он задремал.

Проснулся он в начале одиннадцатого. Все тело болело так, словно по нему проехал грузовик. Температура, однако, упала. Рискнуть принять душ? Выйдя из ванной комнаты, он весь трясся от холода, боли начались снова, еще мучительнее, чем вчера. Он одевался, уже не сдерживая стонов.

Мальчик в лифте весело сказал «Доброе утро!» и тут же осекся: этот солидный джентльмен выглядел, как труп. Профессор заставил себя выпить чашку чаю в ресторане, но почти не дотронулся до еды. Потом он нанял машину и поехал к Белому дому.

У запертых ворот прогуливались трое или четверо полисменов. Широкий газон за железной решеткой сверкал молодой зеленью. Но занавеси на всех окнах были спущены. Он остановился на тротуаре и следил некоторое время за потоком зевак, который обтекал решетку. Наконец он медленно двинулся к воротам.

Вдруг начался приступ нестерпимой боли. Он схватился за железные прутья, пытаясь перевести дыхание.

— Что-нибудь не в порядке, старина? — спросил его полисмен. Это был высокий детина с красным лицом и заплывшими маленькими глазами.— Плохо чувствуете себя?

— Я чувствую себя хорошо.— Профессор с трудом оторвался от решетки.

Полисмен покачал головой:

— Выглядите совсем больным!

Помолчав, полисмен добавил:

— Бывают разные чудаки, ходят сюда, словно тут гроб господен. Шляются даже сегодня, когда тут ничего не увидишь, кроме пустого здания.

— Пустого здания? — переспросил профессор.

— Угу... Дома нет никого! Гарри уехал на яхте — погода в самый раз!..

— Вы не ошибаетесь? — спросил профессор, силясь сделать вид, что ему все равно.— А когда, в таком случае, он вернется?

Полисмен ухмыльнулся:

— Кто его знает! Если бы я был президентом, я всю неделю только и делал, что удил бы рыбу... На то он и президент.

Зеваки, полисмен, Белый дом — все завертелось в глазах у профессора. Он расставил пошире ноги, чтобы не свалиться на тротуар. Низкий бас ирландца в полицейском мундире продолжал гудеть у него в ушах: Гарри уехал, уехал на яхте, хорошая погода, погода — в самый раз для президента...

Профессор долго ходил по улицам. Он едва передвигал ноги, люди смотрели ему вслед. Он шагал без цели, не видя ничего перед собой. В голове гвоздем сидела одна мысль: найти, найти тех, кто виноват в его смерти, найти — и взорвать бомбу. Он бомба, он мститель, мертвый мститель. Стоит только нажать спусковой крючок, и... Все смешалось в его мозгу. Где теперь Гарри со своей яхтой? Еще бы! Он босс. Он командует даже главнокомандующим над всеми блохами, вшами и пауками... А может быть, есть кто-то еще повыше его, кто командует самим Гарри: вперед, назад, стоп! Кто он? Кто этот главный, настоящий убийца, приказавший убить маленькую обезьянку и всех людей, которые погибнут от Б-327, и его самого, Джеймса Норвуда Эллингтона?

Он остановился у какого-то магазина. И вдруг увидел человека, глядевшего на него в упор. Хотя толстое стекло витрины слегка искажало контуры фигуры и черты лица, человек был виден вполне отчетливо. Высокий, хорошо сложенный, с приятной внешностью американец, семьянин и владелец домика в предместье, вполне прилично одетый, ничего особо порочного в чертах лица и во взгляде. Этот человек имел полную возможность сказать «нет» декану факультета, он мог отказаться выполнять приказы полковника Юнга и не подчиниться генералу Ван-Девантеру; вместе с тысячами таких, как он, он мог бы поднять голос и спасти многих людей и... жизнь Джеймса Норвуда Эллингтона. Он ничего этого не сделал. Ему помешали несколько тысяч долларов и желание быстрее получить чин ординарного профессора. И вот он стоит, виновный, приговоренный, тоже убийца.

Профессор Эллингтон машинально взглянул на вывеску — это был магазин аптекарских товаров. Он поспешно вынул из бокового кармана блокнот с бланками для рецептов и заполнил верхний листок. Потом он толкнул дверь и вошел в магазин.

Прочтя рецепт, аптекарь нахмурился. Он медленно полез на верхнюю полку за конторкой и достал из ящика маленький пакет.

— Будьте осторожны с этим лекарством,— сказал аптекарь.— От него можно уснуть так, что не проснешься вовсе.

— Я знаю. Я врач, и это мой рецепт.

— Прекрасно, тогда, я думаю, все в порядке.

— Не можете ли вы сделать любезность, принести мне стакан воды? И, пожалуйста, похолоднее. Я просто не выношу, когда вода тепловата...

* * *

— Цинтия! — укоризненно говорила дама.— Как тебе не стыдно, непослушная ты, нехорошая собачка!

Цинтия сидела на столе в кабинете ветеринарного врача и чесала лапкой за ухом.

— Вы уверены, доктор? — допытывалась дама.— Она действительно ничем не больна?

— Совершенно уверен,— ответил ветеринар. Дама нервно заерзала в кресле.

— И у нее — ничего, кроме этих, этих...

— Блох,— подсказал спокойно врач.— Они часто заводятся на собаках. Такова уж их природа. Я дам вам коробку порошка.

— Это просто ужасно! — воскликнула дама, незаметно почесывая икру.

— Не стоит так волноваться, сударыня. Эти насекомые редко переселяются с собаки на человека. Разве что прыгнут, чтобы куснуть разок. Во всяком случае, порошка в коробке хватит и на Цинтию и на вас.

Он снял собачонку со стола и, пряча улыбку, посадил ее на пол.

— С вас десять долларов, сударыня,— сказал он.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

Первая и единственная

Фото Е. Умнова и Г. Борисова

Знаменитый цирковой клоун Виталий Лазаренко не раз рассказывал молодым артистам о годах своего ученичества. Виталию было восемь лет, когда он был принят в цирк предпринимателя Котликова, и с тех пор жизнь его стала невыносимой. Рано утром он вместе с хозяином шел на базар за продуктами для всей труппы. Он же кормил лошадей, заправлял керосиновые лампы-молнии, чинил брезентовое шапито, разгребал опилки на манеже, подготовляя его к представлению, чистил картошку и помогал стряпухе. А с двенадцати часов маленький артист уже стоял на балконе балагана, зазывая «почтенную публику». На всю жизнь запомнил Лазаренко полутемный манеж и фигуру хозяина с длинным кнутом, которым обычно управляют лошадьми. Кнут доставал маленького артиста всюду, едва он, обессилев, прекращал упражнения. И такая жизнь была не исключением, а правилом для старого цирка.

Жонглеры Л. Аникеева и В. Волкова.

Молодые советские артисты учились иначе. Двадцать пять лет существует у нас единственная в мире цирковая школа, созданная в годы советской власти. Около тысячи артистов прошли подготовку в этом необычном в истории цирка учебном заведении.

Мы на манеже училища. В разных концах его идут занятия: тут учатся делать сальто-мортале — переворачиваться в воздухе; рядом молодые жонглеры подбрасывают мячи, кольца, палочки; справа идут занятия на проволоке, а в углу подтягиваются на трапеции будущие гимнасты. В утренние часы занимаются первокурсники, позже выйдут студенты старшего курса, готовящие номера к выпуску. И тогда нельзя будет не поразиться сложностью акробатических прыжков, смелостью перелетов с турника на турник, обилию предметов, перебрасываемых жонглерами.

В училище все время экспериментируют, изобретают новые, еще невиданные в цирках номера. Так, сделали номер гимнастов с ренскими колесами — Вербицкие, жонглеров на мачтах — Акифьевы. Эксцентрики-акробаты Эчеверия используют в качестве трамплина кресло-качалку. Репетируется оригинальный номер, соединяющий воздушную гимнастику с партерной акробатикой — Османовой, Федюнькиной и Матвеева. Другая группа будущих артистов — Бондарева, Могучева и Мартыненко — стремится сочетать жонглирование с акробатикой, готовит сложные вольные упражнения с шарами.

Главное, что определяет характер всех этих работ,— поиски нового направления в цирке. Буржуазный цирк воспитывал у зрителей пренебрежение к человеческой жизни, нарочито играя на нервах, подчеркивая опасность трюка. Советские цирковые артисты воспитывают у зрителей уважение к ловкости, смелости и си-

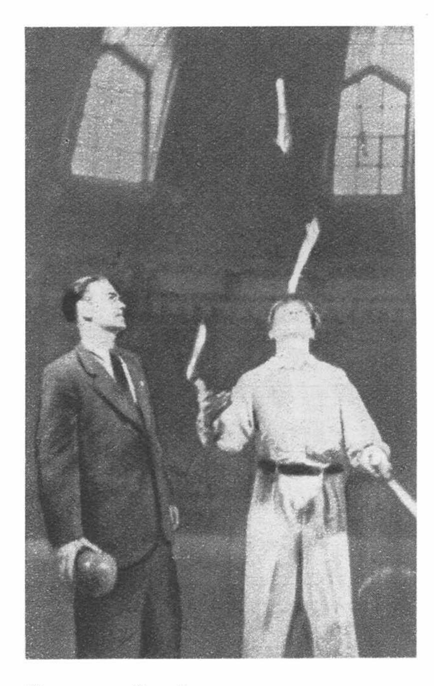
Под куполом цирка. Выпускники училища, воздушные гимнасты. Группа заслуженного артиста РСФСР Ю. Рябинина.

Упражнения с шарами З. Могучевой, Н. Бондаревой и А. Мартыненко.

В библиотеке циркового училища.

Педагог Н. Бауман и жонглер В. Воробьев.

Акробаты-эквилибристы Анфиса и Виктор Шашковы.

ле человека. И мастеров такого искусства готовит цирковое училище.

Рядом с будущими артистами их учителя: С. Морозов-Романов, В. Степанов, Н. Бауман, С. Сосина, И. Маликов, Г. Аркатов, Ю. Голубева-Польди, А. Аберт. Еще недавно их имена украшали афиши, теперь они передают свой опыт и знания, свою любовь к цирковому искусству молодому поколению.

Пока одни занимаются на манеже, другие сидят в классах. Будущие деятели цирка должны быть образованными людьми. Чем шире кругозор артиста, тем большего он добьется в своей творческой практике.

Ранние, мягкие сумерки спускаются над Москвой. Пустеют манеж и классы, но работа в училище не закончилась. Здесь готовят стенную газету, там проводится шахматный матч. В зале кто-то неугомонный еще и еще раз повторяет неудавшуюся ему стойку. В кабинете директора, старого циркового деятеля А. М. Волошина, собрались педагоги. В который уже раз у них возникает вопрос о будущем: многое еще надо сделать в училище. Давно пора открыть отделение клоунады и музыкальной эксцентрики (пока эти профессии нигде не готовятся), начать обучение будущих наездников.

О будущем школы и цирка говорят и спорят и студенты в общежитии. Они с гордостью повторяют имена корифеев цирка: знаменитых Анатолия и Владимира Дуровых, Виталия Лазаренко; обсуждают опыт мастеров советского цирка — Бориса Эдера, Ирины Бугримовой, Кио, Карандаша (Румянцева,— кстати, воспитанника училища), Кадыр-Гуляма и других.

Вечер. Вспыхивает электрическая реклама Московского цирка. Раздаются первые звуки оркестра, и на сцену выходят артисты. Номер сменяется номером. Большинство из выступающих — бывшие студенты циркового училища. Одетые в нарядные, выполненные по эскизам художников костюмы, приветствуемые тысячами зрителей, они еще совсем недавно, волнуясь, сдавали экзамены, с восторгом смотрели цирковые представления и мечтали, как сами выйдут на манеж.

И не только в Москве — во всех цирках страны питомцы училища занимают ведущие места. В этом беспрестанном пополнении рядов советских артистов заслуга училища циркового искусства.

Ю. ДМИТРИЕВ

Памяти ВАХТАНГОВА

1883—1922

Евгений Багратионович Вахтангов.

Фото И. Боханова

Евгений Багратионович Вахтангов прожил короткую жизнь в искусстве. Эта жизнь началась в марте 1911 года, когда Вахтангов по окончании театральной школы был принят в Художественный театр, а окончилась через 11 лет — в мае 1922 года, когда тяжелая болезнь свела 39-летнего Вахтангова в могилу.

Превосходный актер, выдающийся режиссер, Вахтангов был чутким и внимательным педагогом. Он любил и понимал молодежь, и немало крупнейших актеров октябрьского поколения во главе со Щукиным могли и могут гордиться тем, что они были учениками Вахтангова.

Вступив в театральную жизнь в самый канун всемирно-исторических событий, всего лишь за несколько лет до Великого Октября, прожив только первое революционное пятилетие, Вахтангов вошел в историю советской театральной культуры как художник, заглянувший в будущее.

В решающие Октябрьские дни 1917 года, когда и на улицах Петрограда и на улицах Москвы шли упорные бои за власть Советов, Вахтангов правильно понял смысл происходивших событий. Вот что говорил тогда Вахтангов: «Я уверен, я знаю, что рабочий, которому теперь принадлежит государство, который является **хозяином** в нем, сумеет починить все, что разрушено, и он будет не только «чинить», но и строить. Он будет строить теперь для себя».

Для Вахтангова, принявшего сердцем новую жизнь, народ стал основной и руководящей силой в искусстве.

Находясь в санатории после тяжелой болезни, в 1919 году Вахтангов заносил в тетрадь беглые мысли о народном театре: «Искусство не должно быть оторвано от народа». И далее: «То, что отложилось в народе,— непременно бессмертно. Вот сюда художник должен устремить глаза своей души».

Все эти мысли Вахтангов впоследствии соединил в особой статье, назвав ее «С художника спросится». И здесь он говорил:

«У человечества нет ни одного истинного великого произведения искусства, которое не было бы олицетворенным завершением творческих сил самого народа, ибо истинно великое всегда подслушано художником в душе народной».

Вахтангов был верным и самым убежденным учеником Станиславского еще в ту пору, когда имел счастье работать под непосредственным руководством своего учителя. И Станиславский платил своему ученику такой же любовью. Константин Сергеевич писал Вахтангову, даря свой портрет: «Вы первый плод **нашего** обновленного искусства». А Владимир Иванович Немирович-Данченко, с которым также много работал Евгений Багратионович, считал, что творчество Вахтангова является «украшением» имени Художественного театра. А. М. Горький после одного из спектаклей, созданных Вахтанговым, говорил о нем, как о гениальном режиссере.

Смерть застигла Вахтангова в разгар его творческих замыслов. И потому он не успел оставить ни каких-либо законченных книг, ни даже пощаженных временем постановок. Имя его высечено на фронтоне одного из лучших театров Москвы. И сейчас, через тридцать лет после его кончины, мы понимаем, как прозорлив был взор замечательного мастера и как многое из того, что расстилалось перед ним далью будущего, стало явью современного, советского, подлинно народного искусства. Художник широких прозрений, человек, чье сердце было наполнено любовью к народу, Вахтангов стоит перед нами как вечно молодой современник пришедших ему вслед поколений.

Н. ВОЛКОВ

А. В. Ванециан. Иллюстрация к повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Дуня и гусар Минский.

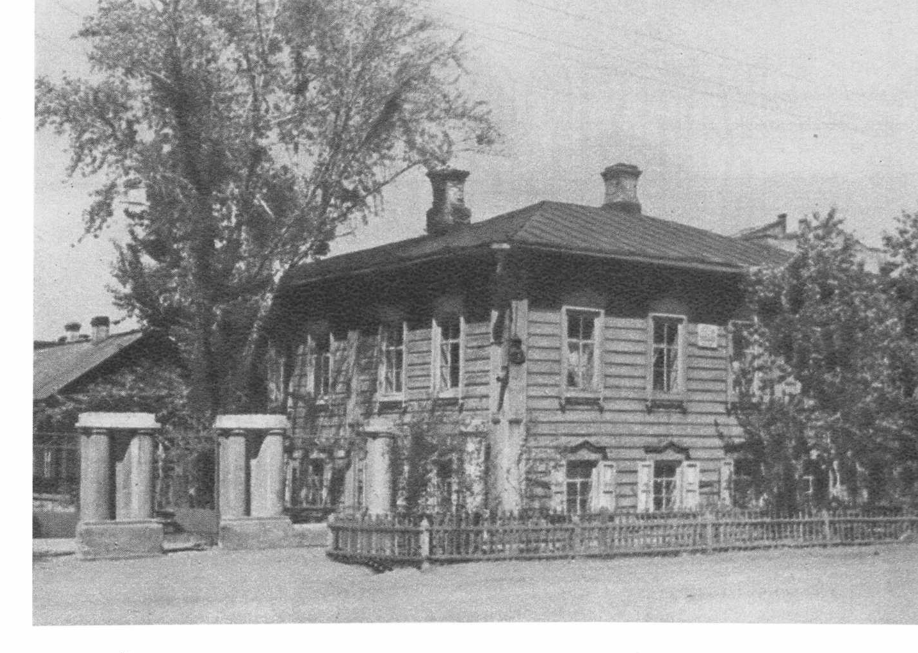
Третья выставка художников книги, Москва.

А. В. Ванециан. Иллюстрация к повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Дуня на могиле отца.

Третья выставка художников книги, Москва.

НА РОДИНЕ СУРИКОВА

Дом в Красноярске, где родился и жил В. И. Суриков.

Фото С. Малобицкого

Когда стоишь на высокой Часовенной (Караульной) горке и смотришь вниз, город, раскинувшийся на берегу Енисея, виден, как на ладони. Помолодели его старые улицы и здания.

Проезжая здесь в 1890 году на Сахалин, Антон Павлович Чехов писал: «На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Красноярск, который имеет исключительно богатое прошлое, особенно дорог сердцу советского человека тем, что здесь родился и провел юношеские годы великий русский живописец Василий Иванович Суриков.

Улица Ленина, дом 92. Невысокий — двухэтажный, — выкрашенный серой краской, с плотными, такого же цвета ставнями. На сером фасаде мраморная мемориальная доска:

«В этом доме родился великий русский художник Василий Иванович Суриков».

...Войдя во двор, мы поднимаемся по ступенькам на крытое крыльцо с двумя деревянными колонками. Комнаты в первом этаже низкие, даже невысокому человеку нетрудно дотянуться рукой до потолка. Печи старинной, крепкой кладки. Узкая лестница ведет на второй этаж; здесь была мастерская Василия Ивановича.

Посредине двора на высоком постаменте установлен бронзовый бюст В. И. Сурикова, изображенного с палитрой в руке.

Тщательно и любовно, по воспоминаниям старожилов, лично знавших великого художника, в доме восстановлена почти вся обстановка жилища Суриковых. В мастерской экспонированы копии многих картин. Среди документов — запись в метрической книге о рождении «12 января 1848 года Василия Сурикова», подорожная, по которой он ехал на летние каникулы из Петербурга в Красноярск в 1873 году, аттестат об успешном завершении Суриковым курса в Академии художеств и диплом на присвоение звания классного художника первой степени.

С детством и юностью великого живописца связано немало старых домов Красноярска. На улице Ленина белеет каменное одноэтажное здание с вывеской: «Начальная школа № 1 имени В. И. Сурикова». Здесь помещалось первое уездное училище, в котором учился будущий художник. Учитель рисования Н. В. Гребнев первым обратил внимание на необычайные способности мальчика к живописи. Это он уговорил местных меценатов отправить юного Сурикова в Академию художеств, субсидировать его поездку. Долгие старания старого учителя увенчались успехом. В 1868 году двадцатилетний Суриков покидает родной город и едет учиться в Петербург.

На всю жизнь сохранил Суриков любовь к суровой, снежной Сибири. Пейзаж ее, ее черты, силу духа ее людей мы можем увидеть и почувствовать и в картинах «Боярыня Морозова», «Взятие снежного городка», «Переход Суворова через Альпы».

Гордясь своими вольнолюбивыми предками, пришедшими сюда еще с дружинниками Ермака, возделавшими и преобразившими необжитые сибирские земли, художник любил повторять: «Красноярь — сердцем яры». Он мечтал написать картину о Красноярске, запечатлеть знаменитый Красноярский бунт. В последний свой приезд в Красноярск, в 1914 году, Суриков поделился этим замыслом со своим учеником, ныне здравствующим старейшим сибирским художником Д. И. Каратановым. Свидетельством такого замысла остались бережно хранимые в краевом музее этюды: «Вид на Енисей и Такмак у плашкоута», «Красноярск 1914 г.», «Дом Суриковых в Красноярске», «Вид на Базаиху», «Горный пейзаж».

Помимо этого в музее находятся две его первые картины: «Милосердие самаритянина» и «Вид памятника Петра Первого на Исаакиевской площади»; акварельные этюды к картинам «Взятие снежного городка», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири». Здесь также хранятся оригиналы принадлежащих кисти Сурикова портретов его матери Прасковьи Федоровны, брата Александра Ивановича, сестры Екатерины Ивановны.

Ежедневно суриковский зал полон посетителями. Часто можно услышать, как кто-нибудь, остановившись перед рисунком, изображающим Красноярск в 1914 году, удивленно спрашивает:

— Какая же это часть города? Никак не могу узнать!

Действительно, трудно узнать по этому этюду нынешний Красноярск. Глухой, сонный сибирский городок, каким он был при жизни Сурикова, где душная, однообразная жизнь нарушалась только праздничным разгулом, кулачными боями,— как непохож он на нынешний советский социалистический Красноярск!

Хорош и наряден культурный центр огромнейшего края, простершегося от снежных вершин Саянских гор до угрюмых волн Ледовитого океана. По вечерам к ярко освещенному подъезду краевого драматического театра то и дело подкатывают такси, новые комфортабельные автобусы. В городе работают лесотехнический, медицинский, сельскохозяйственный, педагогический институты, десятки школ и техникумов. Здесь же несколько благоустроенных кинотеатров, Дворец пионеров. В светлых аудиториях пятиэтажного здания краевой партийной школы можно увидеть хакасов, эвенков, саха, приехавших из самых отдаленных уголков края.

Красноярск не только центр одной из крупнейших житниц Сибири. Это и промышленный центр. Ни на одну минуту не замирает жизнь в красноярском речном порту.

Освещенный прожекторами, сверкает высокий шпиль, увенчанный пятиконечной звездой,— новое здание речного вокзала. Художественная лепка украшает стены и потолки здания. Мощные колонны поддерживают его своды снаружи. Гранитные ступени ведут к воде. Такой вокзал подстать городу, у которого прекрасное настоящее и еще более заманчивое будущее.

К дебаркадеру медленно причаливает мощный теплоход. Через несколько часов теплоход уйдет в очередной рейс на север. Как всегда, он повезет почту, полярников, возвращающихся с юга из отпусков, рыбаков-туруханцев, охотников эвенкийской тайги и таймырской тундры, добывающих драгоценные меха соболей и песцов.

Город растет, строится, ширится. Ему уже тесно здесь, сжатому с одной стороны Енисеем, а с другой — сопками. И вот он взбегает на горы, занимает правый берег реки.

Со ступенек речного вокзала хорошо видны огни заводов.

Красноярск — город Сурикова. Великому своему земляку краевые общественные и партийные организации решили воздвигнуть монументальный памятник. Он будет установлен в центре города, неузнаваемо преображенного волей большевистской партии и советского народа.

К. ЛИСОВСКИЙ

Красноярск.

Памятник В. И. Сурикову, воздвигнутый во дворе дома-музея его имени.

КОМСОМОЛЬСК НА-АМУРЕ

Фото М. Кузнецова

Холодный низовой ветер гнал пенящиеся волны. Казалось, могучий Амур недоволен тем, что дерзкая молодежь нарушила извечный покой его берегов.

А юноши и девушки, рано утром покинувшие палатки, с пилами и топорами подошли к стоявшей неприступной стеной тайге. Она начиналась сразу же за редкой цепочкой темных от времени и непогоды хат села Пермского.

Зашатался ствол первого кедра и, подминая под себя молодые березки, со стоном рухнул на землю. А там, ломая сучья, упало другое дерево, третье...

Тревожно прядая ушами, подальше от этих мест ушел лось. С криком поднялись над тайгой испуганные птицы. Только любопытные бурундуки бегали по свежей порубке в надежде чем-нибудь поживиться от неожиданных пришельцев.

Так двадцать лет назад началась борьба молодых строителей нового города с природой.

12 июня 1932 года комсомольцы заложили первый камень города сталинской эпохи — Комсомольска-на-Амуре. В нынешнем году комсомольчане отмечают двадцатилетие своего города — нового культурного центра Дальнего Востока.

Трудящиеся Комсомольска хранят и умножают традиции первых строителей, заботливо оберегают все, что помогает полнее изучить славное прошлое города. Несколько лет назад здесь открыт городской краеведческий музей, располагающий сейчас большим количеством документов и реликвий.

С волнением посетители музея рассматривают фотографии и документы, живо рассказывающие о боевых делах ленинско-сталинского комсомола в незабываемые годы первой сталинской пятилетки, когда тысячи молодых людей строили Комсомольск, Сталинградский тракторный завод, домны Магнитки и Кузнецка.

До мая 1932 года на месте, где сейчас раскинулся на десятки километров красавец-город со светлыми зданиями, парками, асфальтированными улицами, шумел вековой лес и, прижавшись к самому берегу могучего Амура, ютилось несколько убогих хат села Пермского. Вот пожелтевший от времени план «земельных угодий крестьян села Пермского, Нижне-Тамбовской волости». В 1858 году, в момент основания села, здесь было 60 жителей, а в 1932 году — 160. Медленно росло население затерянного в глуши села, которое окружали огромные пространства богатых, но невозделанных земель, где могло бы разместиться несколько европейских государств.

В мае 1932 года глубокий покой таежного села был нарушен. К берегу пристал пароход «Колумб» с первой партией комсомольцев-строителей.

На фотографиях в музее — первые, временного типа, здания техникума, больницы, столовой, клуба. Воспроизведен шалаш — первое жилище строителей.

Много мужества и упорства нужно было иметь, чтобы по колени в воде, сеткой укрывая лицо от гнуса, пилить вековые деревья, корчевать пни, прокладывать гати к строительным площадкам.

Но уже не прежние, дедовские методы применялись на закладке нового социалистического города. Родина прислала молодым строителям много машин. Мощные тракторы корчевали и вывозили лес. А вскоре к дальней сопке протянулись рельсы, и по ним пошел паровоз, таща за собою длинный состав, груженный камнем.

В июле над тайгой прозвучал гудок, оповещавший о начале рабочего дня. Был пущен первый завод, затем временная электростанция, водопровод. С необычайной быстротой расширялось строительство города, который все еще назывался селом.

На первой комсомольской конференции строители выразили желание назвать рождающийся город Комсомольском.

И в декабре пришло решение. На одном из стендов музея вывешен текст:

«Выписка из протокола № 65 заседания от 10 декабря 1932 года Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов.

Село Пермское. Здесь началось строительство города Комсомольска. Слева: прогулка по Амуру.

Слушали: Проект постановления Президиума ВЦИК «О преобразовании селения Пермского Нижне-Тамбовского района Дальне-Восточного края в город Комсомольск-на-Амуре».

Постановили: 1. Селение Пермское Нижне-Тамбовского района Дальне-Восточного края преобразовать в город, присвоив ему наименование Комсомольск-на-Амуре.

2. Город Комсомольск-на-Амуре выделить в самостоятельную административно - территориальную единицу с непосредственным подчинением Комсомольского городского Совета исполкому Дальне-Восточного края».

* * *

...Есть особая прелесть, юношеская свежесть во всем облике молодого города. Стройные ряды многоэтажных зданий, окрашенных в светлые тона, стремительные линии асфальтированных проспектов и улиц, ажурные ограды парков, белые фонари — во всем этом чувствуется любовь строителей к своему городу, желание сделать его достойным великой сталинской эпохи.

Неповторимую красоту городу придает окружающая его величественная дальневосточная природа. Куда ни глянешь, всюду видна непрерывная цепь сопок. Хребты дальних сопок кажутся лиловыми, а еще дальше, на западе, горы так высоки, что и летом не тает их снеговая шапка. С востока город огибает Амур, особенно широкий в этом месте,— раздолье для пловцов и любителей езды на шлюпках под парусом, для рыбаков.

Каждый, кто приезжает в Комсомольск, видит на любой улице, в любом районе города новостройки. Там каменщики укладывают кирпичи в стены нового здания, здесь дом, освобожденный вчера от лесов, сверкает на солнце белоснежной окраской фасада.

Строят в Комсомольске прочно, красиво, удобно. Большинство квартир в новых зданиях имеет ванные комнаты, горячую воду, центральное отопление.

В нынешнем году строители города юности возводят 4 школы — одна из них, на 880 учеников, уже сдается в эксплуатацию,— несколько детских садов и детских яслей. Составляется проект больничного городка. Будет достраиваться вторая очередь Дворца культуры, первая очередь которого окончена комсомольчанами еще в 1944 году.

* * *

Много замечательных людей трудится на лесах новостроек. Двадцать третий квартал строит комсомольско-молодежная бригада Николая Петровича Щеглова. В пятнадцатом квартале, состоящем из 29 жилых зданий и школы, построенных бригадой Щеглова, одна из улиц названа именем этой бригады.

Большинство строителей Комсомольска — молодежь, получившая профессии штукатуров, плотников, каменщиков здесь, в Комсомольске. Молодежь преобладает и в коллективах городских предприятий. Сейчас в Комсомольске, куда раньше привозили буквально все, до мелочи, выросла местная промышленность, снабжающая своей продукцией не только город, но и весь Хабаровский край.

В городе 45 школ, техникум, несколько кинотеатров, драматический театр, много клубов, 4 парка культуры и отдыха, десятки библиотек. Третий год работает музыкальная школа, недавно открыта детская художественная школа.

Многие из первых строителей города — сейчас уважаемые люди в Комсомольске. Бывший техник Иван Федорович Клепиков — секретарь городского комитета ВКП(б), землекоп Константин Николаевич Романов — заместитель председателя горисполкома. Любопытно, что первый ребенок, родившийся в Комсомольске, Валя Вакулова в прошлом году окончила с отличием десятый класс и сейчас продолжает учиться в институте.

Здесь, в Комсомольске, впервые поднялся на самолете Герой Советского Союза Алексей Маресьев. В Комсомольске начали свою деятельность писатели Василий Ажаев и Николай Задорнов. Многие лауреаты Сталинских премий — инженеры и техники — работали и работают в городе юности. Комсомольчане гордятся своими знатными земляками.

* * *

Советскую молодежь интересует история города юности, она учится на героическом примере первых строителей Комсомольска побеждать природу. Ежегодно в Комсомольск поступают сотни писем, в которых юноши и девушки изъявляют желание приехать в город.

Живая связь поддерживается и с молодежью стран народной демократии. Строители нового болгарского города, Димитровграда, пишут, что их вдохновляют дела советских молодых друзей, воздвигнувших в непроходимой тайге социалистический город.

«Мы также преодолеем все трудности и построим новый промышленный и культурный центр в нашей стране»,— сообщают из Польши молодые строители Новой Гуты. Делятся своими успехами юноши и девушки Китая, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германской Демократической Республики.

В начале нынешнего года молодежь города юности получила от учащейся молодежи Кореи, из провинции Южного Хамгена, замечательный подарок — знамя. На нем изображены русский и корейский юноши, выпускающие голубей. Надпись гласит: «От имени учащейся молодежи провинции Южного Хамгена Кореи дарим молодежи города Комсомольска. Да здравствует совместная борьба корейской и советской молодежи за мир!»

Этот дар — олицетворение неразрывной дружбы советской и корейской молодежи — комсомольчане бережно хранят в городском музее.

* * *

Все ярче разгораются огни города юности, озаряя некогда дикий и безлюдный, а ныне цветущий край нашей великой Родины.

Г. ХЛЕБНИКОВ

Директор музея В. Ткачев показывает экскурсантам знамя, присланное из Кореи.

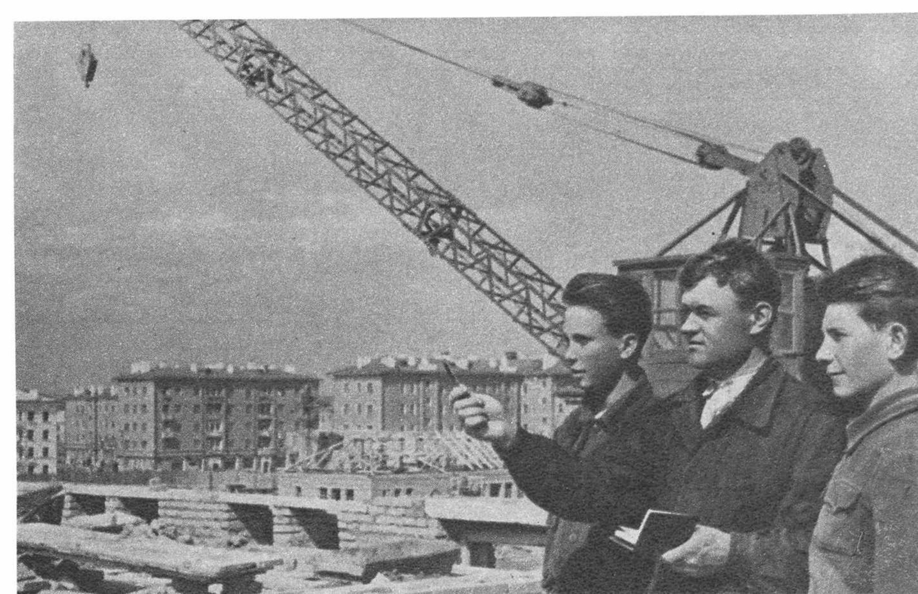

Проспект имени Ленина.

Вход в парк культуры и отдыха.

Н. П. Щеглов с юными каменщиками из своей молодежной бригады.

Книга о саранче

«Саранча! Саранча!»

На протяжении тысячелетий эти слова звучали, как сигнал тревоги, на языках народов Африки, Америки, Южной Азии, а иногда и Европы. Тревожный крик этот был равносилен крику: «Погибаем!» Десяти-двадцатикилометровым фронтом из неведомых далей надвигались живые тучи на оазисы Египта, Палестины, Ирана, Индии...

Метровым слоем покрывала землю копошащаяся масса крупной саранчи, и вскоре на месте посевов, пальмовых рощ и садов оставались оголенные, опустошенные пространства.

Иногда после налета стай появлялись неисчислимые полчища прыгающих саранчуков—личинок, пожирающих все, что уцелело. Саранча—значило голод и смерть десятков тысяч людей.

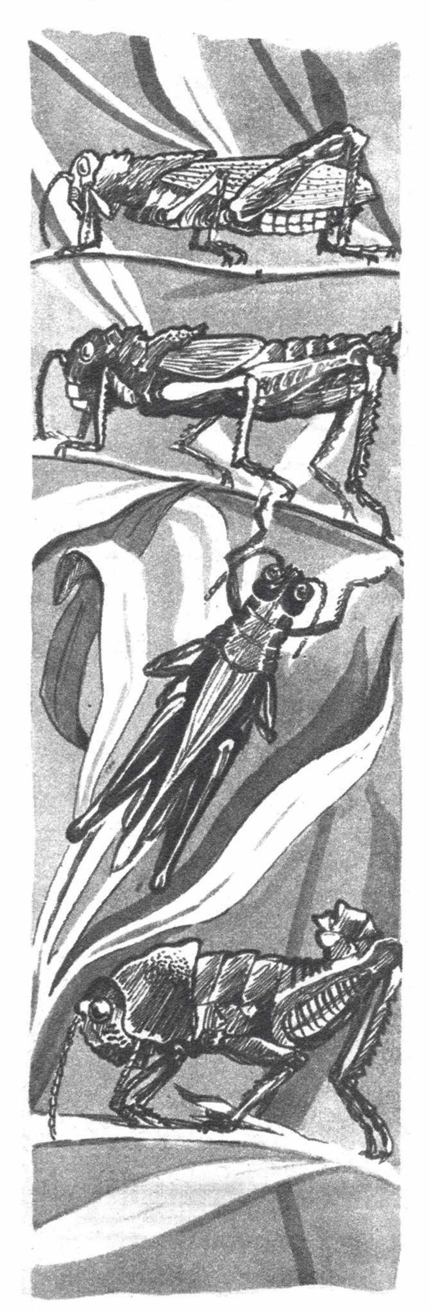

Рисунок К. Сергеева

Но так было не только во времена фараонов и средневековья. В колониальных странах и в наши дни ограбленное, нищее население страдает от нашествия саранчи. Мне самому довелось наблюдать бедствие народов Индии, Пакистана, Ирана и побережья Аравийского полуострова, где в годы второй мировой войны саранча совершала свои опустошительные набеги. Я видел стихийные вспышки размножения саранчи за океаном, в Мексике и в Соединенных Штатах.

В далеком прошлом люди, не умея различать насекомых, знали одну саранчу, своего исконного врага. Лишь в XVII—XVIII веках стала развиваться систематика — наука, которая стремилась изучить и описать многообразие видов животных и растений.

Медленно шло исследование саранчевых. Они обитают преимущественно в зоне полупустынь и пустынь. Их численность убывает по мере движения к тропическим лесам и северной лесостепи, хотя отдельные виды достигают даже тундры.

Современная наука считает, что на земном шаре существует около десяти тысяч различных видов саранчевых. Некоторые из них — стихийные враги земледелия.

Но, несмотря на исключительный вред, причиняемый ими, особенно так называемыми стадными видами, они во многих странах очень мало изучены. Мне пришлось побывать в штатах Айдаго, Вайоминг, Монтана, где на склонах Скалистых гор зарождаются очаги страшных вспышек американских саранчевых, опустошающих поля, сады. Но когда я спрашивал у местных специалистов, есть ли у них, кроме популярных брошюрок, серьезная научная литература по саранчевым, мне неизменно отвечали: «К сожалению, нет».

Действительно, в США нет капитальной работы, систематического обзора всех саранчевых этого государства.

Подобное положение существует и в ряде стран Западной Европы, не говоря уже о странах Востока, например, об Иране, где вообще нет никаких научных работ о насекомых.

Совершенно иную картину мы видим в нашей стране.

Изучение русских саранчевых начал в XVIII веке академик П. С. Паллас. Наши выдающиеся путешественники-натуралисты: Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, П. П. Семенов-Тян-Шанский и другие — собрали в пору своих скитаний по России и сопредельным странам богатейшие коллекции насекомых, в частности саранчевых. Однако лишь после Великого Октября они были систематизированы и всесторонне научно обработаны.

Советские люди поняли, что для защиты урожая нужно хорошо знать своих врагов — саранчевых,— уметь отличать вредные виды от малоопасных, раскрывать закономерности размножения саранчи и зависимость ее от погоды, растительности, почвы.

Наша научная литература о саранчевых достаточно богата, но только в минувшем году вышли в свет два больших тома: «Саранчевые фауны СССР и сопредельных стран», написанные профессором Ленинградского сельскохозяйственного института Г. Я. Бей-Биенко и старшим научным сотрудником Зоологического института Академии наук СССР Л. Л. Мищенко.

Этот монументальный труд, ныне удостоенный Сталинской премии первой степени, не имеет даже подобия себе в мировой литературе.

На 667 страницах, иллюстрированных 1 300 оригинальными рисунками, дано подробное систематическое описание 833 видов саранчевых, из которых 481 обитают в границах нашей Родины, а остальные — в сопредельных и близких к нам странах Азии и Европы.

Составление «Саранчевой фауны» потребовало пяти лет напряженного, кропотливого труда, просмотра десятков тысяч экземпляров насекомых в коллекциях Зоологического института и многих музеев.

Г. Я. Бей-Биенко и Л. Л. Мищенко не кабинетные работники-систематики. Они совершали в течение четверти века много экспедиций на Дальний Восток, в Забайкалье, на Алтай, в степи Сибири, в горные долины Таджикистана, в песчаные пустыни Средней Азии. Они обнаружили 38 новых родов и многие десятки новых видов саранчевых, не ведомых науке.

Участники советских экспедиций по борьбе с саранчой в Иране, Пакистане, Афганистане, Аравии, Китае доставили ценные материалы в музей Академии наук СССР.

Наши специалисты, наши самолеты помогали народам смежных стран спасать поля и сады от уничтожения стаями прожорливой саранчи и полчищами ее личинок. Одновременно с этим проводились обильные сборы насекомых.

Два тома труда профессора Г. Я. Бей-Биенко и Л. Л. Мищенко показывают силу русской и советской науки. Достаточно сказать, что именами 65 наших исследователей названо около 150 видов и родов саранчевых.

Прекрасные определительные таблицы, точные научные описания, четкие указания мест обитания саранчевых делают труд «Саранчевые фауны» ценнейшим пособием при изучении таких насекомых.

Н. ЩЕРБИНОВСКИЙ

Броня, сотканная из молекул

Сияет над новым высотным зданием Московского университета звезда, покрытая тонкой броней...

Быстро вертятся шарикоподшипники. Закованные в спасительный слой, они противостоят трению, а сочетание твердой поверхности с мягкой сердцевиной придает им большую упругость.

Не стираются нежные линии клише, покрытые электролитическим железом, близким по твердости к стали.

Хромированный резец не тупится и не ломается, обрабатывая металлическую деталь.

Почему отполированная поверхность самого обыкновенного металла не ржавеет, почему она так прочна, что даже напильник не оставит на ней царапины? Да потому, что металл защищает тонкая, нанесенная на него пленка другого металла, не боящаяся ржавчины и износа. Она очень тонка и составляет иногда всего тысячные доли миллиметра; по сравнению с нею наш волос выглядит толстым, грубым корабельным канатом. Не обойтись без микроскопа, чтобы измерить ее.

Невозможно нанести такой слой механически. На помощь человеку пришли химия и физика, и только методом так называемого электроосаждения металлов осуществилось, казалось бы, невозможное.

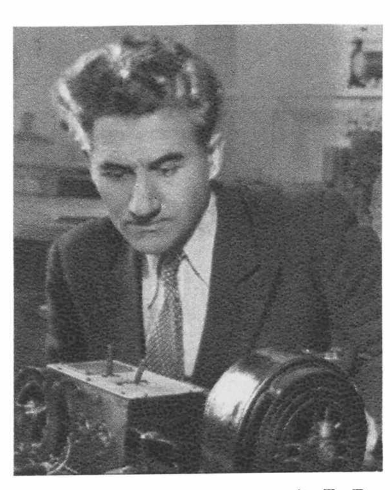
На первый взгляд техника электроосаждения чрезвычайно проста. Предмет погружают в ванну с раствором солей металла, включается ток, и почти мгновенно поверхность предмета покрывается броней, словно сотканной из молекул. Но простота эта кажущаяся. На самом деле за это короткое время произошли необычайно сложные химические и электролитические «события».

Их изучением занимаются наши исследователи с того дня, когда русский ученый академик Б. С. Якоби положил начало гальванопластике. И чем шире она применялась, тем больше неожиданностей возникало в самой технике производства. Почему при одних и тех же условиях с одним и тем же металлом получаются разные результаты? Почему в одних случаях осаждаются крупные кристаллы, а в других предельно мелкие? Как регулировать процесс, как придать ему необходимую точность и четкость?

Советские ученые годами производили изыскания, прежде чем ответили на эти и на многие другие вопросы. Создав теоретическую базу, удалось решить проблему контроля и регулировки осаждения частиц металла.

Это сделал доктор технических наук А. Т. Ваграмян, обобщив многолетний опыт в труде «Электроосаждение металлов», удостоенном Сталинской премии. Пятнадцать лет огромного труда он вложил в свою книгу. Пятна-

...инской премии

Доктор технических наук А. Т. Ваграмян в своей лаборатории.
Фото Я. Рюмкина

дцать лет, шаг за шагом, шел ученый от практики к созданию общей теории и, обогащенный ею, вернулся к практике.

Свои идеи он воплотил в небольшом приборе, чуть побольше швейной машины. Теперь можно автоматически проследить за процессом электроосаждения. Прибор показывает, от чего зависит общая скорость процесса, рисует ее точную кривую.

Схожий с ним другой прибор предсказывает, каково будет качество нанесенного слоя, как прочно сцепляются молекулы металлов с покрываемой ими основой. Этот прибор дает возможность регулировать количество веществ, которые вводятся в раствор и влияют на тончайшее строение электролитических осадков, толщина которых перестала быть случайной. Удалось также заменить многие дорогостоящие и вредные растворы недорогими и безвредными. Помимо обычных хрома, цинка, никеля, меди, золота, серебра, метод электроосаждения позволяет использовать множество других металлов.

И. ДОНСКАЯ

Обновители садов

Свыше двух десятилетий научные сотрудники Никитского ботанического сада имени В. М. Молотова в Крыму создавали красивые, сочные и вкусные плоды. Новаторы пересматривали заново вековые местные сорта, решительно браковали устаревшие, выбирали лучшие и выносливые. Они обыскали горы и леса нашей необъятной Родины, нашли разнообразные, пригодные для селекции дикие плодовые растения. Кропотливым и настойчивым трудом они копили мировые коллекции фруктовых деревьев и, черпая из них превосходный строительный материал, точно скульпторы, лепили новые, неведомые раньше сорта.

Следуя учению И. В. Мичурина, селекционеры сада переделывали природу плодовых культур и изменяли их наследственные свойства. Они проводили скрещивания и подбирали родительские пары из географически далеких видов и форм, настойчиво воспитывали гибридное потомство и умножали его поколения.

Мичуринцы сада изучали каждый отобранный или выведенный сорт, его биологические особенности и продуктивность, качество плодов и сроки их созревания, устойчивость растений против холода и засухи, сопротивляемость болезням и вредителям.

Кто бывал в Никитском саду, тот мог видеть среди вечной зелени многочисленных экзотов одно ветхое, искривленное дерево, которому минуло пятьсот лет. Это — маслина, современница былой, теперь почти исчезнувшей с Крымского полуострова культуры, прославленной с древних времен оливковым маслом.

Возродить маслину и сделать ее промышленным растением юга нашей страны стало задачей сада. Селекционеры обследовали уцелевшие на побережье деревья, изучали урожайность и время созревания плодов, определяли их товарные качества для переработки на масло, соление и консервирование.

Это позволило выделить наиболее ценные местные маслины. Мичуринскими методами были созданы новые отечественные сорта, которые по своей урожайности, масличности и зимостойкости превысили зарубежные.

Наиболее перспективными и хозяйственно-ценными маслинами оказались Никитская, Колхозница. Их нежные, с небольшой косточкой, жирные плоды рано созревают и содержат свыше 35 процентов оливкового масла.

Новые сорта маслин выращиваются теперь в садах Крыма, Грузии, Азербайджана, Армении, вскоре найдут себе вторую родину в орошаемых и обводняемых полупустынях Туркмении.

С незапамятных времен распространена на южном побережье Крыма неприхотливая культура инжира. Работники сада скрещиванием сортов Кадота с Брусонецким и воспитанием их гибридных сеянцев вывели новый отечественный сорт инжира — Никитский ароматный. Его сильные, коренастые деревья хорошо переносят низкие температуры и ежегодно дают высокие урожаи. Крупные, мясистые, лимонно-желтые плоды с тонкой кожицей и мелкими семенами созревают очень рано — в августе — сентябре; они сами подвяливаются на дереве, накапливают много сахара, витаминов и минеральных веществ. Не менее ценными хозяйственными качествами обладают инжир — Смена, Подарок Октябрю, Ливадийский.

Новые сорта инжира распространяются в Крыму, в южных районах Закавказья и в Средней Азии.

Лауреат Сталинской премии Н. К. Арендт.

Великолепны столовые и консервные сливы — Победа, Золотисто-оранжевая, Партизанка. Они получены в Никитском саду путем отдаленного скрещивания китайской трехцветковой сливы с местной крымской алычой. Их красивые, ароматные, крупные плоды рано созревают, долго сохраняются, хорошо переносят перевозку на дальние расстояния. Теперь эти сорта испытываются в садах Крыма, Северного Кавказа и юга Украины.

Высокие качества показала новая алыча Пионерка, выведенная из сеянцев местных форм культурной алычи. Темнобурые, сочные, кисло-сладкие плоды достигают веса до 30 граммов каждый; они созревают в конце июля — начале августа, на 3—4 недели раньше домашней сливы.

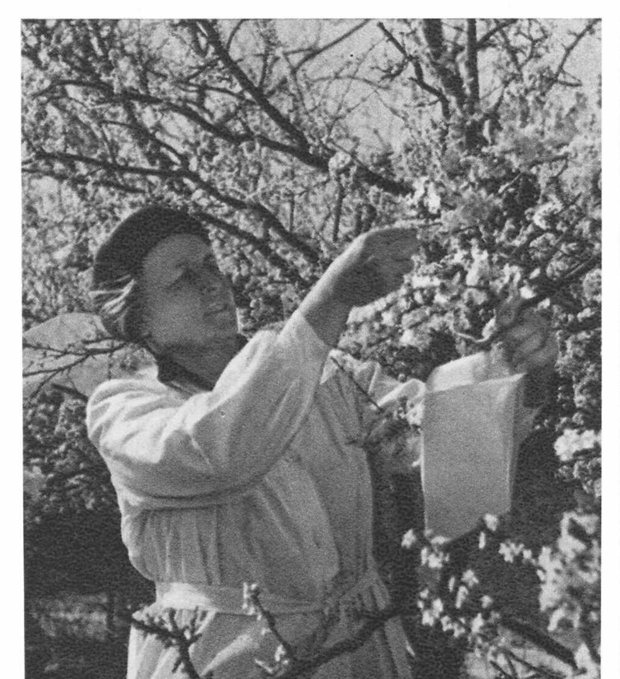
Превосходны созданные обновителями садов и сорта абрикосов — Комсомолец, Находка.

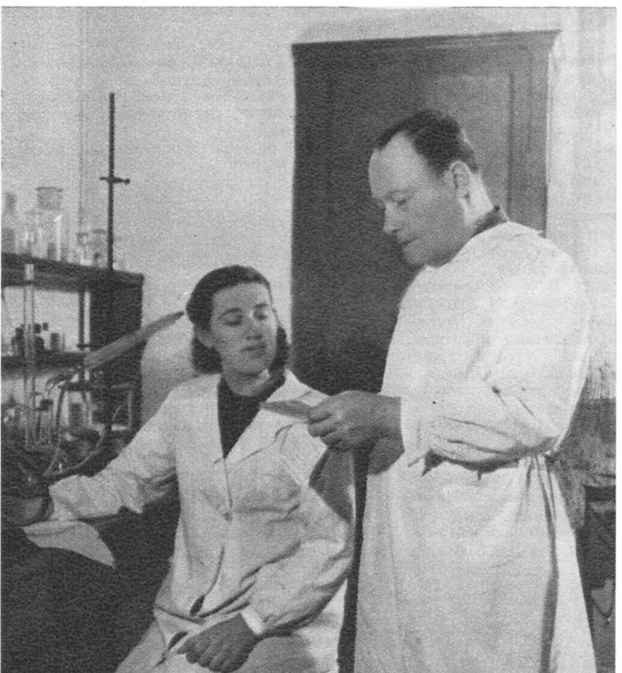
Сталинская премия, присужденная научным работникам Никитского ботанического сада К. Ф. Костиной, И. Н. Рябову, А. А. Рихтеру, Н. К. Арендт и А. С. Коверге,— заслуженная награда за их труд.

А. ВЕКСЛЕР

На снимках слева направо: лауреат Сталинской премии К. Ф. Костина; лауреат Сталинской премии А. С. Коверга и практикантка Е. Н. Смольская; лауреат Сталинской премии А. А. Рихтер.

Фото О. Кнорринга

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Слава Франции и науки

Советским людям близко и дорого имя лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», председателя Всемирного Совета Мира, крупнейшего французского ученого Фредерика Жолио-Кюри, которому посвящена книга профессора Б. Г. Кузнецова.

С ее страниц встает образ ученого, который, по словам английского физика и общественного деятеля Джона Бернала, «был и остается сыном народа». Жолио-Кюри воплощает лучшие черты французского народа и его славные традиции. Сын коммунара, выходец из рабочей семьи, Жолио неизменно поддерживает дружеские связи со множеством рабочих, мелких служащих, рыбаков, виноделов.

В книге рассказывается о юности ученого, о глубоком влиянии, оказанном на него крупнейшим французским мыслителем, замечательным физиком Полем Ланжевеном. Именно Ланжевен, профессор Школы физики и химии, куда Жолио не без труда поступил, заметил выдающиеся способности молодого студента. Под руководством этого ученого-материалиста складывалось мировоззрение Жолио. Вместе с Ланжевеном Жолио в 1919 году восхищался подвигом Андре Марти, поднявшим восстание на судах интервенционистской французской эскадры.

Самостоятельная научная деятельность Жолио началась в лаборатории Марии Склодовской-Кюри, на дочери которой, Ирен, Фредерик впоследствии женился. В книге рассказывается о замечательном открытии искусственной радиоактивности, сделанном в 1934 году Фредериком и Ирен Жолио-Кюри. В дальнейшем они произвели экспериментальные работы, приведшие к открытию нейтрона. В 1939 году Жолио одним из первых пришел к представлению о цепной реакции деления ядер урана.

В самый разгар плодотворных научных работ Жолио вспыхнула вторая мировая война. В дни оккупации Франции ученый стал одним из активных участников Сопротивления. «Это он,— рассказывает профессор Парижского университета Марсель Пренан,— основал и возглавил подпольную организацию «Национальный фронт», которая сумела объединить в борьбе против захватчиков многих французов без различия политических и религиозных взглядов. Но Фредерик Жолио не сторонился и непосредственной боевой деятельности; он рвался к ней, несмотря на советы друзей из партизанского подполья беречь свою жизнь... Он сам занимался нелегальной транспортировкой взрывчатки по железной дороге, нагружая ее в чемоданы».

Весной 1942 года, в разгар ожесточенного террора, когда агенты Петэна и гестаповцы пытками и казнями патриотов стремились помешать развертыванию освободительного движения, Жолио-Кюри вступил в ряды коммунистической партии. «Если я буду арестован и расстрелян,— я хочу умереть коммунистом»,— сказал он своим друзьям.

После освобождения Франции Жолио руководил научными исследованиями по атомной энергии. В то же время он вместе с другими представителями французской интеллигенции активно выступал против кровавых замыслов агрессивной буржуазии, против войны, затеянной во Вьетнаме, против закабаления Франции американским империализмом.

Жолио боролся за мирное применение новейших физических открытий. Он построил атомный котел и назвал его греческим словом «Зоэ» («жизнь»). Он стремился поставить атомную физику на службу человечеству, обратить ее на дело дальнейшего технического прогресса и борьбы с болезнями.

В книге рассказывается о травле ученого-патриота, начатой французскими реакционерами по приказу из Вашингтона, о позорном отстранении крупнейшего физика Франции от работы в комиссариате по атомной энергии, о волне возмущения ученых всего мира, справедливо увидевших в отстранении Жолио - Кюри попытку американских атомщиков воспрепятствовать мирному применению достижений науки. Автор подробно остановился на деятельности Жолио-Кюри по организации первого и затем второго Всемирного конгресса сторонников мира. «В сражениях за мир» (так называется одна из глав книги) ученого поддерживает великий вдохновляющий пример советского народа.

В речи, произнесенной после вручения ему международной Сталинской премии, Жолио-Кюри говорил о том, что вся история Советского государства представляет собой ряд непрерывных и непререкаемых доказательств мирной политики. «Именно в силу этих доказательств непоколебимой воли к миру, воодушевляющей ваш народ, которым руководит великий знаменосец мира Иосиф Сталин, я, присоединяясь ко всем мужчинам и женщинам, исполненным решимости навсегда уничтожить войну, выражаю вам мою глубокую благодарность»,— заявил Жолио-Кюри.

Профессор Б. Г. Кузнецов написал полезную книгу, содержащую немало свежих, интересных фактов. Жаль только, что физические исследования, приведшие к открытию искусственной радиоактивности и цепной реакции деления атомного ядра, очерчены слишком бегло.

Советским читателям нужна серия подобных книг, раскрывающих деятельность передовых борцов за мир.

М. РАДОВСКИЙ

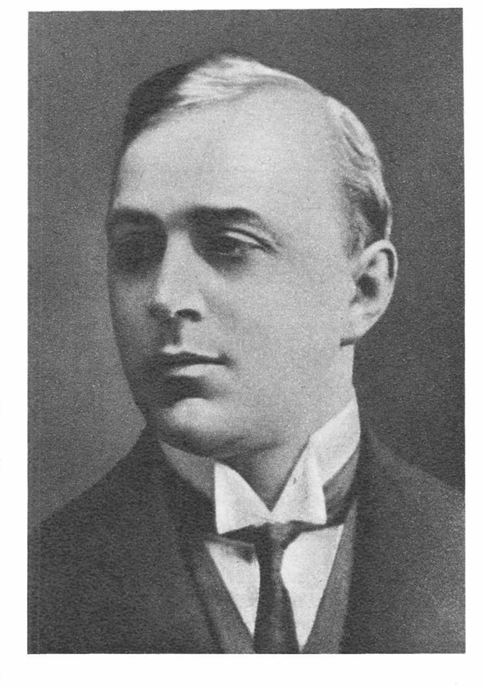
Б. Г. Кузнецов. Фредерик Жолио-Кюри — ученый и борец за мир. Госкультпросветиздат. 1952. 80 стр.

Великий певец

С. МИГАЙ,
народный артист РСФСР

Искусству и общественности надо служить одинаково — и разумением и восхищением.

Л. Собинов

Л. В. Собинов. 1907 год.

7 июня 1952 года исполнилось 80 лет со дня рождения великого русского артиста Леонида Витальевича Собинова (умер в 1934 году). Роль и значение Собинова в развитии русского вокального искусства огромны. Наследуя и развивая традиции русской вокальной школы, основоположником которой был гениальный Глинка, Собинов стал одним из виднейших представителей русского реалистического искусства, которому он вдохновенно служил.

Обладая огромным сценическим талантом и большой культурой, мастерски владея исключительной красоты голосом, Л. В. Собинов создал большую галерею проникновенных, благоухающих подлинной поэзией сценических образов — от князя Синодала в «Демоне» до Берендея в «Снегурочке», от Альфреда в «Травиате» до Лоэнгрина. Самым значительным, поистине классическим творением Собинова был образ Ленского в «Евгении Онегине», представляющий целую эпоху на русской оперной сцене. Исполнение партии Ленского Собиновым и по сей день является высоким немеркнущим образцом для артистов нашей советской сцены.

Собинов прославил русскую вокальную школу и за рубежами нашей Родины. С громадным успехом он выступал в лучших западноевропейских театрах (Ла Скала в Милане, Королевской опере в Мадриде и в других). Исполняя иностранную классику, он обогатил традиционное итальянское пение человеческими чувствами, глубоко раскрывая реальный поэтический смысл произведений. Это было подлинным новаторством в мировом оперном искусстве и определило триумф русского певца за границей.

И где бы ни выступал Собинов, как бы далеко от Родины он ни был, он всегда оставался патриотом своей Отчизны, артистом-общественником. Беззаветно любящий свой народ, он живо откликался на все события в жизни страны. Глубокой тревогой за судьбы Родины звучат его письма 1905 года из Милана, отрывки из которых печатаются ниже. В артистической жизни Собинова этот период был очень плодотворным. Выступая в те дни на сцене одного из знаменитых театров мира, Собинов утверждал всеевропейскую славу русского искусства. Но всеми своими мыслями и чувствами Собинов тянулся к родной стране.

ИЗ ПИСЕМ Л. В. СОБИНОВА Е. М. САДОВСКОЙ

3 января 1906 г.
(21 декабря 1905 г.)
г. Милан

Вчера вечером по городу раздались громкие крики газетчиков, и мы узнали печальную новость, что Порт-Артурский гарнизон сдался. Все ждали близкого конца, но никто не ожидал, что это будет так скоро. ...Приходится сознаться, что дело нами проиграно начистоту и что вести войну дальше будет бессмысленно. И я думаю, что не пройдет много времени, мир будет заключен и эта несчастная и бесславная война кончится к нашему благу, так как возврата к прошлому не может быть. И действительно настанет весна русской жизни. Исторические законы неумолимы. Бюрократизм, чиновники, охранители, дворники и городовые общественной жизни потерпели поражение решительное, от которого им уже не оправиться...

Как теперь хотелось бы быть в России! Ведь чувствуется, что начинается весна и что последнее ледяное дыхание реакции скоро пройдет и даст дорогу светлому и теплому солнышку...

7-го января 1906 г.
(25 декабря 1905 г.)
г. Милан

Гроза прошла[1] и, конечно, надолго. К несчастью, она не принесла того очищения воздуха, ради которого жертвовали собой чистые, благородные люди, но все равно победа, одержанная правительством, такого сорта, что за нее долго придется давать отчет перед народной совестью. Я, конечно, не думаю, что у «храбрых» стратегов и политиков с холопской душой могут шевельнуться угрызения совести за пролитую кровь... Ты посчитай все то море жестокого, бесчеловечного беззакония, которое совершено правительством за последние годы, за последние месяцы и за последние дни. Правительство одержало победу, это правда, но победу постыдную, которая все равно не спасет от кризиса и от краха. И это будет великий день отмщения! Я хотел бы его увидеть, хотел бы дожить до этого дня...

По совести тебе говорю, душа у меня полна ненависти. Я не знаю, не надо ли мне благодарить судьбу, что меня не было в эти дни в Москве. Мне кажется, я не имел бы сил спокойно сидеть дома и прислушиваться, с какой стороны стреляют. В таком состоянии или можно сойти с ума или самому полезть на первого убийцу и первого насильника...

У меня очень тяжело было [illegible] все это время. Этот ужасный [illegible] красных надежд, эта неизбежная [illegible] неизбежная апатия общества [illegible] долго лишить нас настоящей весны, которой мы так ждем и которая так и не приходит...

[1] Письмо посвящено трагическим событиям в Москве — кровавому подавлению царскими войсками вооруженного восстания народа.

Коротко о книгах

Со времени знаменитого русского изобретателя Кулибина в России не было другого техника, чье творчество было бы более разносторонним, чем труды Николая Николаевича Бенардоса (1842 — 1905). Ему принадлежит свыше 120 оригинальных изобретений, относящихся к самым различным областям техники.

Но главным делом жизни Н. Н. Бенардоса было изобретение электросварки, которое доставило ему, как и Н. Г. Славянову, почти одновременно применившему вольтову дугу в тех же целях, заслуженную славу не только в России, но и далеко за ее пределами.

Книга Огиевецкого и Радунского, вышедшая в биографической серии «Деятели энергетической техники», является первой подробной биографией знаменитого изобретателя. В ней широко использованы архивные материалы, до сих пор остававшиеся неопубликованными.

А. С. Огиевецкий и **Л. Д. Радунский.** Николай Николаевич Бенардос. Госэнергоиздат. 1952.

Скирли

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова

КУЗНЕЧИК

Слышит Кузнечик — в небе Жаворонок поет. И сам захотел петь. А голосу нету!

Так он об крылья ногами! Ногами!

И ничего! Молодец! Добился!

Кто скажет, что Кузнечик плохо ногами поет?

МЕДВЕДЬ В ТЕАТРЕ

Сходил Медведь в театр. И ничего оттуда не вынес, кроме своих пальто и калош.

Его спрашивают:

— Ну, хорошо было?

— Хорошо.

— А может быть, не так уж хорошо?

— Да, не так уж хорошо.

— А может быть, ты в театре вовсе и не был?

— Нет, был!

— Так что же у тебя осталось от театра-то?

Медведь заплакал:

— Я все действия отсидел, всех актеров прослушал, а вы опять меня мучаете!

— Что? Пьеса плохая?

— Ну да, плохая!

— Эх, Медведь, Медведь! Ничего ты в театре не понял! В театре все условно! Это условно плохая пьеса, а на самом деле она хорошая!

— Тьфу, какой я дурак! — развеселился Медведь. — А я-то думал, что это условно хорошая пьеса, а на самом деле плохая!

БОБ И ПТЕНЦЫ

Боб с осени остался лежать на клумбе, а весной стал предметом любопытства двух Птенцов.

— Смотри! — сказал один другому.— Наш Боб пророс! Он встал на ножку! Как это прекрасно!

— А-а-а! — заплакал другой Птенец.— Нет уже нашего Боба! Это — растеньице, а не Боб! Как это ужасно!

— Смотри!— как-то сказал первый Птенец. — У нашего растеньица появились листики и усы! Как это любопытно!

— А-а-а! — заплакал другой.— Наше растеньице стало с листиками и усами! Как это неприятно!

— Смотри! У нашего растения появились цветы! Удивительно!

— А-а-а! — заплакал другой. — Это не наше растение! Наше растение было без цветов! Где наше милое растение без цветов? Как тоскливо!

— Смотри! Смотри! Наши цветы превратились в стручки! Какая радость!

— А-а-а! — заплакал другой. — Наши цветы превратились в стручки! Какое горе!

— Смотри! Смотри! Стручки лопнули! Из них высыпались Бобы! Перед нами опять Боб! Да не один, а много Бобов! О! Теперь мы и сами — смотри! — не глупые

Птенцы, а красивые, умные Дятлы! Какое счастье!

— А-а-а! — заплакал другой. — Нет у нас больше нашего стручка! У нас опять тот же Боб! Мы и сами-то уже не Птенцы, а красивые Дятлы! О-о-о! Как это невыносимо!

ДОТОШНАЯ ОБЕЗЬЯНА

Не зная, что и как может отражаться в зеркале, Обезьяна пожелала исследовать этот вопрос досконально.

Самыми тщательными сопоставлениями она установила, что в зеркале каждый раз отражается ее бабушка, которую она видела, будучи малюткой, еще в Гвинее.

ВОРОБЕЙ И ЗЕМНОЙ ШАР

Воробей на садовой дорожке удивлялся: как это он так легко отпрыгивает от земного шара?

ВОЛЧЬИ ПЕРЕГОВОРЫ

За круглым столом на борту авианосца Волки договаривались с Зайцами:

Мол, и мы, Волки, тоже страдаем и от эпидемий и от лесных пожаров. Мол, и у Волков и у Зайцев общая родина — лес; так что и волчьи и заячьи интересы одинаковы. Поэтому нужно под-

держивать друг друга и притом самоотверженно, отдавая друг другу все, включая собственное мясо. Это естественно.

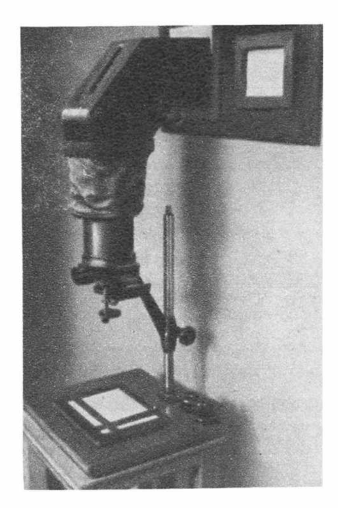
Так пусть Зайцы, когда хотят, едят волчье мясо, а Волки — заячье!

Ну, а что у Зайцев хвост короче волчьего, так это Зайцы Волкам чем-нибудь потом компенсируют. На этом Волки особенно настаивать не будут!

Советы фотолюбителю

ПРИСТАВКА К УВЕЛИЧИТЕЛЮ

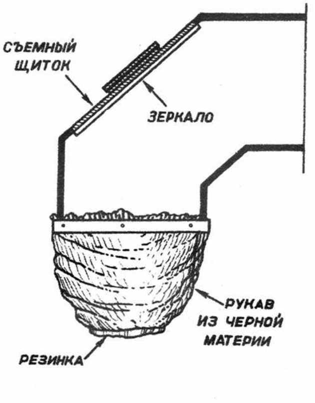
Среди советских фотолюбителей широко распространены фотоаппараты «ФЭД», «Зоркий» и другие камеры такого же типа, работающие на кинопленке. Снимки, произведенные этими камерами, из-за малого размера негатива (24×36 мм) требуют увеличения. Для фотопечати с таких негативов пользуются обычно увеличителем «У-2» или другими подобной же конструкции. Источником света в увеличителе служит электролампа.

Мы предлагаем вниманию наших читателей, не имеющих возможности пользоваться для увеличения электрическим освещением, предложенную фотолюбителем В. Г. Ларионовым простую конструкцию приставки к увеличителю «У-2». Такую приставку, дающую возможность производить увеличение используя дневной свет, каждый фотолюбитель может легко изготовить своими силами.

Окно в комнате затемняют листом фанеры. В ней прорезаются два квадратных отверстия размером 12—15 сантиметров каждое. В одном прорезе закрепляется планками оранжевое стекло, при свете которого проявляют отпечатки. По краям другого прореза делаются пазы, в которые должна плотно входить приставка. По верхнему краю прореза следует наклеить узкую полоску черного бархата или сукна.

Боковые стенки приставки выпиливаются из фанеры по форме, показанной на рисунке. Верхние и нижние части приставки делаются из тонких дощечек. На одном конце приставки, прикрепляемом к окну, закрепляются планки, которые должны входить в пазы, сделанные вокруг отверстия в закрывающей окно фанере. На другом (нижнем) конце приставки при помощи планок закрепляется сшитый из черной материи (лучше взятой вдвойне) рукав. С другой стороны в рукав вдевается резинка, чтобы край рукава плотно облегал корпус увеличителя, на который он надевается.

В верхней части приставки устанавливается под углом в 45° щиток с прикрепленным к нему с внутренней стороны зеркалом размером примерно 12×18 сантиметров. Щиток этот лучше сделать съемным, чтобы удобно было протирать зеркало.

Размеры боковых, верхних и нижних стенок приставки надо рассчитать в зависимости от размера зеркала.

Важно, чтобы нижняя часть приставки (с рукавом) стояла под прямым углом к ее верхней части, прикрепляемой к окну, а зеркало стояло под углом в 45°.

Приставку внутри рекомендуется оклеить белой бумагой, а снаружи — черной, заделав все отверстия и щели, через которые может проникнуть свет.

При работе с дневным светом нужен известный навык для определения выдержки и обязательны предварительные пробы.

А. ВОЛЬСКИЙ

ПОЕДИНОК СРЕДИ ПОЛЯРНЫХ ЛЬДОВ

Необычайной силой обладает морской зверь морж. На льду он неуклюж, неповоротлив, но в воде трудно найти ему соперников в силе и ловкости. Необыкновенно силен и белый медведь...

Не раз спорили: нападает ли белый медведь на моржа?

В дни первой Ленской экспедиции Леваневский прилетел в Тикси после оказания помощи американскому летчику Маттерну, разбившему свой самолет в Анадырской тундре. Там чукча-художник подарил ему моржовый расписной клык. На клыке иглой и красками был с большой экспрессией воспроизведен набег медведей на моржовую залежку.

Исследователь острова Врангеля и Северной земли доктор географических наук Г. А. Ушаков рассказал об одном интересном эпизоде: схватке медведя и моржа.

Вместе с двумя охотниками Г. А. Ушаков выслеживал белого медведя, а в это время белый медведь выслеживал на острове Врангеля, оказывается, моржа.

Морж продвигался к краю льдины, ближе к воде. Медведь успел напасть на моржа прежде, чем тот достиг воды. И вот оба зверя скатились в поединке со льдины, подняв столб брызг.

Пораженные неожиданным зрелищем, полярники следили за водой, где скрылись звери. Спустя некоторое время над поверхностью показалась голова медведя. Он выбрался на льдину, отряхнулся от морской воды и залег.

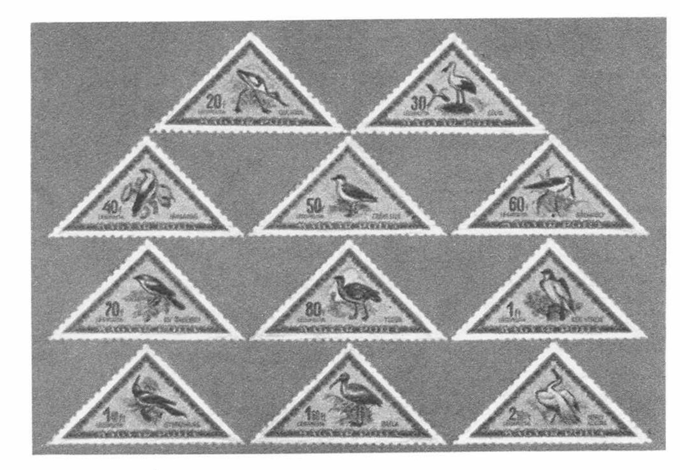
Моржа нигде не было видно.

Промысловая собака вырвалась вперед к медведю и стала дергать его за мохнатые лапы. Зверь не шевелился. Тогда охотники приблизились к нему и увидели, что он мертв.

Медведь побывал в могучих объятиях моржа. Тот, видимо, так сильно сдавил его своими ластами, что смял медведю грудную клетку, не оставив ни одного целого ребра, что выяснилось, когда занялись разделкой туши.

Морж так и не показывался из воды. Очевидно, и он также стал жертвой поединка.

М. ЗИНГЕР

Венгерская народная республика недавно выпустила новую интересную серию марок авиапочты. На марках изображены птицы, водящиеся в Венгрии.

Отвечаем читателям

ЧТО ТАКОЕ УГОРЬ!

Такой вопрос задает читатель «Огонька» А. Белицкий из Железнодорожного района, Калининградской области. Кроме того тов. А. Белицкий хочет узнать, совершает ли угорь переходы по суше.

У нас в Советском Союзе угорь водится главным образом в бассейне Балтийского моря. Его тело, удлиненное, как у змеи, густо покрыто слизью. Только если удалить эту слизь, можно заметить мелкую чешую на его коже.

Угорь достигает двухметровой длины, толщиной бывает он с руку человека и весом до шести килограммов.

Это рыба пресноводная, но мечет икру угорь в море. Размножение происходит на больших глубинах. После нереста как самки, так и самцы погибают, а молодь, претерпев сложное превращение, на четвертый год входит в реки, поднимаясь в них против течения.

Днем угорь лежит, свернувшись где-нибудь в укрытии, а с наступлением сумерек отправляется добывать пищу. Питается он главным образом миногами, пескарями и другой рыбой; за неимением живой он довольствуется и мертвой.

В поисках пищи угорь нередко выходит из воды на сушу, где собирает червей, слизняков; не дает он пощады и лягушкам. На суше он может оставаться двенадцать и более часов, особенно по росе и в болотистой местности. Угорь может совершать переходы из одного водоема в другой.

Угорь не брезгает и растительной пищей. Нередко по ночам он выходит на посевы гороха. Зная повадки угря, его подкарауливают на рассвете и бьют колотушками.

Ловить угря можно только ночью обычными удочками-донками. Хорошо прикрепить к ним колокольчики или бубенчики, тогда можно не проверять снасти — знай сиди да прислушивайся, не зазвонит ли где.

Насадкой может служить как живая, так и мертвая рыбка, черви, лягушки и горох, на который угорь клюет превосходно.

Снасти должны иметь металлические поводки, так как благодаря мелким острым зубам угорь может перекусить обычную леску.

С. МИНАЕВ

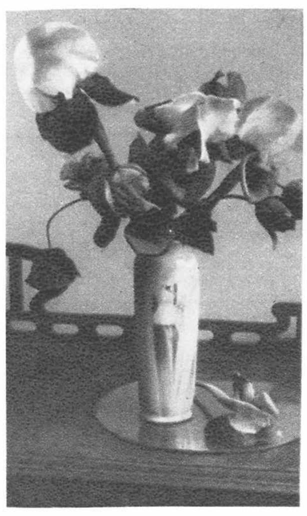
НОВЫЕ СОРТА ИРИСА

На Кавказе растет дикий ирис Иберика. Шесть крупных лепестков имеет этот цветок. Три смотрят вверх, образуя красиво изогнутую белую чашу. Три других, светложелтые, в коричневых прожилках, лениво опущены вниз. В центре каждого лепестка темное бархатное пятно.

В 1938 году дикий ирис ввели в культуру. Отдел живых растений Института ботаники Академии наук Грузинской ССР производил массовый отбор цветка, скрещивание его с другими видами кавказских ирисов. В нынешнем году на грядках в Ботаническом саду выращено пятнадцать новых сортов культурных ирисов. Высота стебля цветка доведена до шестидесяти сантиметров, лепестки цветка окрасились в самые различные цвета — от нежноголубого до густошоколадного. Полученные на опытных грядках новые гибриды ирисов размножены и переданы в производство.

В цветочных киосках Тбилиси уже появилась чудесная новинка мая 1952 года.

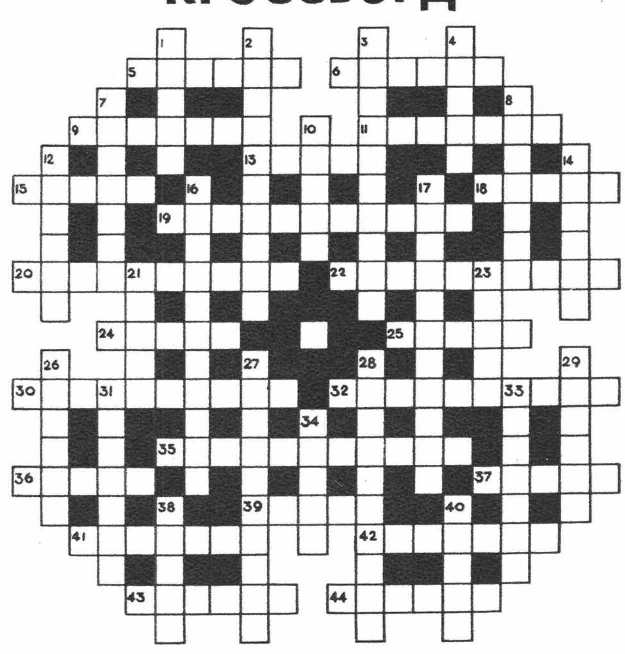
И. МЕСХИ

Ирис Иберика.

Фото В. Лисиченко

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Представитель национальности СССР. 6. Советский писатель. 9. Город в Украинской ССР. 11. Млекопитающее, несущее яйца. 13. Водоем. 15. Русский патриот XVII века. 18. Река в Московской области. 19. В топографии — линия, соединяющая точки, находящиеся на одном уровне. 20. Опера Направника. 22. Спектакль, инсценировка. 24. Момент начала спортивного состязания. 25. Нагорье в Средней Азии. 30. Зодчий. 32. Цифра или буква, обозначающая степень, в которую возводится данное количество. 35. День недели. 36. Вид смазочного масла. 37. Герой древнегреческой мифологии. 39. Тригонометрическая функция. 41. Минерал. 42. Советский авиаконструктор. 43. Союзная республика. 44. Персонаж пьесы Вс. Вишневского «Незабываемый 1919-й».

По вертикали:

1. Советский астроном. 2. Изображение на стекле для проекционного фонаря. 3. Часть суши, одной стороной примыкающая к материку. 4. Выдающийся русский мастер музыкальных инструментов. 7. Томат. 8. Город в Иркутской области. 10. Русский художник. 12. Металл. 14. Белорусский советский поэт. 16. Лицо, занимающееся конструированием машин. 17. Синяя краска. 21. Музыкальное произведение для восьми инструментов. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 26. Река в Восточной Грузии. 27. Помощь, поддержка в каком-нибудь деле. 28. Теплое течение в Атлантическом океане. 29. Персонаж произведения Т. Семушкина. 31. Наука о прошлом. 33. Длинный и глубокий ров. 34. Горная антилопа. 38. Созвездие. 40. Древнегреческий поэт.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 23

По горизонтали:

7. Арматура. 8. Волнение. 12. Каштан. 13. Строп. 14. Молога. 15. Бакен. 16. Судоходство. 17. Напор. 21. Трап. 22. Водохранилище. 23. Уста. 26. Монтаж. 27. Погодок. 28. Микрон. 29. Горючее. 30. Кремень. 35. Стрепет. 36. Пресс. 38. Фамилия. 39. Верфь. 40. Скала. 41. Пойма. 42. Титан. 45. Поток. 47. Мясоедов. 48. Читальня. 51. Гидроузел. 52. Тоннаж. 53. Массив.

По вертикали:

1. Орошение. 2. Батайск. 3. Простор. 4. Форпост. 5. Лесовод. 6. Питомник. 9. Экскаватор. 10. Преобразование. 11. Карповское. 15. Борт. 18. Роща. 19. Комплекс. 20. Электрон. 24. Строитель. 25. Экономист. 31. Ватерпас. 32. Пристань. 33. Лексикон. 34. Гарантия. 36. Пульпа. 37. Сборка. 43. Статор. 44. Цемент. 46. Тамбов. 49. Лира. 50. Дека.

УДОБСТВО ВЫСОТНОГО ДОМА

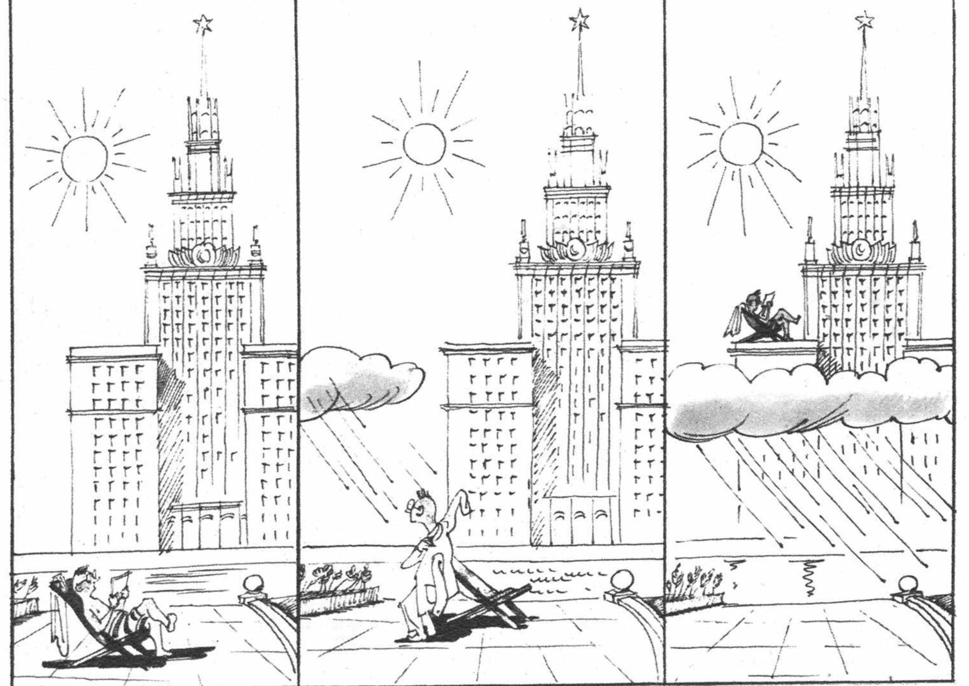

Рис. Ю. Черепанова

Иностранный юмор

ПОЛУЧИЛ РАБОТУ...

Видный американский сенатор, готовясь к выступлению на тему о росте преступности в Соединенных Штатах, решил лично посетить одну из тюрем.

В столярной мастерской тюрьмы его внимание привлек человек, работавший с большим увлечением. Начальник тюрьмы сообщил сенатору, что это опасный преступник, приговоренный к нескольким годам тюремного заключения.

— Ну, как дела? — покровительственно спросил у заключенного сенатор.

— Спасибо, хорошо! — последовал ответ. — Одно только не могу понять: почему у нас для того, чтобы получить работу, приходится сначала кого-нибудь убивать...

«Лудаш Мати», Венгрия

В этом номере помещены репродукции картин И. Н. Крамского — Автопортрет, «Неизвестная», К. К. Костанди — «В город на заработки», Н. П. Богданова-Бельского — «Дети на уроке», две страницы иллюстраций А. В. Ванециана к «Станционному смотрителю» А. С. Пушкина и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

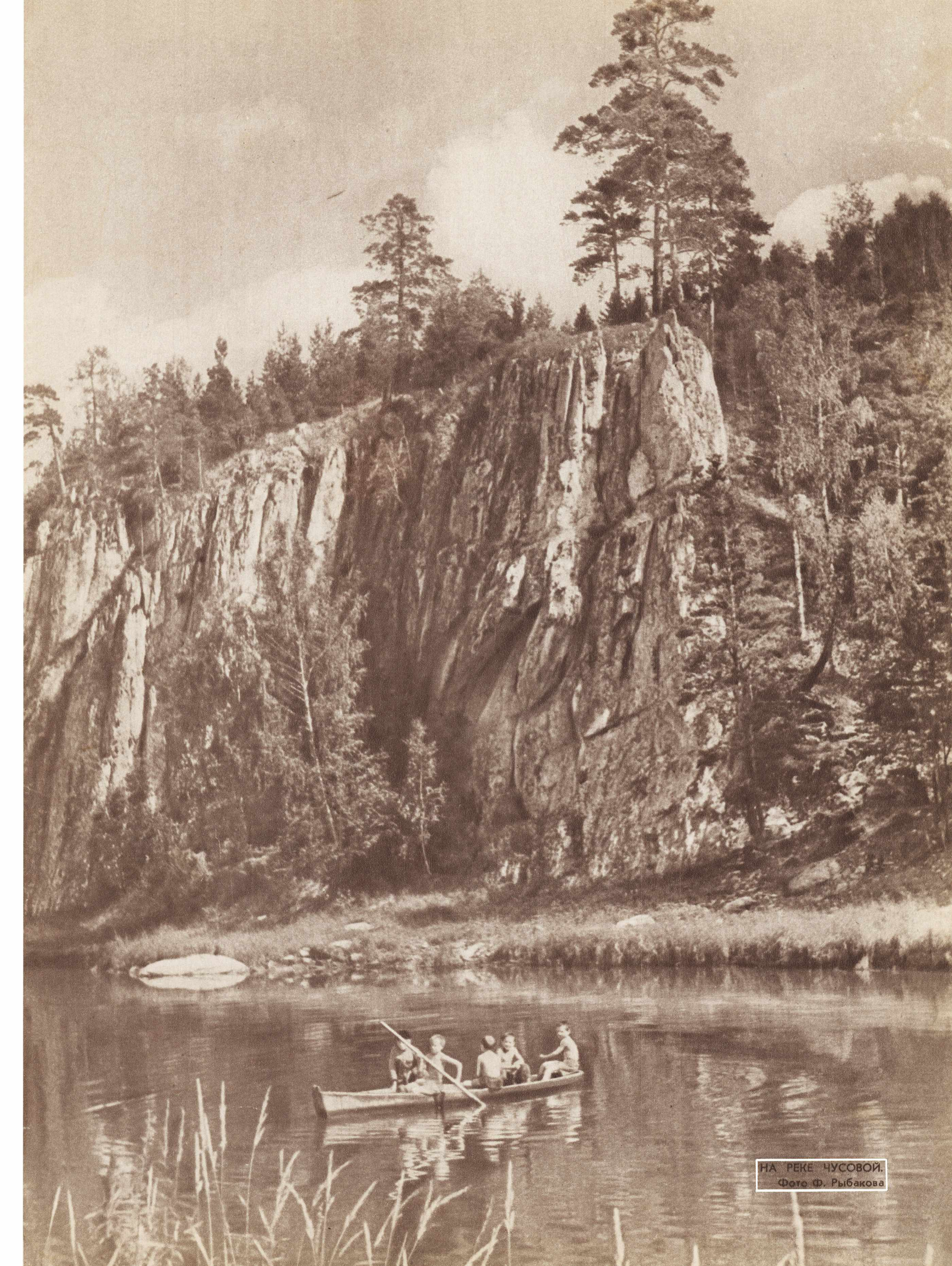
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора) А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 04411. Подп. к печ. 3/VI 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 417. Заказ 1235. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ.
Фото Ф. Рыбакова

МИНИСТЕРСТВО
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР
„Главконсерв"

ГК
ГЛАВКОНСЕРВ

ЗЕЛЕНЫЙ
ГОРОШЕК

Зеленый горошек

ВКУСНОЕ БЛЮДО И ПРЕВОСХОДНЫЙ ГАРНИР

С. САХАРОВ 52

Цена номера 3 руб.